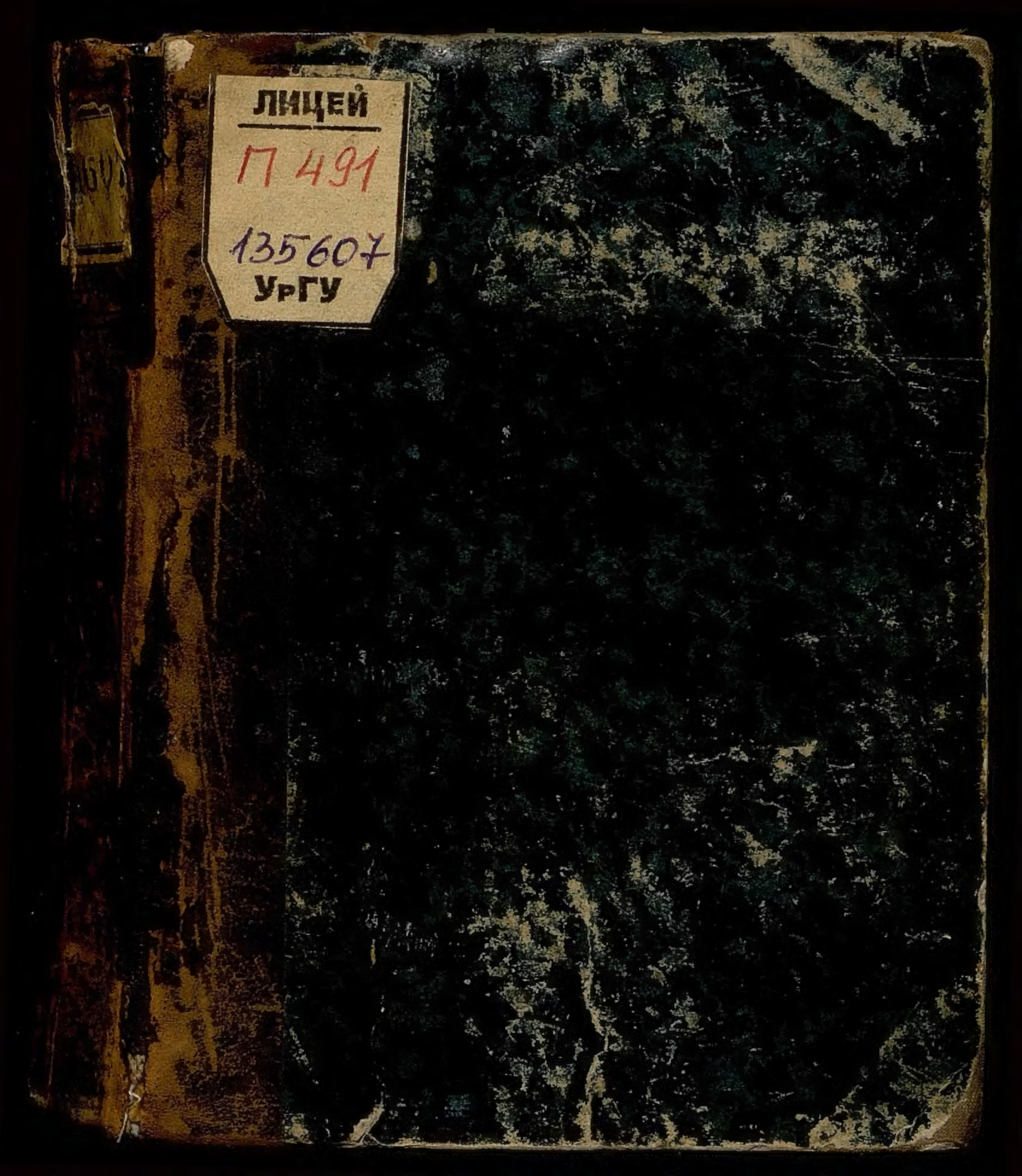
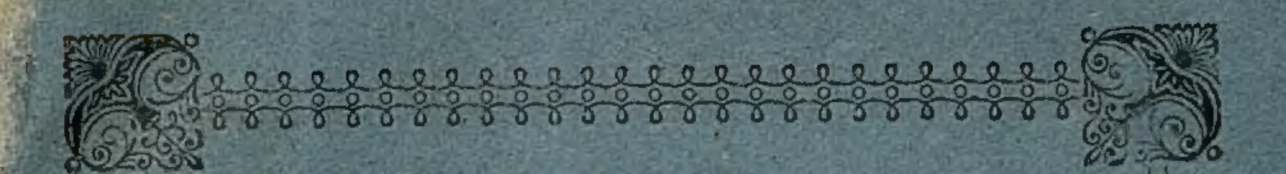

ЛИЦЕЙ
П 491
135607
УрГУ

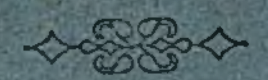

ДРАМАТИЧЕСКІЕ

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

Н. А. ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

ИМ

А

КО

ПО

ДРАМАТИЧЕСКІЯ

СОЧИНЕНІЯ и ПЕРЕВОДЫ.

III.

Драматическіе
СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ
Н. А. ПОЛЕВАГО.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Гамлетъ. — Уголино.

Н. А. П.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Н. Греча.

—

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 23-го Іюня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

ГАМЛЕТЪ,

ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

СОЧИНЕНІЕ

ВИЛЛІАМА ШЕКСПИРА.

Переводъ съ Англійскаго.

СЕРГѢЮ

ПОЛТОРАЦКОМУ,

доброму другу, о которомъ могу повторить слова великаго Шекспира:

He *is* a man, take him for all in all,
I shall not look upon his like again.

ГАМЛЕТЪ.

Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ, Января 22 дня, 1837 года, въ бенефисъ актера П. С. Мочалова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КЛАВДІЙ, король Датскій.
ГЕРТРУДА, супруга его.
ГАМЛЕТЪ, сынъ ея, отъ перваго брака съ братомъ Клавдія.
ПОЛОНІЙ, знатный чиновникъ при Дворѣ.
ЛАЕРТЪ, сынъ его.
ОФЕЛІЯ, дочь его.
ГОРАЦІО, другъ и соученикъ Гамлета.
ВОЛТИМАНДЪ, **КОРНЕЛІЙ**, **РОЗЕНКРАНЦЪ**, **ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ**, **ОСРИКЪ** — придворные.
МАРЦЕЛЛО, **БЕРНАРДО**, **ФРАНЦИСКО** — офицеры гвардіи.
РЕЙНОЛЬДО, служитель Полонія.
ФОРТИНБРАСЪ, принцъ Норвежскій.
ТѢНЬ отца Гамлетова.
Придворные и придворныя, офицеры, солдаты, актеры. Послы Норвежскіе, могильщики, народъ.

Дѣйствіе въ Эльсинорѣ, столицѣ Датскаго королевства.

ДѢЙСТВІЕ I.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕРРАСА ПЕРЕДЪ ДВОРЦОМЪ.

ФРАНЦИСКО, *на стражѣ,* БЕРНАРДО, *входитъ.*

БЕРНАРДО.

Кто здѣсь?

ФРАНЦИСКО.

Стой! Отвѣчай мнѣ:
Кто идетъ?

БЕРНАРДО.

Да здравствуетъ Король!

ФРАНЦИСКО.

Бернардо?

БЕРНАРДО.

Я.

ФРАНЦИСКО.

Какъ ты пришелъ исправно къ смѣнѣ.

БЕРНАРДО.

Полночь било. Ступай и спать ложись.

ФРАНЦИСКО.

За то спасибо: Холодъ рѣзкій.
Я нездоровъ.

БЕРНАРДО.

Спокойно ль все?

ФРАНЦИСКО.

И мышь не пробѣжала!

БЕРНАРДО.

Хорошо. Ночь добрая!
Когда увидишь Гораціо, Марцелло,
Моихъ товарищей, поторопи ихъ.

(*Гораціо и Марцелло входятъ*).

ФРАНЦИСКО.

Вотъ, кажется, они. Стой! Кто идетъ?

ГОРАЦІО.

Друзья отечества.

МАРЦЕЛЛО.

И подданные Короля.

ФРАНЦИСКО.

Ну, добра ночь!

МАРЦЕЛЛО.

Послушай-ка, товарищъ!
А кто смѣнилъ тебя?

ФРАНЦИСКО.

Бернардо.
Добра ночь!

(*уходитъ*).

МАРЦЕЛЛО.

Эй, другъ Бернардо!

БЕРНАРДО.

Отвѣчай:
Горацiо?

ГОРАЦIО.

Я за него.

БЕРНАРДО.

Добро пожаловать, Горацiо, Марцелло!

ГОРАЦIО.

Ну, что: являлся ли опять онъ въ эту ночь?

БЕРНАРДО.

Я не видалъ здѣсь ничего.

МАРЦЕЛЛО.

Горацiо не вѣритъ; говоритъ, что все мечта,

Не вѣритъ ничему, что говорилъ я
Объ этомъ страшномъ привидѣньи.
Вотъ для чего я пригласилъ его сюда;
Пусть онъ, когда опять мертвецъ придетъ,
Увидитъ самъ и говоритъ съ нимъ.

ГОРАЦІО.

Вздоръ! Онъ не придетъ!

БЕРНАРДО.

Сядемъ, и опять я разскажу,
Чтобы ты понялъ хорошенько, и повѣрилъ,
Что мы не бредимъ — видѣли два раза!

ГОРАЦІО.

Пожалуй, сядемъ — разскажи, Бернардо.

БЕРНАРДО.

Въ послѣднюю изъ этихъ ночь,
Когда вонъ та звѣзда, что тамъ восходитъ,
Стояла здѣсь, гдѣ и теперь, на этой части
неба,
Я и Марцелло — полночь било....
(*бьетъ двенадцать часовъ*).

МАРЦЕЛЛО.

Тише, посмотри — вотъ онъ....
(*входитъ Тѣнь.*)

БЕРНАРДО.

Онъ самъ — Король покойный нашъ!

МАРЦЕЛЛО.

Ты ученый, Гораціо — поговори съ нимъ!

БЕРНАРДО.

Смотри — ну, не похожъ ли онъ? Вглядись!

ГОРАЦІО.

Да, я дрожу отъ удивленія и страха!

БЕРНАРДО.

Поговори съ нимъ!

МАРЦЕЛЛО.

Говори, Гораціо!

ГОРАЦІО.

Кто бъ ни былъ ты, пришлецъ ночей,
Ты, въ гордой, величавой той осанкѣ,
Какою отличался нашъ Король покойный,
Ты, приходящій къ намъ — тебя я заклинаю —
говори!

МАРЦЕЛЛО.

Онъ оскорбился!

БЕРНАРДО.

Онъ уходитъ — посмотри!

ГОРАЦІО.

Стой, говори, я заклинаю — стой и говори!
(*Тѣнь уходитъ.*)

МАРЦЕЛЛО.

Онъ ушелъ — онъ не хотѣлъ намъ отвѣчать!

БЕРНАРДО.

Что съ тобой, Гораціо? Дрожишь ты, блѣденъ?
Что, выдумка ли привидѣнье, иль мечта?
Что скажешь ты?

ГОРАЦІО.

Я не повѣрилъ бы разсказу,
Когда бы въ собственныхъ моихъ глазахъ
Онъ не явился!

МАРЦЕЛЛО.

Но похожъ ли онъ на Короля?

ГОРАЦІО.

Какъ на себя походишь ты. Онъ такъ былъ грозенъ,
Когда въ доспѣхѣ бранномъ, въ битвѣ, межь врагами,
Водилъ къ побѣдѣ, царства покорялъ!
Непостижимо!

МАРЦЕЛЛО.

Вотъ уже вторично,
Съ такимъ же грознымъ видомъ онъ явился намъ.

ГОРАЦІО.

Что это значитъ — я не постигаю,
Но — горе предвѣщаетъ намъ мертвецъ!

МАРЦЕЛЛО.

Да, не войну ли предвѣщаетъ онъ?
Скажи: къ чему вездѣ разставлены полки,
И пушки льютъ, готовятся запасы,
И корабли поспѣшно созидаютъ,
И день и ночь вездѣ работа?

ОРАЦІО.

Слышно,
Что нашъ Король покойный — тѣнь его,
Мы видѣли теперь — вы знать должны
Всѣ обстоятельства войны послѣдней,
Когда на гордый вызовъ Фортинбраса,
Норвежскаго властителя, отвѣтомъ
Былъ громъ оружія, и Фортинбрасъ
Палъ въ битвѣ. Предварительнымъ условьемъ было,
Что побѣдитель завладѣетъ царствомъ

Того, кто будетъ побѣжденъ, и нашъ Король
Послѣ побѣды взялъ Норвегію себѣ.
Теперь, какъ будто смертью Короля
На подвиги и битвы ободренный,
Сынъ Фортинбраса, юный принцъ Норвежскій,
Толпу собралъ отважныхъ удальцовъ
И намъ грозитъ отмщеньемъ и войною.
Вотъ, говорятъ, причина, почему
Нашъ нынѣшній Король готовитъ войско
И поспѣшаетъ заготовить корабли.

БЕРНАРДО.

Вотъ это, вѣроятно, и причина,
Зачѣмъ изъ гроба грозный всталъ воитель:
Онъ предвѣщаетъ битвы и войну.

ГОРАЦІО.

Но зачѣмъ тревожить насъ явленьемъ?
Когда во славѣ былъ великій Римъ
И Цезарю готовилась кончина,
Ужасныя видѣнья возмущали міръ:
По городамъ бродили мертвецы,
Кометы съ пламенпымъ хвостомъ являлись,
Кровавый капалъ дождь, и тмилось солнце,
И звѣзды падали съ небесъ. Уже ли

И въ наши дни подобныя явленья
Насъ возмутятъ, и бѣдствія предвѣстья,
Кровавыми дѣлами отзовутся?

(*Тѣнь входитъ и идетъ медленно.*)

Онъ снова! Онъ идетъ! Пусть уничтожитъ
Онъ меня — я смѣло стану, я спрошу его!
Стой, привидѣнье! Если у тебя есть голосъ,
Когда ты можешь говорить, то говори —
Скажи:
Иль страждущей душѣ твоей поможетъ
Благое дѣло — я готовъ исполнить.
Скажи:
Иль вѣдаешь отчизны гибель
И упредить ее стремишься — говори,
О, говори!
И если ты сокровища зарылъ
И бродишь стражемъ ихъ, пока отважный
Не сыщется и не отроетъ ихъ —
Скажи, скажи мнѣ, отвѣчай!
Марцелло!
Загороди ему дорогу!

МАРЦЕЛЛО.

Стой!

ГОРАЦІО.

Коли его, когда онъ отвѣчать не хочетъ!

БЕРНАРДО.

Стой, стой!

ГОРАЦІО.

Сюда, сюда!

МАРЦЕЛЛО.

Ушелъ!

(*Тѣнь уходитъ.*)

Мы оскорбили царственную тѣнь!
Его величественный прахъ смутился,
И что могли мы сдѣлать — невредимъ
Отъ нашихъ копьевъ и мечей онъ былъ!

ГОРАЦІО.

Да, оскорбили мы его безумствомъ.
Но, вотъ ужь вѣетъ утренней прохладой
И небо заалѣло на востокѣ.
Друзья! на смѣну къ намъ идутъ.
Сюда, и посовѣтуемъ о томъ: не должно ль
Намъ все сказать Гамлету? Можетъ быть,
Онъ съ сыномъ станетъ говорить,
Ему откроетъ тайну появленья?
А между тѣмъ — храните тайну!

Пусть сокровеннымъ между нами будетъ
Явленье царственнаго мертвеца.

МАРЦЕЛЛО.

Согласны.

Мы тайну сохранимъ, но скажемъ
Объ ней Гамлету — пусть разсудитъ онъ,
Что дѣлать и что думать должно намъ.
Не медлите — я знаю гдѣ его найдти,
И разсказать о томъ, что насъ тревожитъ.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Зала въ королевскомъ дворцѣ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ГАМЛЕТЪ, ПОЛОНІЙ, ЛАЕРТЪ,
ВОЛТИМАНДЪ, КОРНЕЛІЙ, ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ.

Сколь намъ ни драгоцѣнна память брата,
Похищеннаго смертью, и прилично бъ было
Предаться скорби объ его потерѣ,
Но благо общее и мудрость ваша
Заставили насъ поступать иначе

И скорбь и радость вмѣстѣ съединить.
Единымъ окомъ проливая слезы,
Другой къ веселью обратили мы:
Обрядъ печальный похоронъ едва свершился,
Какъ мы торжествовали новый бракъ
Съ женою брата, вашей Королевой,
Возлюбленной теперь супругой нашей,
И съ нею раздѣляемъ нашу власть
Надъ Датскою великою землею.
Вашъ мудрый мы исполнили совѣтъ —
Примите благодарность нашу и привѣтъ.
Къ другому обратимся мы предмету.
Извѣстно вамъ, что смѣлый Фортинбрасъ,
Не уважая силы нашей, можетъ быть,
Помысливъ, что кончина брата, Короля,
Даетъ ему права быть дерзкимъ,
Прислалъ посольство къ намъ, и смѣетъ
Обратно требовать отца наслѣдство,
Пріобрѣтенное войны закономъ. Мы
Собрали васъ и объявляемъ вамъ
На дѣло важное рѣшенье наше:
Писали мы къ Норвежскому владыкѣ,
Младаго Фортинбраса дядѣ, Королю,
И требовали, чтобы его велѣньемъ были

Прекращены всѣ замыслы вражды
И всѣ приготовленья Фортинбраса.
Васъ избираемъ мы, Корнелій, Волтимандъ:
Идите къ старому Норвежскому владыкѣ.
Привѣтствіе ему отъ насъ, и если мы
Вамъ не даемъ довѣренности нашей
Окончить дѣло, тѣмъ не меньше будемъ
Надѣяться на мудрость вашу въ дѣлѣ.
Идите, и поспѣшностью своей
Намъ докажите вѣрность вашу.

КОРНЕЛІЙ.

Смѣемъ
Увѣрить васъ, что долгъ исполнить мы
Приложимъ все старанье.

КОРОЛЬ.

Вѣримъ,
Идите, и сердечное желаніе успѣха
Сопровождаетъ васъ въ пути и въ дѣлѣ.
(*Корнелій и Волтимандъ уходятъ*).
Къ тебѣ мы обращаемъ рѣчь, Лаертъ.
Мы слышали, что у тебя есть просьба къ
намъ.
Скажи, чего желаешь ты? Мы поспѣшимъ

Исполнить, доказать тебѣ желая,
Что такъ, какъ голова послушна сердцу
И какъ рука служить готова рту,
Готовы мы исполнить всѣ желанья
Полон'єва сына, друга и слуги
Намъ вѣрнаго.

ЛАЕРТЪ.

Позвольте, государь,
Отправиться во Францію мнѣ снова.
Я поспѣшилъ сюда, желая доказать
Усердіе при вашемъ торжествѣ
Восшествія на отческій престолъ;
Теперь опять туда стремлюсь желаньемъ.

КОРОЛЬ.

Но позволяетъ ли Полоній, твой родитель?

ПОЛОНІЙ.

Онъ надоѣлъ мнѣ, государь, и я охотно
Печать къ его прошенью приложилъ,
То есть, позволилъ, но безъ вашей воли
Ему не ѣхать.

КОРОЛЬ.

Если только воля
Моя потребна, я охотно позволяю:

Когда тебѣ угодно, можешь ѣхать,
Лаертъ. — Къ тебѣ теперь я обращаю рѣчь,
Мой братъ и мой любезный сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ (*въ сторону*).

Немного больше брата, меньше сына.

КОРОЛЬ.

Зачѣмъ такія облака печали на лицѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Такъ близко къ солнцу радости — могу ли
Одѣть себя печали облаками, государь!

КОРОЛЕВА.

Оставь печаль, Гамлетъ нашъ добрый. Обрати
Взоръ дружескій на Короля. Зачѣмъ
Ты взоры потупляешь въ землю, будто ищешь
Во прахѣ твоего покойнаго отца!
Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ — уми-
рать.

ГАМЛЕТЪ.

Да, Королева, всѣмъ живущимъ умирать —
Таковъ нашъ жребій!

КОРОЛЕВА.

Если такъ,
Зачѣмъ же смерть отца тебя печалитъ,

Какъ будто тѣмъ законъ природы измѣненъ?
Такъ кажется, смотря на грусть твою.

ГАМЛЕТЪ.

Не кажется, но точно такъ я мыслю.
Ни черная одежда и ни вздохи,
Ни слезы и ни грусть, ни скорбь,
Ничто не выразитъ души смятенной чувствъ,
Какими горестно терзаюсь я — простите!

КОРОЛЬ.

Мы видимъ доброе, Гамлетъ, въ твоей печали,
И нѣжное въ любви сыновней сердце,
Но время есть всему — печали также время,
И безразсудство, грѣхъ великій даже,
Противъ судьбы роптанье, непокорство,
Хула противъ природы вѣчнаго закона,
Когда печаль мы продолжимъ и будемъ
Вѣкъ плакать объ умершихъ! Отложи
Печаль свою. Во мнѣ отца ты видишь,
Наслѣдникъ нашъ и нѣжный сынъ! Увѣрься,
Что мы любовью замѣнимъ тебѣ потерю.
Но на желаніе отъѣзда въ чуждый край,
Для продолженія наукъ, мы несогласны;
Останься съ нами, будь утѣхой намъ,

Гамлетъ, нашъ добрый братъ и сынъ нашъ
добрый!

КОРОЛЕВА.

Не тщетны будутъ просьбы матери, надѣюсь,
Ты согласишься здѣсь, Гамлетъ, остаться?

ГАМЛЕТЪ.

Во всемъ повиноваться вамъ — мой долгъ!

КОРОЛЬ.

Такой отвѣтъ мнѣ сердце веселитъ.
Будь равенъ намъ, развеселись, утѣшься!
Твое согласіе остаться съ нами
Наполнило мнѣ радостью всѣ чувства,
И я хочу, чтобы въ весельи сердца,
При пирѣ нынѣшнемъ, заздравный кубокъ
Пальбою пушечной сопровождаемъ былъ
За каждое здоровье! Громко будетъ
Возвѣщена утѣха наша свѣту,
И громъ земли подъ небесами грянетъ!
Пойдемъ-те, Королева!

(*Всѣ уходятъ*).

ГАМЛЕТЪ (*одинъ*).

Для чего
Ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,

О для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!
И еслибы всесильный намъ не запретилъ
Самоубійства.... Боже мой, великій Боже!
Какъ гнусны, безполезны, какъ ничтожны
Дѣянья человѣка на землѣ!
Жизнь! что ты? Садъ, заглохшій
Подъ дикими, безплодными травами...
Едва лишь шесть недѣль прошло, какъ нѣтъ его,
Его, властителя, героя — полубога
Предъ этимъ — повелителемъ ничтожнымъ,
Предъ этимъ — мужемъ матери моей —
Его, любившаго ее любовью
Столь пламенною.... Небо и земля!
Могу ль забыть?.. Она, столь страстная су-
пруга...
Одинъ лишь мѣсяцъ — я не смѣю мыслить...
О, женщины! ничтожество вамъ имя!
Какъ? Мѣсяцъ.... Башмаковъ она еще не из-
носила,
Въ которыхъ шла за гробомъ мужа,
Какъ бѣдная вдова, въ слезахъ... и вотъ — она,
Она... О, Боже! звѣрь безъ разума и чувства
Грустилъ бы болѣе! — она супруга дяди,
Который шакъ походитъ на отца,

Великаго Гамлета, Короля, какъ я на Герку-
леса —
И мѣсяцъ только! Слезъ ея коварныхъ
Слѣды не высохли — она жена другаго!
Проклятая поспѣшность! Провидѣнье
Такого брака не могло благословить!
Быть худу, быть бѣдамъ.... Но, сокрушайся
сердце,
Когда языкъ мой говорить не смѣетъ!...

→•←

ГОРАЦІО, БЕРНАРДО, МАРЦЕЛЛО.

ГОРАЦІО.

Привѣтъ нашъ Принцу!

ГАМЛЕТЪ.

Радъ васъ видѣть, господа,
Но, что это? Не ошибаюсь ли? Гораціо?

ГОРАЦІО.

Я самъ
Къ услугамъ вашимъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Къ чему тутъ принца!
Добрый другъ — вотъ имя общее тебѣ и мнѣ.

Но что жь, зачѣмъ вы здѣсь, Гораціо, Марцелло?

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ....

ГАМЛЕТЪ.

Радъ васъ видѣть — этому повѣрьте;
Но зачѣмъ вы бросили ученье, говорите?

ГОРАЦІО.

Отъ лѣности, мой добрый принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Неправда —
Этого и врагъ твой о тебѣ не скажетъ:
Я знаю, ты лѣниться не охотникъ, Гораціо.
Нѣтъ! что нибудь другое васъ влекло сюда....
Или вы пьянствовать хотите научиться здѣсь?
Пожалуй, мы научимъ васъ — и скоро!

ГОРАЦІО.

Принцъ! я хотѣлъ отдать послѣдній долгъ: пріѣхалъ
На погребенье вашего отца.

ГАМЛЕТЪ.

Не смѣйся

Надо мной, товарищъ — говори: спѣшилъ пріѣхать
На свадьбу вашей матери.

ГОРАЦІО.

Да, правда, принцъ,
Одно послѣ другаго не замедлило.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ что жь?
Хозяйственное здѣсь распоряженье было:
Отъ похоронъ осталось много блюдъ,
Такъ ихъ на свадьбѣ поспѣшили съѣсть....
О еслибъ въ адъ велѣли мнѣ идти,
Къ врагу лютѣйшему, все легче бы мнѣ было,
Чѣмъ видѣть этотъ день проклятый!... Другъ!
Мнѣ кажется, еще отца я вижу....

ГОРАЦІО.

Гдѣ,
Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Въ очахъ души моей, Горацiо!

ГОРАЦІО.

Я зналъ
Его, видалъ — Король великій былъ онъ.

ГАМЛЕТЪ.

Человѣкъ онъ былъ.... Изъ всѣхъ людей,
Мнѣ не видать уже такого человѣка!

ГОРАЦІО.

Мнѣ кажется его я видѣлъ въ эту ночь.

ГАМЛЕТЪ.

Видѣлъ? Кого?

ГОРАЦІО.

Мой принцъ!
Я видѣлъ Короля, родителя Гамлетова.

ГАМЛЕТЪ.

Отца моего видѣлъ?

ГОРАЦІО.

Нетерпѣнье
Утишьте, принцъ, и чудо разскажу я вамъ,
И вотъ они свидѣтелями будутъ.

ГАМЛЕТЪ.

О ради Бога, говори!

ГОРАЦІО.

Вотъ, по двѣ ночи,
Бернардо и Марцеллъ, на стражѣ стоя,

Въ завѣтный часъ полуночи, видали: кто-то,
На вашего родителя похожій, съ ногъ до головы
Вооруженный, по три раза каждой ночью,
Торжественно и тихо, величавый,
На разстояніи копья, не дальше,
Шелъ мимо нихъ. Они, въ испугѣ,
Облитые холоднымъ потомъ, рѣчь
Начать не смѣли, трепеща отъ страха.
Они открыли тайну мнѣ, и въ третью ночь
Я съ ними былъ на стражѣ. Въ часъ завѣтный,
И въ томъ же видѣ, какъ являлось прежде,
Явилось привидѣнье — я его узналъ:
То былъ родитель вашъ, и сходство
Разительное было между нимъ и тѣнью.

ГАМЛЕТЪ.

Гдѣ это было?

МАРЦЕЛЛО.

На террасѣ, гдѣ мы стражу держимъ.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ съ вами говорилъ?

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, принцъ, ни слова.
Я рѣчь къ нему осмѣлился начать,

И онъ хотѣлъ, какъ будто говорить,
Но утра часъ мгновенно наступилъ
И смутное исчезло привидѣнье.

ГАМЛЕТЪ.

Странно!

ГОРАЦІО.

Но въ вѣрности разсказа я ручаюсь,
И долгомъ мы поставили донесть
Вамъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю, благодарю, друзья,
Но я встревоженъ вѣстью вашей.... Нынѣ
Вы будете ль на стражѣ?

ВСѢ.

Будемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ вооруженъ?

ВСѢ.

Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Вполнѣ?

ВСѢ.

Отъ головы до ногъ.

ГАМЛЕТЪ.

Но видно ль было
Вамъ привидѣнія лицо?

ГОРАЦІО.

Наличникъ шлема
Былъ поднятъ, и мы видѣли его.

ГАМЛЕТЪ.

Онъ былъ угрюмъ?

ГОРАЦІО.

Печаленъ больше, а не гнѣвенъ.

ГАМЛЕТЪ.

И блѣденъ?

ГОРАЦІО.

Страшно блѣденъ!

ГАМЛЕТЪ.

Пристально ль смотрѣлъ
На васъ онъ?

ГОРАЦІО.

Очень пристально.

ГАМЛЕТЪ.

За чѣмъ
Я не былъ съ вами!

ГОРАЦІО.

Вы бъ изумились, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Да, да, но долго ль былъ онъ съ вами?

ГОРАЦІО.

Въ рядъ ли сотню
Успѣешь насчитать, считая тихо.

МАРЦЕЛЛО И БЕРНАРДО.

Дольше!

ГОРАЦІО.

По крайней мѣрѣ, въ этотъ разъ,
Когда я былъ — не дольше.

ГАМЛЕТЪ.

Въ эту ночь
На стражѣ съ вами самъ я стану. Можетъ быть,
Онъ вновь придетъ....

ГОРАЦІО.

Повѣрьте, принцъ, придетъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если я увижу образъ
Почтенный, родителя мнѣ драгоцѣнный видъ,
Я стану говоритъ съ нимъ — хоть бы адъ,

Разверзнувъ челюсти, мнѣ воспрещалъ! Прошу
вас,
Когда вы скрыли тайну привидѣнья,
Хранить ее, хранить свое молчанье,
И чтобы ни случилось въ эту ночь —
Все видѣть — языку не вѣрить ничего!
Любовь моя васъ наградитъ. Простите!
Мы тамъ, на мѣстѣ, свидимся опять,
Между двѣнадцати часовъ и полуночи
Мы свидимся!

ВСѢ.

Почтенье наше, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

И дружба вамъ моя! Прощайте!
(Они уходятъ.)
Тѣнь моего отца — въ оружіи! — Бѣдами
Грозитъ она — открытіемъ злодѣйства....
О еслибъ поскорѣе ночь настала!
До тѣхъ поръ — спи, моя душа!
Злодѣйство встанетъ на бѣду себѣ,
И если ты его землей закроешь цѣлой,
Оно стряхнетъ ее и явится на свѣтъ!
(Уходитъ).

ЛАЕРТЪ И ОФЕЛИЯ (*входятъ*).

ЛАЕРТЪ.

Ужь все мое на кораблѣ. — Прощай,
Сестра! Попутный вѣетъ вѣтеръ
И путь мой будетъ не далекъ. Смотри же,
Не полѣнись писать мнѣ!

ОФЕЛИЯ.

Буду.

ЛАЕРТЪ.

А о Гамлетѣ и его любви
Забудь. Повѣрь, что это все мечта,
Игрушка дѣтская, цвѣтокъ весенній,
Который пропадетъ, какъ тѣнь —
Не болѣе.

ОФЕЛИЯ.

Не болѣе?

ЛАЕРТЪ.

Повѣрь же брату.
Не спорю, что Гамлетъ, быть можетъ,
Одушевленъ къ тебѣ любовью чистой,
Но онъ не властенъ въ жребіи своемъ,
Онъ долженъ жертвовать собой отчизнѣ

И ты ему подругой быть не можешь.
Подумай, что жь тебѣ въ его любовной пѣснѣ,
Въ мечтѣ опасной? Если чувство сердца
Ты дашь замѣтить принцу, кто порука,
Что онъ не увлечетъ тебя въ погибель?
Свѣтъ такъ безсмысленъ, люди такъ коварны...
И если клевета найдетъ причину,
Злословіе тебя погубитъ. Вѣрь,
Что опасенье лучшая преграда
Отъ пылкой страсти и злорѣчья свѣта.

ОФЕЛІЯ.

Совѣтъ хорошъ, я вѣрю, но, любезный братъ,
Скажи: ты не походишь ли на тѣхъ,
Кто любитъ путь указывать къ добру,
А самъ идетъ дорогою окольной?

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ! вѣрь усердью брата и его любви!
Но вотъ идетъ отецъ нашъ. Мой родитель!
Мы съ вами ужь простились, но случайно
Опять встрѣчаемся.

ПОЛОНІЙ.

Да, что жь ты медлишь?
Попутный дуетъ вѣтеръ — добрый путь!

Ну, кстати я тебя еще благословлю
И вновь тебѣ благіе дамъ совѣты —
Запечатлѣй ихъ въ памяти, Лаертъ!
«Не все то говори, что знаешь;
Подумай прежде, а потомъ исполни;
Будь ласковъ, но дружись подумавъ;
Съ кѣмъ подружился, вѣрнымъ другомъ будь,
Но всякому не довѣряйся въ дружбѣ;
Не ссорься, а поссорившись, будь твердъ;
Все слушай, да не все болтай что слышишь;
Всѣхъ мнѣнія узнать старайся,
Но самъ соображай что думать должно;
Не будь скупцомъ, но не мотай безъ толку;
По платью насъ встрѣчаютъ, потому
Въ одеждѣ не показывайся скрягой,
Но роскоши остерегайся также;
Самъ не проси въ займы и не давай другимъ:
Ссудить, занять — повѣрь, то и другое
Ведетъ къ разрыву дружбы. Вотъ
Что я хотѣлъ тебѣ сказать. Довольно!
Ну, Богъ тебя благослови, мой сынъ!

ЛАЕРТЪ.

Простите, мой почтеннѣйшій родитель!

ПОЛОНІЙ.

Тебя вѣдь ждутъ — что медлить? Съ Богомъ!

ЛАЕРТЪ.

Прощай, Офелія, и помни мой совѣтъ!

ОФЕЛІЯ.

Я заперла его на сердцѣ — ключъ
Возми съ собой, Лаертъ.

ЛАЕРТЪ.

Простите!
(уходитъ).

ПОЛОНІЙ.

Какой совѣтъ, Офелія? Что это значитъ?

ОФЕЛІЯ.

О принцѣ мнѣ Гамлетѣ говорилъ онъ.

ПОЛОНІЙ.

Кстати!
Вотъ слышалъ я, что будто бы Гамлетъ
Съ тобою ласковъ, и что будто ты сама
Съ нимъ что-то ласкова? Послушай:
Когда все это правда — знаешь —
Я, какъ отецъ и честный человѣкъ,

Скажу тебѣ.... Признайся откровенно,
Что поводъ подастъ къ такимъ рѣчамъ?

ОФЕЛІЯ.

Не знаю, мой родитель. Принцъ
Мнѣ говорилъ, что онъ.... что онъ....
Ко мнѣ питаетъ чувство уваженья....

ПОЛОНІЙ.

Ужъ эти уваженья мнѣ.... И ты могла,
Какъ глупая дѣвчонка, вѣрить вздорамъ?

ОФЕЛІЯ.

Что думать мнѣ — сама не знаю я.

ПОЛОНІЙ.

Такъ я тебѣ скажу, что ты глупа,
И за наличную берешь монету
Слова пустыя. Уваженье! Можетъ быть,
Ты уменьшаешь смыслъ.... Пожалуй —
Онъ скажетъ, что влюбленъ, что любитъ,
Что обожаетъ, что не можетъ жить!

ОФЕЛІЯ.

Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ
Былъ нѣженъ, такъ почтителенъ и робокъ....

ПОЛОНІЙ.

Такъ что жь еще? Да, какъ же говоришь?
Поди — ты безтолковая дѣвчонка!

ОФЕЛІЯ.

Онъ клялся мнѣ въ любви своей.

ПОЛОНІЙ.

Вотъ-на!
Ну, принцъ Гамлетъ, ты ловко ловишь дичь!
Положимъ, если онъ и точно любитъ,
И страстью увлеченъ къ тебѣ, мой другъ,
Такъ это просто — свѣтитъ, да не грѣетъ,
И не огонь, а молнія и — только!
Впередъ старайся съ нимъ не говорить,
А особливо о любви и потихоньку.
Принцъ молодъ, и ему, какъ принцу,
Простительно — тебѣ, Офелія, никакъ!
И коротко, да ясно: ничему не вѣрь!
Знай: этотъ молодой народъ обманщикъ,
Прикинется такимъ, что будто чудо....
А въ самомъ дѣлѣ.... Ты не понимаешь,
Но я тебѣ однажды навсегда,
Ни говорить самой, ни слушать рѣчи принца

Объ этакихъ вещахъ не позволяю — слышишь?
Прошу припомнить и не забывать!

ОФЕЛІЯ.

Всегда
Повиноваться вамъ мой первый долгъ.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Декорація перваго явленія.

ГАМЛЕТЪ, ГОРАЦІО, МАРЦЕЛЛО.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ холодно! Какой же рѣзкій вѣтеръ!

ГОРАЦІО.

Да, холодно и вѣтръ пронзительный.

ГАМЛЕТЪ.

А часъ который?

ГОРАЦІО.

Полночь скоро.

МАРЦЕЛЛО.

Полночь било.

ГОРАЦІО.

А, такъ скоро часъ настанетъ,
Когда мертвецъ сюда приходитъ.
(*Отдаленные звуки трубъ*).
Что это такое?

ГАМЛЕТЪ.

Что? Веселый пиръ
Великаго властителя, и каждый разъ,
Какъ онъ стаканъ вина подноситъ ко рту,
Звукъ трубный возвѣщаетъ свѣту подвигъ
Героя-короля.

ГОРАЦІО.

Таковъ обычай.

ГАМЛЕТЪ.

И не спорю,
Да, зачѣмъ не кинуть намъ такой дурной
обычай?
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ.
Пусть онъ ошибка, пусть привычка будетъ,
Зачѣмъ безславить намъ себя,

И малаго пятна не постараться смыть,
Чтобы оно намъ чести не губило?

ГОРАЦІО.

Смотрите, принцъ — вотъ онъ идетъ!

(*Входитъ тѣнь*).

ГАМЛЕТЪ.

О защитите насъ, святые духи неба!
Тѣнь праведная, иль мертвецъ проклятый,
Несешь ли ты намъ счастье или гибель,
Дыханье неба или адскій смрадъ!
Ты намъ предсталъ въ такомъ великомъ видѣ —
Я долженъ говорить тебѣ — отвѣтствуй,
Гамлетъ, король мой — мой отецъ!
Не дай погибнуть мнѣ въ незнаніи — скажи,
Зачѣмъ твои воздвиглись кости изъ гробницы?
Зачѣмъ ты разорвалъ свой саванъ гробовой?
Ты, трупъ безъ жизни, вновь въ стальной бронѣ,
Здѣсь бродишь въ мѣсячномъ сіяньи,
Стращаешь насъ, безумцовъ, и тревожишь
Такими мыслями, что бѣдный разумъ
Невольникомъ становится безумства!
Зачѣмъ ты здѣсь? Скажи, что дѣлать намъ?

ГОРАЦІО.

Принцъ! онъ васъ манитъ, онъ васъ зоветъ,
Какъ будто тайну хочетъ вамъ открыть
Наединѣ....

МАРЦЕЛЛО.

Смотри, какъ дружески и тихо
Онъ васъ зоветъ съ собой — но, ради Бога,
Принцъ! не ходите!

ГОРАЦІО.

Не ходите, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ здѣсь не говоритъ и я иду за нимъ!

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего бояться?
Мнѣ жизнь моя ничтожна, а душѣ,
Что сдѣлать можетъ онъ душѣ безсмертной?
Смотрите — онъ зоветъ — иду, иду!

ГОРАЦІО.

А если онъ васъ заведетъ въ пучину моря,
Иль на скалу, что тамъ стоитъ

На берегу морскомъ, склонясь на волны,
И въ страшномъ видѣ тамъ предстанетъ онъ,
И разумъ вашъ безумствомъ замѣнитъ?
Ужасенъ видъ одинъ ревущихъ волнъ
Подъ дикою скалой утеса....

ГАМЛЕТЪ.

Снова манитъ онъ — иди, я слѣдую — иду!

МАРЦЕЛЛО.

Вы не пойдете, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Прочь отъ меня!

ГОРАЦІО.

Опомнитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Судьба зоветъ меня,
И въ каждой жилѣ чувствую я крѣпость
Могучихъ львиныхъ силъ — онъ вновь зоветъ!
Прочь отъ меня, прочь — я клянусь вамъ небомъ,
Что будетъ мертвецомъ, кто смѣетъ
Остановить меня — клянусь — иди, я слѣ-
дую.... иду!
(*Онъ идетъ за Тѣнью*).

ГОРАЦІО.

Онъ помѣшался, обезумѣлъ онъ!

МАРЦЕЛЛО.

Пойдемъ за нимъ — намъ долгъ велитъ идти!

ГОРАЦІО.

Пойдемъ! Но что послѣдуетъ за тѣмъ!

МАРЦЕЛЛО.

Я бѣдствія отечества предвижу!

ГОРАЦІО.

Да, сохранитъ насъ небо!

МАРЦЕЛЛО.

Поспѣшимъ!

(*Они уходятъ*).

ТѢНЬ, ГАМЛЕТЪ *слѣдуетъ за нею.*

ГАМЛЕТЪ.

Куда ведешь ты? Говори! Я далѣе нейду!

ТѢНЬ.

Внимай мнѣ!

ГАМЛЕТЪ.

Говори!

ТѢНЬ.

Ужь скоро часъ ударитъ,
Когда мнѣ должно возвратиться въ тѣ мѣста,
При имени которыхъ грѣшникъ содрогнется.

ГАМЛЕТЪ.

Увы! отецъ мой!

ТѢНЬ.

Не жалѣй о мнѣ — внимай, что буду
Я говорить — внимай!

ГАМЛЕТЪ.

Вниманье долгъ мой!

ТѢНЬ.

И мщенье за меня твой неизмѣнный долгъ!

ГАМЛЕТЪ.

Что слышу?

ТѢНЬ.

Голосъ твоего отца,
Сужденнаго бродить во тмѣ ночной,
И мучиться, пока грѣхи мои сгорятъ

Средь пламени терзаній адскихъ.
О еслибъ могъ я разсказать тебѣ —
Отъ одного бы слова кровь твоя застыла,
И очи выпали бы со слезами,
И каждый волосъ на главѣ твоей сталъ дыбомъ!
Но вѣчное молчанье печатлѣетъ мнѣ уста....
Внимай, внимай, внимай! Любилъ ли ты меня?

ГАМЛЕТЪ.

О небо!

ТѢНЬ.

Отмсти же смерть мою — убійство!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Убійство!

ТѢНЬ.

Да, безчеловѣчное, свирѣпое убійство,
Злодѣйство безъ числа, и мѣры и предѣловъ!

ГАМЛЕТЪ.

Скажи мнѣ — будто мысль, иль помыслы любви,
Я полечу къ отмщенью!

ТѢНЬ.

Ты готовъ,
И еслибъ ты подобенъ былъ травѣ изгнившей,

Ты долженъ быть готовъ! Внимай мнѣ, сынъ мой:
Распространили слухъ, что сонный я
Ужаленъ былъ змѣею ядовитой.
Такъ говорили, но узнай, мой юный сынъ,
Что змѣй, ужалившій меня и погубившій,
Теперь вѣнецъ мой носитъ!

ГАМЛЕТЪ.

Дядя мой!
О ты, души моей предчувствіе, сбылось!

ТѢНЬ.

Чудовище разврата и порока
Волшебствомъ разума и лестью нѣги
Умѣлъ прельстить мою супругу, Королеву,
Гамлетъ! ты понялъ ли позоръ и стыдъ мой?
Она повергласъ въ пропасти разврата
И обольститель восторжествовалъ!
Но, слышу, вѣетъ утренней прохладой —
Мнѣ должно сократить разсказъ — въ саду
Я отдыхалъ, и съ чашей яда онъ подкрался,
И сонному мнѣ въ ухо влилъ ужасный ядъ,
Ядъ, отъ котораго кровь стынетъ
И тѣло падаетъ согнившимъ трупомъ.
И въ мигъ одинъ рукою брата

Я былъ лишенъ супруги, и вѣнца и жизни,
Погибъ во тмѣ грѣха, безъ покаянья!
О, ужасъ, ужасъ, ужасъ! Позабудь природы
голосъ,
Избавь позора честь мою и тронъ!
Страшись вознесть на матерь руку,
Оставь ее терзаньямъ горести и скорби —
Отмсти убійцѣ!.... Червь свѣтящій меркнетъ
И утра часъ мнѣ тяжкій возвѣщаетъ....
Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!

(*Исчезаетъ*).

ГАМЛЕТЪ (*одинъ*).

О небо! И земля! И что еще?
Или и самый адъ призвать я долженъ?
Не бейся, сердце, и не старѣй, тѣло,
И укрѣпитесь въ новыхъ силахъ!
Помнить о тебѣ.... Отецъ несчастный!
Я буду помнить, пока память будетъ!
Помнить о тебѣ.... Да, я изглажу
Изъ памяти моей все что я помнилъ,
Всѣ мысли, чувства, всѣ мечты, всю жизнь,
И запишу на ней твои слова,
Твои велѣнья, и ничто во вѣки

Не съединится съ ними! Небо и земля!
О мать моя! Чудовище порока....
Гдѣ мои замѣтки? Я запишу на нихъ:
«Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть!»
И что еще? Я запишу его слова:
«Прощай, прощай, прощай, и помни обо мнѣ!»
Клянусь — я помню!

ГОРАЦІО (*за сценою*).

Принцъ, принцъ!

МАРЦЕЛЛО (*за сценою*).

Гдѣ принцъ Гамлетъ!

ГОРАЦІО (*за сценою*).

Храни васъ небо!

ГАМЛЕТЪ.

Да, я помню!

МАРЦЕЛЛО.

Принцъ! гдѣ, гдѣ вы?

ГАМЛЕТЪ.

Здѣсь, малютка, здѣсь! Сюда, сюда, я здѣсь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

МАРЦЕЛЛО.

Что съ вами, принцъ?

ГОРАЦІО.

Что новаго? Скажите!

ГАМЛЕТЪ.

О! чудеса!

ГОРАЦІО.

Скажите, принцъ, скажите!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!
Ты всѣмъ разскажешь!

ГОРАЦІО.

Нѣтъ! Клянемся!

ГАМЛЕТЪ.

Что говоришь ты: я повѣрю людямъ?
Ты все откроешь!

ГОРАЦІО И МАРЦЕЛЛО.

Нѣтъ! клянемся небомъ!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ знайте жь: въ Даніи бездѣльникъ каждый
Есть въ то же время плутъ негодный. Да!

ГОРАЦІО.

Намъ эту новость разсказать
Не стоило вставать изъ гроба....

ГАМЛЕТЪ.

Истинная правда, да, и потому что правда,
Давайте руки и разстанемся друзьями!
Идите вы, куда влекутъ желанья и дѣла —
У всякаго есть дѣло, есть желанье —
А я пойду, куда велитъ мой жалкій жребій.
Пойду — молиться....

ГОРАЦІО.

Принцъ! что за слова
Разстройства и смущенья!

ГАМЛЕТЪ.

Жаль мнѣ, очень жаль.
Что оскорбляю васъ словами — право, жаль!

ГОРАЦІО.

Тутъ оскорбленья нѣтъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, есть, Горацiо,
И оскорбленiе большое! А объ этой тѣни
Я вамъ скажу, что тѣнь почтенная, повѣрьте!
О томъ же, что желали бы вы знать,
Что между нами было — постарайтесь,
Какъ можно укротить желанье ваше!
Теперь, друзья мои, товарищи, позвольте
Къ вамъ маленькую просьбу....

ГОРАЦIО.

Говорите, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ни слова, никому что было въ эту ночь!

ГОРАЦIО И МАРЦЕЛЛО.

Принцъ! никому!

ГАМЛЕТЪ.

Клянитесь!

ГОРАЦIО.

За себя,
Клянусь!

МАРЦЕЛЛО.

Я за себя, клянусь!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! клятву на мечѣ моемъ!

МАРЦЕЛЛО.

Мы вамъ клялись!

ГАМЛЕТЪ.

Что нужды! На мечѣ!

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

А! онъ здѣсь, пріятель, здѣсь—что жь? Выходи!
Вы слышали его: «Клянитесь?»

ГОРАЦІО.

Повторяемъ клятву!

ГАМЛЕТЪ.

Никогда не говорить что было здѣсь —
Мечемъ моимъ, мечемъ клянетесь ли?

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ здѣсь и тамъ! Мы перемѣнимъ мѣсто —
Сюда, друзья!
Кладите руки ваши здѣсь, на мечъ мой,
Мечемъ моимъ клянитесь,
Никогда не говорить что было здѣсь!

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Мечемъ его клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо, подземный кротъ, ты роешь славно
И подъ землею такъ и бѣгаешь! Сюда,
Подальше отъ него, друзья, сюда!

ГОРАЦІО.

Клянусь — невѣдомое чудо совершилось!

ГАМЛЕТЪ.

И постарайтесь, чтобъ оно невѣдомо осталось!
Горацiо! есть многое и на землѣ и въ небѣ,
О чемъ мечтать не смѣетъ наша мудрость!
Къ дѣлу!
И здѣсь, и тамъ, всегда, да будетъ Богъ свидѣтель,

Какъ странны ни казались бы мои поступки —
Быть можетъ, вздумается мнѣ, съ чего нибудь,
Прикинуться безумцомъ —
Вы, чтобъ ни дѣлалъ я, вы никогда
Не сложите вотъ этакъ рукъ, и головою
Не покачаете вотъ такъ, и слова
Двусмысленнаго не произнесете — на примѣръ:
«Да, да, мы знаемъ,» или «мы могли бъ, когда хотѣли,»
Иль — «еслибъ говорить,» иль — «можно бы узнать»....
Словомъ — ни одно и никакое слово,
И никакой намѣкъ, что вамъ извѣстно что нибудь —
Клянитесь мнѣ — и сохрани васъ Боже
Нарушить клятву мнѣ!

ТѢНЬ (*подъ землею*).

Клянитесь!

ГАМЛЕТЪ.

О успокойся, страждущая тѣнь! — Друзья!
Со всей любовью остаюсь я къ вамъ,
И какъ Гамлетъ ни бѣденъ жребіемъ своимъ,

Онъ дружбу и любовь свою докажетъ вамъ,
При Божьей помощи. Пойдемъ-те вмѣстѣ,
И палецъ на губы и навсегда, прошу васъ!
Событіе внѣ всякаго другаго! Преступленье
Проклятое! Зачѣмъ рожденъ я наказать тебя!
Но — въ путь, друзья мои! Пойдемъ-те вмѣстѣ!

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Королевскій дворецъ.

ПОЛОНІЙ и РЕЙНОЛЬДО.

ПОЛОНІЙ.

Ну, понялъ ли? Вотъ деньги и бумаги.

РЕЙНОЛЬДО.

Исполню твой приказъ.

ПОЛОНІЙ.

Но, прежде,
Какъ говорилъ я, подъ рукой развѣдать
Ты долженъ обо всемъ — ну, понимаешь?

РЕЙНОЛЬДО.

Да.

ПОЛОНІЙ.

Люблю, какъ понимаютъ. Вотъ ты и начни

Издалека: кто земляки твои?
Какъ поживаютъ и что дѣлаютъ въ Парижѣ?
Гдѣ кто живетъ? съ кѣмъ водится?
А тамъ, какъ будто не нарочно,
И объ Лаертѣ, по искусно, поведешь ты слово.
Сперва скажи, что ты его не знаешь вовсе,
Или вотъ такъ: «Отца его я знаю,
Такъ немного, и родню немного» — пони-
маешь?

РЕЙНОЛЬДО.

Да.

ПОЛОНІЙ.

«Ну, и его немного,» а потомъ:
«Не тотъ ли это, шалунъ, такой, сякой» —
И можешь многое сказать — лишь не дурное,
Боже сохрани — нѣтъ, нѣтъ, а знаешь,
Всякій вздоръ, что молодежи не грѣшно
И извинительно.... Вотъ, вотъ....

РЕЙНОЛЬДО.

Ну, карты, на примѣръ?

ПОЛОНІЙ.

Пожалуй — карты, вино, драчливость, ссоры,
Волокитство....

РЕЙНОЛЬДО.

Да, не пороки ль это?

ПОЛОНІЙ.

Пороки! Все зависитъ отъ того,
Какъ станешь говорить. Не называя прямо,
Что онъ игрокъ, буянъ, представь его
На волѣ юношей, съ горячей кровью
И съ вольной головой.... Тутъ надо, такъ, искусно....
Ужь ли не понимаешь?

РЕЙНОЛЬДО.

Но, къ чему же это?

ПОЛОНІЙ.

То есть, къ чему все это поведетъ?

РЕЙНОЛЬДО.

Да, я хотѣлъ бы
Знать ваши мысли.

ПОЛОНІЙ.

А вотъ видишь,
Какой тутъ планъ — онъ, кажется, не дуренъ

Хитеръ довольно! Вотъ, когда ты набросаешь
Твои намёки, примѣчай прилежно,
Что скажетъ съ кѣмъ ты говоришь,
И будь увѣренъ, если только мало-мало
Есть основаніе всему что ты сказалъ,
Твой собесѣдникъ такъ заговоритъ:
«Да, милостивый государь,» или «Да, другъ,»
или
«Да, господинъ честной»…. то есть, смотря,
Какъ говорится тамъ у нихъ….

РЕЙНОЛЬДО.

Положимъ,
Что говорится какъ нибудь — онъ скажетъ….

ПОЛОНІЙ.

Да, онъ скажетъ…. скажетъ…. Что бишь?
О чемъ шла рѣчь? Ты съ толку сбилъ меня!
Я что-то говорилъ….

РЕЙНОЛЬДО.

Да, «онъ заговоритъ,»
Сказали вы….

ПОЛОНІЙ.

Ну, да! Вотъ онъ заговоритъ:

«Я видѣлъ точно, этотъ господинъ
Вчера былъ тамъ, сегодня былъ онъ здѣсь;
Онъ здѣсь былъ хмѣленъ — тамъ онъ про-
игрался —
Тамъ онъ подрался — тамъ онъ былъ»....
Ты видишь,
Что твой намѣкъ былъ удочкой, и ты
Успѣешь правду поймать на эту уду!
Такъ, милый мой, мудрецъ и ловкій человѣкъ,
Сторонкой, да обходомъ, да уловкой,
Идти умѣетъ прямо къ вѣрной цѣли,
И такъ поступишь ты и въ этомъ дѣлѣ
И правду мнѣ развѣдаешь объ сынѣ.
Понятно ли?

РЕЙНОЛЬДО.

Понятно.

ПОЛОНІЙ.

Хорошо!
Путь добрый! Отправляйся съ Богомъ въ путь!

РЕЙНОЛЬДО.

Прощенья просимъ!

ПОЛОНІЙ.

Между тѣмъ ты не забудешь
И самъ замѣтить?

РЕЙНОЛЬДО.

Да, конечно.

ПОЛОНІЙ.

Между тѣмъ
Ему замѣтить не давай!

РЕЙНОЛЬДО.

Мое почтенье!
(*Уходитъ*).

ПОЛОНІЙ.

Съ Богомъ!
(*Входитъ Офелія*).
Ну, что, Офелія? Что новаго?

ОФЕЛІЯ.

Ахъ! Боже мой! я вся дрожу отъ страха!

ПОЛОНІЙ.

Что, что такое сдѣлалось? Скажи скорѣе!

ОФЕЛІЯ.

Я въ комнатѣ своей сидѣла за шитьемъ,

Вдругъ принцъ Гамлетъ вошелъ ко мнѣ,
Безъ шляпы, весь растрепанъ, блѣденъ,
Дрожитъ, и видъ его былъ такъ ужасенъ,
Какъ будто адскую узналъ онъ тайну....

ПОЛОНІЙ.

Рѣхнулся отъ любви къ тебѣ?

ОФЕЛІЯ.

Не знаю,
Но, кажется, онъ помѣшался.

ПОЛОНІЙ.

Что такое
Онъ говорилъ?

ОФЕЛІЯ.

Онъ за руку схватилъ меня
И крѣпко руку мнѣ пожалъ; другой рукой
Закрылъ глаза, вотъ такъ — и долго
Смотрѣлъ въ лицо мнѣ, и потомъ вздохнулъ
Такъ тяжко, будто съ этимъ вздохомъ
Душа его хотѣла улетѣть. Потомъ
Онъ покачалъ три раза головой
И вонъ пошелъ, но не спуская глазъ съ меня,
Не думая куда идетъ....

ПОЛОНІЙ.

Довольно!
Скорѣе къ Королю. Безумство это
Любовное безумство — понимаю!
Любовь всего скорѣй съ ума насъ сводитъ.
Жаль, очень жаль мнѣ принца! Вѣрно,
Ты грубо отвѣчала на его любовь?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, только слѣдуя приказу,
Я писемъ отъ него не принимала больше
И запретила видѣться со мной.

ПОЛОНІЙ.

Вотъ онъ и одурѣлъ отъ этого! Какъ жаль,
Что поступилъ я слишкомъ скоро, строго!
Да, вѣдь я думалъ, что онъ шутитъ! Могъ ли
Предвидѣть слѣдствія — поторопился — глупо!
Все недовѣрчивость проклятая причиной —
Мы старики упрямы. Поспѣшимъ
Скорѣе къ Королю и все разскажемъ.
Его не столько оскорбитъ любовь Гамлета,
Какъ то, когда мы истины не скажемъ.

(*Уходятъ*).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ.

КОРОЛЬ.

Добро пожаловать, любезный Розенкранцъ
И Гильденштернъ. Мы рады видѣть васъ,
И кромѣ этого желанья, поспѣшили
Послать за вами потому, что мы
Надѣемся отъ васъ услуги важной.
Вы слышали о перемѣнѣ,
Какую видятъ нынѣ всѣ въ Гамлетѣ?
Говорю: «о перемѣнѣ,» потому что онъ
Самъ на себя сталъ не похожъ.
Отца ли смерть причиною тому?
Не понимаю, и обоихъ васъ прошу,
Васъ, какъ товарищей его, друзей,
Остаться съ нами, постараться какъ нибудь
Развлечь Гамлета; между тѣмъ прилежно
Наблюсть и разгадать причину перемѣны
Въ его характерѣ, умѣ, поступкахъ.
Узнавши чѣмъ онъ боленъ, намъ легко
Сыскать лекарство.

КОРОЛЕВА.

Онъ всегда объ васъ

Такъ говорилъ, какъ о друзьяхъ своихъ,
И если вы остаться съ нами согласитесь
На время, намъ помочь въ несчастьи нашемъ,
Повѣрьте, что наградой вашей будетъ
Моя и Короля признательность.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Не смѣемъ,
Королева, мы преслушать васъ —
Вы не просить — приказывать извольте.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы оба счастіемъ почтемъ услугу,
И вашей королевской власти предаемъ
Всѣ наши средства, силы и желанья.

КОРОЛЬ.

Благодаримъ васъ, Розенкранцъ и Гильден-
штернъ!

КОРОЛЕВА.

И я благодарю васъ, и прошу скорѣе
Идти къ несчастному Гамлету. Кто нибудь
Изъ васъ проводитъ ихъ туда, гдѣ онъ теперь.

КОРОЛЬ.

И дай Богъ, чтобы это въ пользу послужило,
И намъ и вамъ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! дай Богъ, дай Богъ!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ, въ сопровожденіи одного изъ придворныхъ).

ПОЛОНІЙ.

Послы, которыхъ вы въ Норвегію послали,
Пріѣхали, и — съ добрыми вѣстями!

КОРОЛЬ.

Ты былъ всегда отцомъ вѣстей пріятныхъ.

ПОЛОНІЙ.

Вы думаете такъ, Король? Повѣрьте,
Всемилостивѣйшій властитель мой, что я
Вамъ, послѣ Бога, вамъ все посвящаю,
И душу и мои способности, и если
На сей разъ мнѣ догадка не измѣнитъ,
Какъ прежде мнѣ не измѣняла — я
Сыскалъ причину принцова разстройства.

КОРОЛЬ.

Такъ говори же поскорѣе, говори!

ПОЛОНІЙ.

Угодно ль вамъ сперва пословъ увидѣть,
А важное открытіе мое
Пусть будетъ вамъ закуской послѣ нихъ.

КОРОЛЬ.

Введи ихъ поскорѣе къ намъ, сюда.
(Полоній уходитъ).
Онъ говоритъ, Гертруда, что нашелъ
Причину помѣшательства Гамлета.

КОРОЛЕВА.

Какой причинѣ быть иной,
Какъ смерть отца и нашъ поспѣшный бракъ!

КОРОЛЬ.

Мы все узнаемъ.
(Къ Волтиманду и Корнелію, которыхъ вводитъ Полоній).
Нашъ привѣтъ вамъ, господа!
Что, Волтимандъ, вы привезли
Отъ брата нашего, Норвежскаго владыки?

ВОЛТИМАНДЪ.

Возвратъ привѣтствій дружбы и союза.
Едва мы прибыли въ Норвегію, не медля
Онъ прекратилъ всѣ замыслы вражды,
Какіе составлялъ его племянникъ:
Онъ увѣрялъ, что будто противъ Польши
Сбираетъ войско и грозитъ войною.
Но замыслъ тайный мы открыли Королю;
Онъ оскорбился, что племянникъ смѣлъ
Во зло употребить его терпѣнье;
Онъ строго говорилъ съ нимъ, и послушный
Велѣнью дяди, юный Фортинбрасъ
Далъ клятву сохранить къ вамъ миръ и дружбу;
За то Король ему позволить согласился
Отправиться на битву съ Польшей, войско,
Имъ собранное, въ Польшу повести.
Вотъ грамата, гдѣ онъ проситъ васъ смѣетъ,
Чтобъ вы позволили чрезъ Датскія владѣнья
Племяннику его пройдти на Польшу.
Онъ вамъ ручается за безопасность вашу,
И объяснятъ всѣ условія, какія
Почелъ онъ нужными, при вашей волѣ,
На просьбу Фортинбраса соглашаясь.

КОРОЛЬ.

Пріятно намъ все это слышать, и отвѣтомъ,
По здравомъ размышленіи, доказать,
Что дружбу Короля вполнѣ мы цѣнимъ.
Благодаримъ васъ за труды. Идите
Спокойно отдохнуть, и въ этотъ вечеръ
Мы просимъ васъ веселье раздѣлить.
(Волтимандъ и Гильденштернъ уходятъ).

ПОЛОНІЙ.

Ну! это кончено прекрасно, хорошо.
Кароль и Королева! говорить о томъ,
Что есть величество, что преданность,
Что день есть день, что ночь есть ночь и
время — время,
Все это значитъ потерять и день, и ночь и
время.
И такъ, какъ краткость есть душа ума,
А многословіе его одежда, тѣло —
Я буду кратокъ. Сынъ вашъ сумасшедшій,
Онъ, то есть, то, что говорятся — сумасшедшій,
Но это въ сторону —

КОРОЛЕВА.

Да, меньше словъ, а больше толку.

ПОЛОНІЙ.

Королева! я клянусь, что мыслю лишь о
томъ!
Онъ сумасшедшій — правда — жаль,
А потому и жаль, что правда — глупая фигура,
Да, Богъ съ ней, потому что дѣло въ дѣлѣ!
Онъ сумасшедшій — мы согласны — вотъ и
остается
Найдти причину таковыхъ послѣдствій,
Иль лучше таковыхъ безслѣдствій,
Ибо слѣдствіе есть то, что слѣдъ пропалъ отъ
дѣла.
Такъ, конечно, и наконецъ идемъ къ концу —
Вниманія, Король и Королева!
Я дочь имѣю, ибо эта дочь моя,
Она, изъ послушанія и долга, мнѣ
Передала бумагу, и — прошу послушать:

«*Небесной, идолу души моей, прекраснѣй-шей Офеліи.*

«Прекраснѣйшей!» — пустая, вздорная фраза, но извольте выслушать. И такъ:

«*На бѣлизнѣ твоей прелестной груди,*» и прочее....

КОРОЛЕВА.

И это принцъ Гамлетъ писалъ къ ней?

ПОЛОНІЙ.

Вниманья, государыня — покажетъ дѣло.

Сомнѣвайся, что огонь въ звѣздахъ пылаетъ,
Сомнѣвайся въ солнечномъ движеньи,
Въ томъ что правда въ истинѣ бываетъ,
Но въ любви моей отбрось сомнѣнье.

«Милая Офелія! эти строчки умножили мою грусть. Я не умѣю красиво пересказать мои вздохи, но я люблю тебя, очень люблю. Прости. Твой навсегда, обожаемая дѣва, пока духъ мой держится въ тѣлѣ —

Гамлетъ.

Мнѣ повинуясь, дочь мнѣ это показала;
Пересказала все, что говорилъ онъ ей,
Маперъ рѣчей, и мѣсто, время —
Все мнѣ объяснила.

КОРОЛЬ.

Но любовь Гамлета
Какъ принята?

ПОЛОНІЙ.

А чѣмъ вы почитаете меня?

КОРОЛЬ.

Почтеннымъ, вѣрнымъ человѣкомъ.

ПОЛОНІЙ.

Я это докажу. Но чтобъ могли вы думать,
Когда бъ любовь я эту принялъ
(Я предугадывалъ ее и прежде
Рѣчей дочернихъ), чтобъ могли вы думать,
Король, и вы, владычица моя и Королева,
Когда бы дѣло это я оставилъ
Такъ, какъ вещь ничтожную, пустую,
Иль хладнокровно слушалъ я объ этомъ —
Чтобъ могли вы думать? Нѣтъ! я прямо,
Вотъ этакъ началъ дочери мои слова:
«Принцъ Гамлетъ, знай, не тебѣ чета,
И это вздоръ,» и далъ ей наставленье
Не подавать его любви потворства,
Не брать подарковъ, письма отсылать.
Она исполнила все свято, и — плоды
Ея поступковъ были (сокращаю рѣчь)....
Онъ былъ отверженъ, сдѣлался печаленъ,
Потомъ сталъ мучиться, не спать, слабѣть,
Дурѣть, шалѣть, и наконецъ съ ума сошелъ
И всѣхъ насъ опечалилъ.

КОРОЛЬ.

Не ужели точно?

КОРОЛЕВА.

Да, это можетъ быть легко.

ПОЛОНІЙ.

Да, было ли хоть разъ — прошу васъ уличить —
Когда бы я сказалъ, что это *такъ*,
А вышло — *нѣтъ?*

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, сколько я припомню.

ПОЛОНІЙ (*указывая на голову и плечи*).

Снимите же съ меня вотъ это, если
И теперь не такъ. И только бы немного
Вы помогли, я истину найду,
Хоть въ землю закопайте!

КОРОЛЬ.

Но какія жь средства?

ПОЛОНІЙ.

Вы знаете, что иногда часа четыре
Онъ здѣсь гуляетъ въ галлереѣ. —

КОРОЛЕВА.

Точно такъ.

ПОЛОНІЙ.

Вотъ въ это время, я дочь и выпущу.
Мы спрячемся здѣсь, за коврами,
Подслушаемъ, и если онъ ее не любитъ,
И если не она его ума лишила —
Не будь я больше тайный вашъ совѣтникъ,
Пусть буду конюхъ, скотопасъ....

КОРОЛЬ.

Что жъ? я согласенъ.

(*Гамлетъ входитъ, читая*).

КОРОЛЕВА.

Посмотрите: вотъ онъ идетъ, читаетъ что-то —
какъ унылъ!

ПОЛОНІЙ.

Такъ удалитесь же скорѣе оба — я начну
Мои затѣи — о, позвольте только....

(*Король и Королева уходятъ*).

ПОЛОНІЙ.

Какъ поживаете, любезный принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Слава Богу! хорошо.

ПОЛОНІЙ.

Да, знаете ли вы меня, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Очень знаю: ты рыбакъ.

ПОЛОНІЙ.

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, если не такъ, то я желаю, чтобъ ты былъ также честенъ.

ПОЛОНІЙ.

Также честенъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, быть честнымъ на этомъ свѣтѣ значитъ быть выбраннымъ изъ десяти тысячъ.

ПОЛОНІЙ.

Точная правда, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И если самое солнце зараждаетъ червей въ дохлой собакѣ.... Да, есть ли у тебя дочь?

ПОЛОНІЙ.

Есть, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не вели ей ходить на солнцѣ, потому что хоть плодородіе значитъ благословеніе, но если это коснется твоей дочери — береги ее, пріятель!

ПОЛОНІЙ.

Что вы хотите сказать, принцъ? (*въ сторону*) А все о моей дочери! Сначала онъ не узналъ меня — сказалъ, что я рыбакъ. Такая дичь! Въ молодости я самъ влюблялся насмерть — почти былъ такимъ же дуракомъ. Поговоримъ еще. (*громко*) Что вы читаете, Принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Слова, слова, слова!

ПОЛОНІЙ.

Да, въ чемъ состоитъ дѣло, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Тутъ нѣтъ дѣла.

ПОЛОНІЙ.

Я говорю, то есть, въ чемъ дѣло въ словахъ этой книги?

ГАМЛЕТЪ.

Клеветы! Проклятый насмѣшникъ сочинитель говоритъ, что у стариковъ волосы сѣдые, а лицо въ морщинахъ, глаза худо видятъ, а въ головѣ столько же безсилія, сколько и въ ногахъ. Все это правда, да писать этого не надобно, потому что, посуди самъ: ты можешь сдѣлаться такимъ же старикомъ, какъ я теперь, если по раковому маперу станешь пятиться задомъ на пути жизни.

ПОЛОНІЙ (*въ сторону*).

Глупыя рѣчи, но въ нихъ есть что-то методическое. (*въ слухъ*) Не пойдете ли куда нибудь прогуляться, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Куда? Въ могилу?

ПОЛОНІЙ.

Ну, это уже будетъ въ самомъ дѣлѣ прогулка! (*въ сторону*) Какъ онъ ловко перебп-

ваетъ рѣчь! Сумасшедшіе иногда на удачу говорятъ такъ ловко, что и умный не придумаетъ. Оставимъ его и пойдемъ уладить встрѣчу его съ моею дочерью. (*въ слухъ*) Свѣтлѣйшій принцъ! позвольте взять смѣлость проститься съ вами.

ГАМЛЕТЪ.

Изъ всего, что вы можете взять у меня, ничего не уступлю я вамъ такъ охотно, какъ жизнь мою, жизнь мою, жизнь мою!

ПОЛОНІЙ.

Прощайте, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Старый, глупый болтунъ!

(*Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ*).

ПОЛОНІЙ.

Вамъ угодно видѣть принца? Вотъ онъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Благодаримъ.

(*Полоній уходитъ*).

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Почтеннѣйшій....

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Любезнѣйшій....

ГАМЛЕТЪ.

Милѣйшіе друзья! Каковъ ты, Гильденштернъ? Что, милый Розенкранцъ? Ну, какъ васъ Богъ милуетъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что намъ дѣлается, принцъ, ничтожнымъ людямъ!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Счастливымъ ужь и потому, что мы не думаемъ о большомъ счастіи.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, что если счастье дастъ вамъ щелчки, и то ладно?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ну, это не совсемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы добиваетесь средины вещей? И

очень хорошо, но Фортуна баба негодная — да, что новаго, господа?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Ничего, кромѣ того, принцъ, что свѣтъ становится лучше.

ГАМЛЕТЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Да, что-же онъ, развѣ съ ума сошелъ? Кстати, скажите: чѣмъ вы досадили Фортунѣ, что она отправила васъ въ тюрьму?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ тюрьму, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да. Вѣдь Данія тюрьма.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Стало быть и цѣлый свѣтъ тюрьма?

ГАМЛЕТЪ.

Разумѣется. Свѣтъ просто тюрьма, съ разными перегородками и отдѣленіями. Данія самое гадкое отдѣленіе!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Съ этимъ трудно согласиться, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Можетъ быть, для васъ не такъ. Всякій думаетъ добро и худо по своему; по моему — свѣтъ тюрьма!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Можетъ быть, свѣтъ тѣсенъ для великой души вашей и потому кажется тюрьмою.

ГАМЛЕТЪ.

О Боже мой! моя великая душа помѣстилась бы въ орѣховой скорлупѣ и я считалъ бы себя владыкою безпредѣльнаго пространства, но мнѣ снятся дурные сны, такіе дурные сны....

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Безъ сомнѣнія, это сны честолюбія, потому что честолюбецъ гонятся за мечтою сна.

ГАМЛЕТЪ.

Да, вѣдь сонъ мечта?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Конечно, и потому мнѣ кажется, что честолюбецъ гоняется за мечтою.

ГАМЛЕТЪ.

Право? Стало быть наши лѣнивые мѣщане живутъ въ дѣйствительности, а великіе люди въ мечтаньи? Я что-то глупъ сегодня — не пойдти ли намъ къ Королю?

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы охотно будемъ вашими товарищами.

ГАМЛЕТЪ.

Въ глупости? О, нѣтъ, господа! И безъ того у меня такая толпа товарищей, — и даже услужниковъ. По чести говоря, глупость дешевая монета при нашемъ Дворѣ. Но за чѣмъ вы въ Эльсиноръ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Хотѣли видѣть васъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Я бѣднякъ на спасибо, нищій, но благодарю

васъ, друзья мои, и разумѣется, благодарность моя стоитъ, по крайней мѣрѣ, грошъ! Что, васъ послали ко мнѣ? Или вы сами пришли, добровольно? Говорите искренно, говорите!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Что прикажете, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Все, что вамъ угодно, только не отвѣтъ на мой вопросъ. Мнѣ будетъ стыдно за васъ. Вы глядите такъ, а станете говорить иначе. Я знаю — добрые Король и Королева послали васъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Для чего же, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Это вы должны знать. Но я заклинаю васъ нашимъ товариществомъ, дружбою нашей юности, постоянною нашею любовью, и всемъ, что только риторика можетъ придумать лучшаго, скажите откровенно: вы присланы ко мнѣ? Да или нѣтъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ (*Гальденштерну*).

Что сказать ему?

ГАМЛЕТЪ (*въ сторону*).

Я насквозь вижу васъ! (*громко*) Если вы меня любите, не лгите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Принцъ! мы присланы къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

А я скажу вамъ зачѣмъ. Мое изъясненіе избавитъ васъ отъ признанія и ни на одинъ волосъ не сдѣлаетъ васъ болтунами. Недавно, не знаю отъ чего, пропала вся моя веселость. Я бросилъ всѣ мои занятія, и мнѣ такъ грустно, что земля кажется мнѣ кускомъ грязи, а небо, это гордое величіе неба, съ его золотыми звѣздами — грудой заразительныхъ паровъ. Какое величіе являетъ собою человѣкъ! Какое благородство въ его умѣ, безконечность въ способностяхъ, прелесть въ формахъ — это духъ небесный, украшеніе свѣта, образчикъ остальной природы!.... Ну, а для меня, что

такое эта эссенція глины?.... Я не люблю человѣка — женщинъ еще больше! Что вы смѣетесь? Право, такъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я не вѣрю, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жь тутъ смѣшнаго, если я не люблю человѣка?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Если не любите, то вы худо примете комедіянтовъ, которые попались намъ на дорогѣ. Они хотѣли предложить вамъ свои услуги.

ГАМЛЕТЪ.

Почему жь не такъ. Играющій роли королей — добро пожаловать: я готовъ къ услугамъ; и странствующій рыцарь пусть явится съ своею шпагою; любовникъ не будетъ вздыхать даромъ, шуту свое мѣсто, дуракъ заставитъ умныхъ дурачиться, а княжна откровенно признается въ любви своей, въ стихахъ. Да, какіе это комедіянты?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Тѣ самые, принцъ, которые нѣкогда вамъ очень нравились, и будутъ очень довольны, если и теперь понравятся вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Почему жь не такъ? Тутъ еще не будетъ такихъ чудесъ, какія сдѣлались съ моимъ дядей, нынѣшнимъ Датскимъ королемъ: тѣ, кто считалъ его ничтожнымъ при жизни моего отца, платятъ теперь 10, 20, 40 дукатовъ за маленькій портретъ его. Тутъ надобно бы философіи постараться открыть: отъ чего маленькіе человѣчки становятся великими, когда великіе переводятся?

(*Слышенъ звукъ трубъ*).

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Вотъ и комедіянты!

ГАМЛЕТЪ.

А, господа, добро пожаловать! Давайте руки — ну, ну! скорѣе! Ласковость начинается привѣтствіемъ. Дайте сперва съ вами научиться мнѣ принять комедіянтовъ, чтобъ не сказали

потомъ, будто я былъ слишкомъ учтивъ къ такимъ людямъ, которые далеко уступаютъ вамъ, господа! Здравствуйте, здравствуйте, господа! Но — мой дядя-отецъ и моя мать-тетка очень ошибаются.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Въ чемъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Онъ и она не знаютъ, что я тогда только сумасшедшій, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-запада, а при южномъ вѣтрѣ я не приму свѣчки за солнце.

ПОЛОНІЙ (*входитъ*).

Здравія, господа!

ГАМЛЕТЪ.

Слушай, Гильденштернъ, и ты, Розенкранцъ — на всякое ухо по одному слушателю — этотъ взрослый ребенокъ, котораго вы видите, еще не вышелъ изъ люльки.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Можетъ быть, опять легъ въ нее; говорятъ, будто старость есть возвращеніе къ дѣтству.

ГАМЛЕТЪ.

Посмотрите, что онъ пришелъ извѣщать насъ о началѣ комедіи.... И такъ, это было, говорите вы, въ понедѣльникъ утромъ —

ПОЛОНІЙ.

Принцъ! я принесъ вамъ новости.

ГАМЛЕТЪ.

И я вамъ также могу разсказать много новаго. Когда въ Римѣ былъ великій актеръ Росціусъ....

ПОЛОНІЙ.

Къ намъ пріѣхали комедіанты.

ГАМЛЕТЪ.

Будто?

ПОЛОНІЙ.

По чести, правда.

ГАМЛЕТЪ.

На ослахъ молодцы
Ѣдутъ наши пѣвцы....

ПОЛОНІЙ.

Чудесные актеры! Для трагедій, комедій,

историческихъ пасторалей, комическихъ пасторалей, исторіи пасторальной, трагедіи исторической, трагикомедіи, драмы съ тремя единствами и поэмъ безъ всякаго единства. Нѣтъ ничего печальнаго у Сенеки, забавнаго у Плавта, въ родѣ правильномъ, въ родѣ безъ правилъ, чего бы они не представляли.

ГАМЛЕТЪ.

О чудное чудо
И дивное диво!
Какимъ сокровищемъ обладаешь ты!

ПОЛОНІЙ.

Какимъ сокровищемъ?

ГАМЛЕТЪ.

Какимъ?
Дочь прелестную имѣешь
И любить ее умѣешь!

ПОЛОНІЙ (*въ сторону*).

Все объ моей дочери!

ГАМЛЕТЪ.

Не правда ли, диво дивное?

ПОЛОНІЙ.

Если вы меня изволите называть дивомъ, у меня точно есть дочь, которую я очень люблю.

ГАМЛЕТЪ.

Одного изъ другаго не слѣдуетъ.

ПОЛОНІЙ.

А что же слѣдуетъ, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Что?

Человѣкъ предполагаетъ,
А судьба располагаетъ!

И потомъ, вѣдь ты самъ знаешь:

Чему бывать,
Того не миновать.

А потомъ.... Да, вотъ, кстати — явилось окончаніе рѣчи само собой

(*входятъ нѣсколько актеровъ*).

Добро пожаловать, добро пожаловать, господа! очень радъ васъ видѣть! Здравствуйте, друзья мои! Э, э, старый пріятель: у тебя бородка поотросла съ тѣхъ поръ, какъ мы

не видались! А ты, дружище, у котораго голосъ походитъ на звонъ обрѣзаннаго червонца — здорово, и нечего мѣшкать — къ дѣлу, къ дѣлу! Какъ охотники, подстрѣлимъ первую дичь, какая попадется. Скорѣе — образчикъ вашего дарованія, какой нибудь страстный монологъ!

1-й АКТЕРЪ.

Что прикажете, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Помнишь, ты читалъ — что-бишь это такое, игранное или неигранное — еще не всѣмъ оно нравилось, но за то одни хвалили, другіе бранили. Одни говорили, что тутъ пустыя слова безъ смысла, а другіе находили черезъ чуръ много смысла; одни сказали, что это твореніе вкуса отличнаго, полное идей здравыхъ и вѣрныхъ, и пріятныхъ и отличныхъ, а другіе.... Вотъ еще тутъ мнѣ особенно нравилось повѣствованіе Энея Дидонѣ, а всего болѣе, когда Эней разсказываетъ о смерти Пріама. Если помнишь, такъ начни съ этихъ стиховъ:

И Пирръ, рыкающій, какъ бы Гирканскій левъ...

Кажется, не такъ, но точно начинается Пирромъ ...

И Пирръ рыкающій, въ доспѣхѣ вороненомъ,
Скрывая черну мысль, подъ темнымъ небосклономъ,
Исшедъ изъ нѣдръ коня, оружіемъ гремитъ.
Онъ теплой кровію несчастныхъ жертвъ облитъ;
На немъ дымится кровь женъ, матерей несчастныхъ,
Отцовъ, дѣтей, сыновъ и дщерей ихъ злосчастныхъ.
Не такъ пожара огнь Троянскаго блеститъ,
Какъ злобный взоръ его свирѣпостью горитъ.
Какъ адскій огнь, ко злу онъ быстро прилетаетъ
И смертью погубить Иріама обѣщаетъ....
Продолжай!

ПОЛОНІЙ.

Превосходно, принцъ! Прочитано мастерски, съ удареніемъ, съ чувствомъ.

АКТЕРЪ (*декламируетъ*).

И се, онъ зритъ его, мечемъ своимъ дрожащимъ
Грозяща Эллинамъ, весь Иліонъ палящимъ;

Но тягостью своей изъ рукъ исторгся мечъ,
И на неравный бой стремится Пирръ потечь.
Отъ взмаха тяжкаго Пріамъ осиротѣлый
Палъ на землю, и — палъ съ нимъ Иліонъ
всецѣлый.

Остановился Пирръ, свой укрощаетъ гнѣвъ
И смерти яростной претитъ разверзнуть зѣвъ.
Останавляетъ мечъ — такъ бури грозной силы,
Какъ будто пощадить хотятъ стросенья илы,
Мгновеніе одно — свой утишаютъ вой,
Чтобъ снова загремѣть погибельной грозой....
— Нѣтъ! никогда Эфестъ, свой подымая млатъ,
Такъ страшно не разилъ, какъ Пирра здѣсь
булатъ
Разитъ несчастнаго Пріама.... О, Фортуна!
Зачѣмъ отъ Зевсова ты не падешь перуна,
Зачѣмъ и боги всѣ, собравшися толпой,
Тебя не свергнули въ мракъ сѣни гробовой
И колесо твое во Тартаръ не скатили....

ПОЛОНІЙ.

Это очень длинно.

ГАМЛЕТЪ.

Цырюльникъ твой тоже говорилъ мнѣ о

твоей бородѣ. Продолжай — вѣдь онъ скоро заспетъ.... Да — перейдемъ къ Гекубѣ.

АКТЕРЪ (*декламируя*).

Но еслибъ ты узрѣлъ растрепанну Гекубу....

ГАМЛЕТЪ.

Что: «растрепанну Гекубу?»

ПОЛОНІЙ.

Да, въ самомъ дѣлѣ — хорошо ли это? Да, да, вѣдь это говорится о растрепанныхъ волосахъ! Хорошо, прекрасно!

АКТЕРЪ (*декламируетъ*).

Стенящу, плачущу, таящу скорбь сугубу,
Сказалъ бы ты, что слезъ ея кипящій токъ
Весь Иліона огнь залить мгновенно могъ.
Корона нѣкогда чело то украшала,
На космъ нынѣ зришь ты лоскутъ покрывала —
Толико униженъ Гекубы тяжкій рокъ!
Изъ устъ ея летитъ проклятія потокъ
На тяжку жребія и счастія измѣну,
На бѣдствій всѣхъ вину, коварную Елену.

О еслибъ боги зрѣть могли тотъ страшный
мигъ,
Какъ Пирра мечъ во грудь Пріамову проникъ —
Ихъ очи облеклись бы горькими слезами,
Гекубы бѣдствія пресѣклись бы богами,
И жребія потокъ....

ПОЛОНІЙ.

Посмотрите, съ какимъ одушевленіемъ онъ читаетъ все это! Слезы на глазахъ, лицо блѣдно.... Довольно, довольно!

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо. Ты договоришь мнѣ остальное потомъ. Любезный Полоній! не льзя-ли угостить ихъ порядочно? Вѣдь они зеркало того, что мы дѣлаемъ, и право, ихъ похвала при жизни стоитъ плохой эпитафіи, которую напишутъ на твоемъ гробѣ!

ПОЛОНІЙ.

Я угощу ихъ по достоинству, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О, нѣтъ! лучше, лучше, нежели чего они

стоятъ! Если всякаго угощать по достоинству, много ли останется на свѣтѣ такихъ, кому не стоило бы дать порядочной оплеухи? Нѣтъ, нѣтъ! Угости ихъ по размѣру своего величія и своей щедрости!

ПОЛОНІЙ.

Пойдемъ-те, господа!

ГАМЛЕТЪ.

Ступайте, друзья мои, и приготовьтесь играть комедію. Да, старый пріятель: можешь-ли ты представить намъ смерть Гонзага?

АКТЕРЪ.

Можемъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо, такъ приготовьте эту комедію. А стишковъ десятокъ моихъ можно будетъ вставить?

АКТЕРЪ.

Можно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Превосходно! Ступайте за этимъ господиномъ, да, смотрите же, не смѣйтесь надъ нимъ!

(*Полоній и актеры уходятъ*) Ну, друзья мои,
Розенкранцъ и Гильденштернъ, до свиданія!
Радъ, что видѣлъ васъ въ Эльсинорѣ!

РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Простите, принцъ.
(*уходятъ*).

ГАМЛЕТЪ (*одинъ*).

Богъ съ вами! Я одинъ теперь....
Какое я ничтожное созданье!
Комедіянтъ, наемщикъ жалкій, и въ дурныхъ,
стихахъ,
Мнѣ выражая страсти, плачетъ и блѣднѣетъ,
Дрожитъ, трепещетъ.... Отъ чего?
И что причина? Выдумка пустая,
Какая-то Гекуба!
Что-жь ему Гекуба?
За чѣмъ онъ дѣлитъ слезы, чувства съ нею?
Что, еслибъ страсти онъ имѣлъ причину,
Какую я имѣю? Залилъ бы слезами
Онъ весь театръ, и воплемъ растерзалъ бы
слухъ,
И преступленье ужаснулъ, и въ жилахъ
У зрителей онъ заморозилъ кровь!

А я?
    Ничтожный я, презрѣнный человѣкъ,
Безчувственный — молчу, молчу, когда я знаю,
Что преступленье погубило жизнь и царство
Великаго властителя.... отца!... Или я трусъ?
Кто смѣетъ словомъ оскорбить меня,
Или нанесть мнѣ оскорбленье, безъ того,
Чтобъ за обиду не вступился я,
Не растерзалъ обидчика, не кинулъ
На растерзанье вранамъ трупъ его? И что же?
Чудовище разврата и убійцу вижу я,
И самый адъ зоветъ меня къ отмщенью,
А я — безплодно изливаю гнѣвъ въ словахъ,
И онъ безвреденъ — онъ, когда я живъ,
Я, сынъ убитаго отца, свидѣтель
Безславья матери!... Гамлетъ, Гамлетъ!
Позоръ и стыдъ тебѣ!... Размыслимъ:
Слыхалъ я, что порокъ и преступленье,
Увидѣвъ страшную себя картину
Въ игрѣ искуснаго художника, невольно
Высказывали стыдъ свой и позоръ
И сознавались въ преступленьяхъ. Да,
Безъ языка, безъ словъ все будетъ ясно:
Актеровъ этихъ я играть заставлю

Изображеніе ужаснаго убійства,
Подобнаго злодѣйству дяди,
И стану замѣчать — и если
Смутится онъ, я.... знаю, что мнѣ дѣлать!
Быть можетъ, привидѣнье это было
Мечта, коварство духа тмы?
Онъ можетъ въ разныхъ образахъ являться;
Онъ, можетъ быть, влечетъ меня на грѣхъ,
И духъ мой, подозрительный и слабый,
Употребляетъ сѣтью для погибели души?
Остерегусь, и хитрость пусть моя
Мнѣ выскажетъ всю совѣсть Короля!

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I.

Королевскій дворецъ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

И не могли вы ловкимъ разговоромъ
Узнать причину страннаго разстройства,
И что такое мирный умъ его
Повергло въ тяжкое, опасное безумье?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ въ помѣшательствѣ своемъ сознался намъ,
Но не хотѣлъ сказать его причины.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

И намъ безвѣстною его осталась тайна.

Когда мы начинали рѣчь о томъ,
Онъ ловко такъ умѣлъ свернуть
Дурачество на глупость....

КОРОЛЕВА.

Но пріемъ вашъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Былъ дружескій и ласковый пріемъ.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Но что-то принужденное въ поступкахъ....

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скупъ на вопросы самъ, но ловко
Онъ отбивалъ вопросы наши.

КОРОЛЕВА.

Вы успѣли ль
Уговорить его развлечься?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Королева! намъ попались на пути
Актеры; мы ему о томъ сказали,
И кажется, онъ очень былъ доволенъ,

Пріѣздомъ ихъ. Они здѣсь во дворцѣ,
И получили, если я не ошибаюсь,
Приказъ представить вамъ комедію сегодня.

ПОЛОНІЙ.

Точно такъ, и принцъ мнѣ поручилъ,
Просить васъ удостоить посѣщеньемъ.

КОРОЛЬ.

Я охотно буду. Очень радъ,
Что хоть на это есть еще его желанье.
Господа! прошу васъ постараться
Усилить склонность въ немъ къ такой забавѣ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Исполнить постараемся.
(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

КОРОЛЬ.

Теперь, Гертруда,
Оставь насъ. Мы Гамлета приведемъ сюда
И будто случаемъ Офелію онъ встрѣтитъ.
Ея отецъ и я (обманъ позволенъ
Для добра) здѣсь спрячемся, и оба

Не видимые постараемся замѣтить,
И разсудить потомъ по разговору —
Любовь ли къ ней его свела съ ума,
Иль что другое.

КОРОЛЕВА.

Повинуюсь вамъ,
И, какъ бы я, Офелія, желала,
Чтобъ красота твоя была причиной
Гамлетова безумства! Я надѣюсь,
Что качества души твоей прекрасной
Его легко тогда бы навели на умъ
Взаимнымъ счастьемъ.

ОФЕЛІЯ.

Еслибъ я могла....

(Королева уходитъ).

ПОЛОНІЙ.

Офелія! ты какъ будто бы гуляешь здѣсь....
А если Вашему Величеству угодно
Укрыться здѣсь.... Ты будто съ книгой,
И это будто бы причина
Твоей прогулки.... Что ни говори,
А вещь рѣшеная, что съ постной рожей,

Прикинувшись смиреннымъ, даже чорта
Обманешь....

КОРОЛЬ (*въ сторону*).

О какая правда! И какъ рѣчь его
Мою терзаетъ совѣсть! Женщины развратной
Лицо, покрытое поддѣльной краской,
Не столь ужасно, какъ мои дѣянья,
Прикрытыя цвѣтистыми словами!
О, бремя тяжкое!

ПОЛОНІЙ.

Идетъ! Король! угодно ль,
Здѣсь мы укроемся — пожалуйте — сюда....
(*Они скрываются. Офелія въ сторонѣ*).

ГАМЛЕТЪ (*входитъ.*)

Быть или не быть — вотъ въ чемъ вопросъ.
Что доблестнѣе для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться противъ моря золъ
И побѣдить его, исчерпавъ разомъ?
Умереть — уснуть — не больше, и окончить
сномъ
Страданья сердца, тысячи мученій —

Наслѣдство тѣла — какъ не пожелать
Такого окончанья!.... Умереть, уснуть —
Уснуть — быть можетъ, грезить? Вотъ и затрудненье!
Да, въ этомъ смертномъ снѣ какія сновидѣнья
Намъ будутъ, когда буря жизни пролетитъ?
Вотъ остановка, вотъ для чего хотимъ мы
Влачиться лучше въ долгой жизни —
И кто бы перенесъ обиды, злобу свѣта,
Тирановъ гордость, сильныхъ оскорбленья,
Любви отверженной тоску, тщету законовъ,
Судей безстыдство, и презрѣнье это
Заслуги терпѣливой за дѣянья чести,
Когда покоемъ подарить насъ можетъ
Одинъ ударъ! И кто понесъ бы это иго,
Съ проклятіемъ, слезами, тяжкой жизни....
Но страхъ: что будетъ *тамъ?* — тамъ,
Въ той безвѣстной сторонѣ, откуда
Нѣтъ пришлецовъ.... Трепещетъ воля
И тяжко заставляетъ насъ страдать,
Но не бѣжать къ тому, что такъ безвѣстно.
Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго рѣшенья
Блѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,

И смѣлость быстраго порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло.... Тише!
Милая Офелія! О нимфа!
Помяни грѣхи мои въ молитвахъ!

ОФЕЛІЯ.

Принцъ
Здоровы ль вы?

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю покорно — здоровъ!

ОФЕЛІЯ.

Принцъ! я давно хотѣла возвратить вамъ,
Что вамъ угодно было мнѣ вручить
На память, и позвольте мнѣ....

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Тебѣ я ничего и никогда не подарилъ,
Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Вы, вѣрно, позабыли, принцъ,
И всѣ подарки ваши вы сопровождали

Такими милыми словами, что они
Мнѣ были дороги; перемѣнились вы —
Возмите ихъ обратно — для души и сердца
Подарокъ драгоцѣненъ отъ души и сердца.
Вотъ, принцъ, подарки ваши.

ГАМЛЕТЪ.

Ха, ха, ха! Ты честная дѣвушка, Офелія?

ОФЕЛІЯ.

Принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

И красива?

ОФЕЛІЯ.

Что вамъ угодно сказать, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

То, что если ты честная и хорошенькая дѣвушка, такъ не заставляй красоты своей торговаться съ добродѣтелью.

ОФЕЛІЯ.

Но кто можетъ быть лучшимъ товарищемъ красотѣ, если не добродѣтель?

ГАМЛЕТЪ.

Правда, да только та бѣда, что скорѣе красота сдѣлаетъ добродѣтель плутовствомъ, нежели добродѣтель подкрѣпитъ красоту. Въ этомъ я сомнѣвался прежде — теперь не сомнѣваюсь! Я любилъ тебя прежде....

ОФЕЛІЯ.

Я вѣрила этому, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Напрасно, потому что добродѣтели не прививаютъ къ старому дереву — прошедшаго нѣтъ болѣе.... я — не любилъ тебя!

ОФЕЛІЯ.

Я ошибалась....

ГАМЛЕТЪ.

Удались отъ людей, Офелія! Къ чему умножать собой число грѣшниковъ? Вотъ я еще порядочный человѣкъ, а готовъ обвинить себя въ такихъ грѣхахъ, что лучше не родиться! Я гордъ, мстителенъ, честолюбивъ, готовъ на

зло, и только воли у меня недостаетъ сдѣлать все злое, что могу придумать злаго. Что изъ такого человѣка, который ползетъ между небомъ и землею! Мы всѣ бездѣльники, всѣ — никому не вѣрь. Удались отъ людей! Гдѣ твой отецъ?

ОФЕЛІЯ.

Дома, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Запри за нимъ двери и не выпускай его — пусть онъ дурачится дома. Прощай!

ОФЕЛІЯ.

Милосердый Боже! помоги ему.

ГАМЛЕТЪ.

Если ты пойдешь за мужъ, я дамъ тебѣ въ приданое вотъ какое проклятіе: будь бѣла, какъ снѣгъ, будь чиста, какъ ледъ — людская клевета очернитъ тебя. Удались отъ людей, либо выходи за дурака: умные слишкомъ хорошо знаютъ, какихъ чудовищъ вы изъ

нихъ дѣлаете. Прочь отъ людей — поскорѣе! Прощай!

ОФЕЛІЯ.

Исцѣлите его, силы небесныя!

ГАМЛЕТЪ.

Я знаю, какъ вы себя раскрашиваете. Богъ даетъ вамъ лицо, а вы дѣлаете себѣ другое— вы пляшете, прыгаете, злословите, и будто все по незнанію. Прочь — ни слова болѣе — это свело меня съ ума! Никому не жениться болѣе; кто женился — пусть живутъ — кромѣ одного.... Удались отъ людей!

(*уходитъ*).

ОФЕЛІЯ (*одна*).

Какой погибъ великій человѣкъ,
Надежда царства, честь его, утѣха!
Погибъ, погибъ! И мнѣ судьба велѣла,
Мнѣ, пламенной любви его предмету,
Мнѣ видѣть обезумѣвшимъ его —
Что былъ онъ и что сталъ, о Боже!

КОРОЛЬ И ПОЛОНІЙ *входятъ.*

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! это не любовь, и то, что говорилъ онъ,
Какъ ни было нескладно — не безумство!
Въ душѣ его таится что-то, и его печаль
Скрываетъ гибель — мы должны ее предупре-
дить.
Такъ, рѣшено — онъ въ Англію поѣдетъ!
Тамъ дани требовать мы поручимъ ему,
И можетъ быть, прогулка, развлеченье,
Разсѣютъ грусть его, умъ возвратятъ ему.
Какъ думаешь объ этомъ ты, Полоній?

ПОЛОНІЙ.

Мнѣ кажется, что вы придумали прекрасно.
Но все увѣренъ я — его безумству
Любовь была началомъ! Намъ не нужно,
Офелія, разсказывать, что было
Говорено Гамлетомъ — мы все слышали оттуда.
Извольте поступать, мой повелитель,
Какъ вамъ угодно будетъ — мой совѣтъ:
Послѣ комедіи звать принца къ Королевѣ,
И пусть она его распроситъ. Между тѣмъ,

Когда позволите, я разговоръ услышу:
Я спрячусь тамъ, и если ничего
Мы не откроемъ, въ Англію тогда
Отправьте принца, или заключите,
Куда почтетъ приличнымъ ваша мудрость.

КОРОЛЬ.

Да, мы увидимъ — надобно рѣшиться.
Безумцу сильному опасно дать свободу.
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Другая зала во дворцѣ.

ГАМЛЕТЪ И НѢСКОЛЬКО АКТЕРОВЪ *входятъ*.

ГАМЛЕТЪ.

Говори все это просто, свободно; руками не руби воздуха и въ самой страсти соблюдай мѣру и умѣренность, да и не переслащивай! Такъ дѣлай, чтобы слова соотвѣтствовали дѣйствію, а дѣйствіе словамъ. Будь вѣрнымъ зеркаломъ природы: представь добродѣтель въ

ея истинныхъ чертахъ, а порокъ въ его безобразіи. Идите и будьте готовы.

(Актеры уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(Полонію, который входитъ съ Розенкранцомъ и Гильденштерномъ).*

Ну, что? Угодно ли Королю быть въ комедіи?

ПОЛОНІЙ.

Да, и Королева и вся свита ихъ будутъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ велите же имъ приготовиться поскорѣе.

(Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

ГАМЛЕТЪ *(входящему Гораціо).*

А, это ты, Гораціо!

ГОРАЦІО.

Меня вы звали.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я хочу потребовать услуги;
И отъ тебя, Горацiо, да, отъ тебя.

ГОРАЦIО.

Любезный принцъ!....

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! я не льщу тебѣ —
И изъ чего я стану льстить? Ты бѣденъ,
Незнатенъ ты. Предъ богачемъ и знатнымъ
Людей колѣна гнутся, съ языка
Медъ каплетъ — я за то тебя люблю,
Что ты терпѣть умѣешь. Въ счастьи,
Въ несчастьи равенъ ты, Горацiо!
Я въ сердцѣ дамъ прiютъ такому человѣку.
Но, довольно. — Здѣсь комедiю представятъ;
Въ одномъ явленьи здѣсь изобразятъ,
Точь въ точь, смерть моего отца. Мой другъ!
Прошу тебя — когда явленье это будетъ,
Внимательно ты наблюди за дядей,
За Королемъ — внимательно, прошу.
Когда въ минуты эти онъ не обнаружитъ
Смятенья — призракъ былъ проклятый адскiй

Онъ искушалъ меня; на преступленье
Меня онъ велъ! Внимательно, мой другъ!
Я глазъ моихъ не отведу отъ дяди,
И мы увидимъ —

ГОРАЦІО.

Ни одно движенье
Его не скроется отъ наблюденья моего.

ГАМЛЕТЪ.

Идутъ! Мнѣ беззаботнымъ должно показаться,
А ты, Горацiо, на стражу — ступай!

Маршъ. КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ПОЛОНІЙ, ОФЕЛІЯ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ, ПРИДВОРНЫЕ И ПРИДВОРНЫЯ.

КОРОЛЬ.

Здоровъ ли, любезный нашъ принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Превосходно! Какъ хамелеонъ, я живу воздухомъ и толстѣю отъ обѣщаній. Ваши каплуны похудѣли бы отъ этого.

КОРОЛЬ.

Я не понимаю тебя, Гамлетъ. Это не мой языкъ.

ГАМЛЕТЪ.

И не мой. (*Полонію*) Кажется, Полоній, ты игрывалъ комедіи? Въ университетѣ?

ПОЛОНІЙ.

Да, принцъ, и слылъ добрымъ актеромъ.

ГАМЛЕТЪ.

А что ты игралъ?

ПОЛОНІЙ.

Юлія Цезаря. Меня зарѣзалъ Брутъ въ Капитоліи.

ГАМЛЕТЪ.

Настоящій былъ онъ брутъ, когда успѣлъ зарѣзать такого капитальнаго теленка! Ну, что наши актеры?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Они ждутъ повелѣнія начать.

КОРОЛЕВА.

Сядь подлѣ меня, любезный Гамлетъ.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, маменька — тутъ есть магнитъ, который тянетъ меня къ себѣ.

ПОЛОНІЙ (*Королю*).

Замѣчайте!

ГАМЛЕТЪ (*садится у ногъ Офеліи*).

Можно ли прикоснуться къ вашимъ колѣнямъ?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

То есть, головой только?

ОФЕЛІЯ.

Можно, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А вы, ужь Богъ знаетъ что подумали!

ОФЕЛІЯ.

Я ничего не думаю, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

А какое наслажденіе покоиться на колѣняхъ прелестной дѣвушки!

ОФЕЛІЯ.

Что вы хотите сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего.

ОФЕЛІЯ

Вы веселы, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Кто? Я?

ОФЕЛІЯ.

Да, вы, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я иду въ ваши шуты. Чего лучше, какъ не веселиться? Посмотрите на мать мою — какая она веселая! А отецъ мой умеръ за два часа!

ОФЕЛІЯ.

Развѣ за два мѣсяца.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ давно уже? Хорошо — я самъ пошу трауръ потому, что онъ мнѣ очень идетъ. Скажите! Два мѣсяца и еще не забытъ! Стало быть можно надѣяться на полгода людской памяти, а тамъ — все равно, что человѣкъ, что овечка —

Схоронили,
Позабыли!

(Трубы. Поднимается занавѣсъ внутри театра. Пантомима. Король и Королева входятъ; нѣжное прощанье; онъ ложится отдыхать; входитъ злодѣй, беретъ его корону и вливаетъ ему ядъ въ ухо. Является опять Королева; видитъ, что Король мертвъ; плачетъ. Злодѣй утѣшаетъ ее. Уносятъ тѣло Короля. Злодѣй предлагаетъ Королевѣ свою руку и корону. Она принимаетъ то и другое; весело уходятъ. Трубы).

ОФЕЛІЯ.

Что это такое, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Чего отъ людей ждать! Какая нибудь мерзость!

ОФЕЛІЯ.

Но, вѣроятно, это показываетъ содержаніе комедіи?

(*Входитъ актеръ*).

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ этотъ молодецъ намъ разскажетъ. Вѣдь это *Прологъ*.

АКТЕРЪ (*зрителямъ*).

Для нашего представленія
Просимъ вашего снисхожденія.
Не потеряйте терпѣнія.

(*Кланяется и уходитъ*).

ГАМЛЕТЪ.

Понятно ли?

ОФЕЛІЯ.

Нѣтъ! это очень коротко.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ женская любовь.

Комедія, которую играютъ актеры. Входятъ КОРОЛЬ И КОРОЛЕВА.

КОРОЛЬ.

Уже въ тридцатый разъ свершили кони Феба
Свой круголѣтній бѣгъ въ поляхъ лазурныхъ
неба,
И тридцать разъ звѣзда ночей средь облаковъ
Собой означила двѣнадцать мѣсяцовъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ союзъ Любви и Гименея
Сердцами съединилъ, какъ токи водъ Алфея
Со Аретузой въ одно съединены.

КОРОЛЕВА.

Да будутъ тридцать лѣтъ еще совершены,
Пока въ любви своей мы узримъ измѣненье.
Но душу грустное мрачитъ мнѣ подозрѣнье:
Съ печалью вижу я, смущенная душой,
Что скорбью тайною супругъ проникнутъ мой.
Слабѣешь ты — прости, что радость возмущаю —
Отъ сильныя любви сильнѣй я страхъ питаю,
И невниманіе могло бы показать,

Что сильный огнь любви перестаетъ пылать.
Я каждый мучусь день тревогой роковою,
И горести она и слезъ моихъ виною!

КОРОЛЬ.

Увы! что дѣлать мнѣ! Прости, дражайшій
другъ!
Я чувствую въ крови дряхлѣнія недугъ.
Разстаться должно намъ, и скоро—кто узнаетъ?
Переживи меня! Пусть радость обитаетъ
Съ тобой, и пусть тебя вторичная любовь
Счастливитъ....

КОРОЛЕВА.

Что ты рекъ! Застыла въ жилахъ кровь
Отъ словъ ужасныхъ сихъ! — Пускай небес-
ны громы
Казнятъ преступницу, злой фуріей несомы,
Когда въ другой любви я счастье обрѣту!
Убійство легче мнѣ....

ГАМЛЕТЪ (*Офеліи*).

Это кажется ей горьче полыни!

КОРОЛЕВА (*на сценѣ*).

Я казни не найду,
Которой бы отмстить за то довольно было,
Когда бъ вмѣсто тебя другаго я любила,
И все равно, когда бъ къ другому духъ пылалъ,
Что въ грудь твою вонзить блистающій кинжалъ....

КОРОЛЬ (*на сценѣ*).

Пріятна рѣчь твоя и искренна, я вѣрю,
Но кто исчислитъ намъ отъ времени потерю?
И замыслъ смертнаго и память — все мечта!
Сначала тверды столь, потомъ — о суета!
Плодъ зрѣлый падаетъ однимъ прикосновеньемъ,
И человѣкъ, увы! скрывается забвеньемъ.
Чѣмъ радость пламеннѣй, сильнѣе тѣмъ печаль,
И слезы, падая на времени скрижаль,
Отъ дуновенія Сатурна исчезаютъ.
Чего супруги намъ, чего не обѣщаютъ!
И ты, подруга дней счастливѣйшихъ моихъ,
Коль я умру....

КОРОЛЕВА (*на сценѣ*).

Пускай тогда лучей дневныхъ,
Мой не увидитъ взоръ, печальный и смятенный,

Пусть буду въ вѣкъ страдать безславной и
презрѣнной,
Пусть жизнь моя течетъ, какъ тинистый потокъ,
Пускай страданія сберетъ жестокій рокъ,
Всего лишитъ меня, и самыя надежды,
Когда печальныя покину я одежды
И къ алтарю съ другимъ супругомъ подойду!

ГАМЛЕТЪ (*Офеліи*).

Что если она солжетъ?

КОРОЛЬ (*на сценѣ*).

Се клятвы страшныя! Страшись навлечь бѣду!
Но, чувствую, покой мнѣ сладокъ вожделѣнный,
И я здѣсь отдохну, дражайшій другъ, безцѣн-
ный!

КОРОЛЕВА (*на сценѣ*).

Спокойся, мой супругъ, на подкрѣпленье силъ.
О еслибъ никогда насъ рокъ не разлучилъ!

(*Король ложится и засыпаетъ.
Королева уходитъ*).

ГАМЛЕТЪ (*Королевѣ*).

Какъ вы находите комедію, Королева?

КОРОЛЕВА.

Мнѣ кажется, она слишкомъ много надавала обѣщаній.

ГАМЛЕТЪ.

О, да, вѣдь она ихъ сдержитъ!

КОРОЛЬ.

Извѣстно ли тебѣ содержаніе комедіи? Нѣтъ ли тутъ чего нибудь оскорбительнаго?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего, ничего! Тутъ немножко отравляютъ, такъ, для шутки!

КОРОЛЬ.

А названіе какъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мышеловка. Почему? спросите вы. Это риторическая фигура, метафора. Представляется убійство, которое было гдѣ-то въ Италіи. Старика зовутъ Гонзаго, а королеву Баптиста. Вы тотчасъ увидите — самое гадкое дѣло, да что намъ до того? У васъ и у меня совѣсть

чиста и до насъ дѣло не касается. Кричи тотъ, кого это щекочетъ!

(а сцену входитъ злодѣй).

А, вотъ и молодецъ явился! Это Луціанъ, племянникъ стараго Короля.

ОФЕЛІЯ.

Вы, какъ суфлеръ, все знаете.

ГАМЛЕТЪ.

Хотите, я перескажу, какъ любовница обманываетъ своего любовника, будто мимоходомъ?

ОФЕЛІЯ.

Это колко, принцъ!

ГАМЛЕТЪ

Да, вѣдь я только царапаю — другіе рѣжутъ!

ОФЕЛІЯ.

Ваши рѣчи загадка.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ выборъ мужей дѣвушками. Да, что жь злодѣй-то не начинаетъ!

И врана крикъ зловѣщій раздается
И мщеніе злодѣю онъ зоветъ!

АКТЕРЪ (*на сценѣ*).

Благопріятный часъ: кипящій ядъ готовъ!
Изъ травъ зловредныхъ самъ сбиралъ я средь
лиговъ.
Геката адская мнѣ зелья указала
И на погибель ихъ измѣна заклинала.
Волшебный ядъ! спѣши докучну жизнь пре-
сѣчь,
И порази его, какъ будто вражій мечъ!
(*Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго Короля*).

ГАМЛЕТЪ.

Онъ отравляетъ его, пока тотъ спалъ въ саду, чтобы завладѣть его королевствомъ. Его зовутъ Гонзаго. Это быль — я самъ читалъ ее по Итальянски. Вы тотчасъ увидите, какъ убійца успѣетъ овладѣть сердцемъ вдовы отравленнаго Короля.

(*Король встаетъ съ своего мѣста въ смущеніи. Общее смятеніе*).

ОФЕЛІЯ.

Король встаетъ съ своего мѣста!

ГАМЛЕТЪ.

Что онъ? Испугался чего нибудь?

КОРОЛЕВА.

Что съ тобою сдѣлалось, мой супругъ?

ПОЛОНІЙ.

Прекратите комедію!

(Занавѣсъ надъ сценою закрывается).

КОРОЛЬ.

Посвѣтите мнѣ — пойдемъ!

ПОЛОНІЙ.

Огня, огня, огня!

(Всѣ въ безпорядкѣ уходятъ, кромѣ Гамлета и Гораціо).

ГАМЛЕТЪ *(вскакиваетъ).*

Оленя ранили стрѣлой —
Тотъ охаетъ, другой смѣется;

Одинъ хохочетъ — плачь другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется!

За эти стихи, стоитъ только одѣться въ платье комедіянта, меня примутъ въ лучшіе актеры!

ГОРАЦІО.

На половинное жалованье?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! на полное!

Былъ у насъ въ чести немалой
Левъ, да часъ его пришелъ —
Счастье львиное пропало,
И теперь въ чести.... пѣтухъ!

ГОРАЦІО.

Послѣдняя рифма не годится, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

О добрый Горацio! теперь слова привидѣнія я готовъ покупать на вѣсъ золота! Замѣтилъ ли ты?

ГОРАЦІО.

Очень замѣтилъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Только что дошло до отравленія....

ГОРАЦІО.

Это было слишкомъ явно!

ГАМЛЕТЪ.

Ха, ха, ха! Эй, музыкантовъ сюда, флейщиковъ!

Когда Король комедіи не полюбитъ,
Такъ онъ — да, просто, онъ комедіи не любитъ!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

ГАМЛЕТЪ.

Эй! музыкантовъ сюда!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Позвольте, принцъ, сказать вамъ нѣсколько словъ.

ГАМЛЕТЪ.

Извольте — хоть цѣлую исторію!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Король....

ГАМЛЕТЪ.

Ну, что Король?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Онъ удалился отсюда, и теперь —

ГАМЛЕТЪ.

Пьянъ?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Нѣтъ, принцъ, разгнѣванъ.

ГАМЛЕТЪ.

Такъ вы поступите умно, когда посовѣтуетесь съ его лекаремъ. Можетъ быть, если я примусь лечить его, ему еще хуже сдѣлается.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Прошу васъ, принцъ, разговаривать порядкомъ и не удаляться отъ дѣла.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо. Говорите.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Королева, родительница ваша, глубоко огорченная, послала меня къ вамъ.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, добро пожаловать!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Это привѣтствіе совсемъ не кстати, принцъ. Если вамъ угодно отвѣчать мнѣ благоразумно, я исполню препорученіе вашей родительницы, а не то — извините — я уйду и тѣмъ все кончится.

ГАМЛЕТЪ.

Но, видите, я не могу.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Чего не можете, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Отвѣчать вамъ благоразумно. Мой умъ боленъ. Но такой отвѣтъ, какой я могу, только прикажите — если вамъ, или матери моей

угодно, къ услугамъ вашимъ. Да, что до этого! Маменька моя, говорите вы —

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Она изволила сказать мнѣ, что ваше странное поведеніе изумляетъ и удивляетъ ее.

ГАМЛЕТЪ.

О, такъ я чудный сынъ, если могъ удивить мать свою! Но за ея удивленіемъ не было ли еще чего нибудь? Продолжайте.

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Она желаетъ говорить съ вами и проситъ васъ пожаловать къ ней.

ГАМЛЕТЪ.

Повинуюсь, такъ повинуюсь, какъ будто она десять разъ родила меня. Что еще вамъ отъ меня угодно?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Принцъ! прежде вы любили меня.

ГАМЛЕТЪ.

Бездѣльникъ буду, если и теперь не люблю.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что жь такое причиною вашего разстройства? Не довѣряя печали вашей дружбѣ, вы затворяете дверь вашему выздоровленію.

ГАМЛЕТЪ.

Видите: меня не пускаютъ впередъ.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Какъ такъ, принцъ, когда вы наслѣдникъ послѣ вашего дяди!

ГАМЛЕТЪ.

Такъ, правда! Но, «пока травка подраститъ, воды много утечетъ» — эта поговорка немного заплѣсневѣла....

(Входятъ музыканты).

Ахъ! вотъ и флейщики! Подай мнѣ твою флейту. (*Гильденштерну*) Мнѣ кажется, будто вы слишкомъ гоняетесь за мною?

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Повѣрьте, принцъ, что всему причиною любовь моя къ вамъ и усердіе къ Королю.

ГАМЛЕТЪ.

Я что-то не совсемъ это понимаю. Сыграй мнѣ что нибудь! (*подаетъ ему флейту*).

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Не могу, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Сдѣлай одолженіе!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Право, не могу, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Ради Бога, сыграй!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Да, я совсемъ не умѣю играть на флейтѣ.

ГАМЛЕТЪ.

А это такъ же легко, какъ лгать. Возми флейту такъ, губы приложи сюда, пальцы туда — и заиграетъ!

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Я вовсе не учился.

ГАМЛЕТЪ.

Теперь суди самъ: за кого же ты меня принимаешь? Ты хочешь играть на душѣ моей, а вотъ, не умѣешь сыграть даже чего нибудь на этой дудкѣ. Развѣ я хуже, простѣе, нежели эта флейта? Считай меня чѣмъ тебѣ угодно: ты можешь мучить меня, но не играть мною!

(*Полоній входитъ*).

Мое глубокое почтеніе!

ПОЛОНІЙ.

Королевѣ угодно говорить съ вами, и немедленно.

ГАМЛЕТЪ (*смотря къ верху*).

Что это такое? Точно облако, и какъ похоже на верблюда!

ПОЛОНІЙ (*глядитъ*).

Да, принцъ, и на верблюда ужасно походитъ!

ГАМЛЕТЪ.

Охъ! нѣтъ бишь — на хорька! Не правда ли?

ПОЛОНІЙ.

Позвольте. Въ самомъ дѣлѣ — точный хорекъ!

ГАМЛЕТЪ.

А я такъ думаю, что это китъ!

ПОЛОНІЙ.

Дайте разглядѣть. Ахти, и въ самомъ дѣлѣ— портретъ кита!

ГАМЛЕТЪ.

Скажите Королевѣ, что я тотчасъ приду. Уйдти отъ нихъ — съ ними задурачишься не шутя, въ самомъ дѣлѣ — иду, скажите Королевѣ.

ПОЛОНІЙ.

Исполню.

(уходитъ).

ГАМЛЕТЪ.

Исполнить! Да, легко сказать! — Друзья! простите!

(Идетъ. Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ. Гамлетъ возвращается).

Теперь настал волшебный ночи час.
Съ кладбищей мертвецы въ разбродѣ. Адъ,
Адъ ужасами дышитъ — часъ насталъ упиться
кровью,
И совершить дѣла, которыхъ день
И видѣть не посмѣетъ! — Тише — къ ней иду!
Сердце! напоминай мнѣ, что я сынъ —
Жестокимъ, но не извергомъ я буду —
Я уязвлю ее словами — мечъ мой — нѣтъ!
Не подыму руки моей на мать!
Что демонъ злобы ни шепчи —
Душа! не соглашайся рѣчь его исполнить!
(уходитъ).

ᐅ•ᐊ

КОРОЛЬ, РОЗЕНКРАНЦЪ, ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ *входятъ.*

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! кончить должно, и безуміе его
Опасно намъ становится. Готовы будьте.
Я васъ немедленно отправлю съ нимъ
И въ Англію его вы увезете.
Мнѣ долгъ владыки не позволитъ больше

Терпѣть его зловреднаго безумства,
Таить змѣю за пазухой....

ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

Мы поспѣшимъ,
Мы долгомъ нашимъ почитаемъ — все на жертву
Принесть за Короля.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Простолюдинъ обязанъ защищаться,
Но съ жизнью Королей съединена
Жизнь государства, и мы жизнь свою положимъ
За безопасность вашу.

КОРОЛЬ.

Приготовьтесь
Скорѣй, я васъ прошу, къ отъѣзду — должно
Остановить грозящую опасность.

(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

ПОЛОНІЙ (*входитъ*).

Онъ къ матери придетъ, и за коврами
Я спрячусь тамъ и разговоръ услышу.
Она его, конечно, побранитъ —

Но, какъ изволили сказать вы, и сказать премудро,
Тутъ посторонній долженъ быть и слышать —
Мать, женщина умѣетъ ли быть строгой! —
Слышать весь разговоръ. Потомъ почту я долгомъ.
Вамъ обо всемъ подробно донести,
Все что услышу, все —

КОРОЛЬ.

Благодарю.
(*Полоній уходитъ*).

КОРОЛЬ (*одинъ*).

Злодѣйства паръ кровавый, страшнаго злодѣйства,
Достигъ небесъ. Ужасно преступленье,
Мной совершенное — первоначальный грѣхъ —
Злодѣйство Каина — убійство брата!
Я не могу молиться, хоть порывы
Раскаянья терзаютъ душу мнѣ —
Вина моя раскаянья превыше,
И будто человѣкъ двойнымъ обѣтомъ,
Раскаяньемъ, грѣхомъ — я связанъ,

И неподвиженъ, и не знаю что начать!
Но еслибы моя проклятая рука
И болѣе была покрыта кровью брата,
Уже ль росы небесной нѣтъ омыть ее
И убѣлить бѣлѣе снѣга? И прощенье для чего,
Когда оно въ борьбѣ съ грѣхомъ не будетъ?
И для чего молитва? Зло предупредить,
И — смыть его, когда оно свершилось!
Осмѣлимся — подымемъ взоры къ небу —
Грѣхъ совершенъ! Но какъ молиться мнѣ?
Какую Богъ воиметъ молитву? Какъ молиться?
Прости убійцѣ? — Нѣтъ! я обладаю всемъ,
Что принесло мнѣ страшное убійство —
Короной, почестями, Королевой....
Простится ль грѣхъ, когда я въ немъ коснѣю?
Передъ людьми, предъ ихъ судомъ ничтож-
ным,
Рукою позлащенной, преступленье
Остановить легко дерзаетъ судъ
И подкупить законъ — но *тамъ* не такъ!
Нѣтъ подкупа, и страшно преступленье
Передъ судомъ стоитъ обнажено!
Что жь дѣлать мнѣ? Что остается мнѣ?
Что можетъ покаянье? Но — чего оно не можетъ!

Все, если можетъ человѣкъ покаяться....
О мысль спасенья! О совѣсть черная моя!
Душа преступная, въ болотѣ
Грѣховъ погрязнувшая, чѣмъ стремится больше
Изникнуть, тѣмъ страшнѣе тонетъ.... Помо-
гите
Мнѣ, ангелы! Молитву вашу испытайте!
Гнитесь, колѣна непреклонныя! Ты, сердце,
Размягчись, какъ у едва рожденнаго младенца!
Богъ милосердъ!

(Онъ медленно склоняется на колѣни и погружается въ задумчивость).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ тихо).*

Теперь его отправить — легко — онъ молится —
Теперь его отправить —

(вынимаетъ кинжалъ).

И съ молитвой
Погибнетъ онъ? Отмщенье ль это будетъ?
Остановись, подумай. Твоего отца
Зарѣзалъ онъ. Ты, сынъ, ты, мститель смерти,
Въ раскаяньи засталъ его, и смерть теперь
Ему благодѣянье, но не мщенье будетъ —
Нѣтъ! не мщенье!....

Онъ брата погубилъ въ грѣхахъ,
Въ безпечномъ усыпленьи чувства,
И тяжекъ былъ погибшему разсчетъ.
Отмщу ли я, когда молитвой онъ
Готовъ на путь далекій, невозвратный?
Нѣтъ! нѣтъ!

влагаетъ кинжалъ въ ножны).
Въ ножны, мститель! Твой ударъ ужасенъ
будетъ,
Когда его застану пьянымъ, спящимъ, гнѣвнымъ,
И въ нечистивомъ пиршествѣ грѣха,
Въ игръ, въ божбѣ, въ такомъ души порывѣ
Когда погибель за могилою вѣрна.
Тогда — ударъ его повергнетъ вверхъ пятами,
Чтобъ съ кровью черною душа его упала
Въ адъ, темный, какъ грѣхи его темны!
Мать ждетъ меня — живи, но безъ надежды,
Чтобъ жизнь твоя продлилась — ты мертвецъ!
(*Уходитъ*).

КОРОЛЬ.

Слова на небо — мысли на землѣ!
Безъ мысли слово недоступно къ Богу!
(*Уходитъ поспѣшно*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Комнаты Королевы.

КОРОЛЕВА и ПОЛОНІЙ.

ПОЛОНІЙ.

Онъ явится немедленно. Съ нимъ будьте строги;
Скажите, что его безуміе несносно;
Скажите, что одни лишь просьбы ваши
Гнѣвъ Короля утишили. Не смѣю больше
Совѣтовать, но твердость въ дѣлѣ вамъ
Необходима.

КОРОЛЕВА.

Положитесь на меня.
Я знаю, что мнѣ говорить — уйдите — это онъ!
(Полоній прячется за коверъ).

ГАМЛЕТЪ *(входитъ).*

Что вамъ угодно, мать моя? Скажите.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! ты оскорбилъ меня жестоко.

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! отецъ мой вами оскорбленъ жестоко.

КОРОЛЕВА.

Ты говоришь со мной, какъ сумасшедшій.

ГАМЛЕТЪ.

А вы со мной, какъ злая мать.

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ! что говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Что угодно вамъ?

КОРОЛЕВА.

Ты позабылъ, кто я?

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! не забылъ, клянусь!
Вы Королева, вы супруга дяди,
И — о за чѣмъ мнѣ должно досказать! —
Вы — мать моя....

КОРОЛЕВА.

Я говорить съ тобой заставлю
Другихъ; они твое безумство укротятъ.

*

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сядь, и съ мѣста
Ты не сойдешь, пока тебѣ я не представлю
Такого зеркала, гдѣ всѣ души твоей изгибы
Наружи будутъ!

КОРОЛЕВА.

Что ты дѣлаешь, мой сынъ!
Ты хочешь умертвить меня... О! помогите.
Помогите!

ПОЛОНІЙ (*за ковромъ*).

Помогите!

ГАМЛЕТЪ.

Что тамъ? Мышь!

(*Онъ ударяетъ шпагою въ коверъ*).

Убить! Червонецъ объ закладъ — убить!

ПОЛОНІЙ.

Охъ! умираю!

(*Падаетъ*).

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что ты сдѣлалъ, сынъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Что? Не знаю!

Король?

(*Подымаетъ коверъ и вытаскиваетъ трупъ Полонія*).

КОРОЛЕВА.

О, какой кровавый, сумасшедшій твой поступокъ!

ГАМЛЕТЪ.

Кровавый? — Чѣмъ же, маменька, онъ хуже
Того — убить супруга и съ убійцей обвѣнчаться?

КОРОЛЕВА.

Убить супруга!

ГАМЛЕТЪ.

Да, я говорю тебѣ — убить!
А ты, глупецъ, дуракъ, болванъ! Прости меня —
Я думалъ, что тутъ спрятался другой, умнѣе — обвиняй
Судьбу свою — ты видишь, что услуга
Другимъ не безъ опасности бываетъ....
За чѣмъ ломать такъ руки? Успокойтесь, сядьте —

Я сердце ваше изломаю — я расшевелю его,
Когда оно еще не вовсе стало камнемъ
И навыкомъ на зло не обратилось въ сталь,
Когда ему доступно хоть одно,
Какое нибудь чувство....

КОРОЛЕВА.

Что я сдѣлала такое,
За что ты такъ жестокъ ко мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Такое дѣло,
Которымъ погубила скромность ты!
Изъ добродѣтели ты сдѣлала коварство — цвѣтъ любви
Ты облила смертельнымъ ядомъ — клятву,
Предъ алтаремъ тобою данную супругу,
Ты въ клятву игрока преобратила —
Ты погубила вѣру въ душу человѣка —
Ты посмѣялась святости закона —
И небо отъ твоихъ злодѣйствъ горитъ!
Да, видишь ли, какъ все печально и уныло,
Какъ будто наступаетъ страшный судъ!

КОРОЛЕВА.

Ахъ! что такое, говори? Что хочешь
Ты высказать въ безумномъ изступленьи?

ГАМЛЕТЪ.

А вотъ они, вотъ два портрета — посмотри:
Какое здѣсь величіе, краса и сила,
И мужество и умъ — таковъ орелъ,
Когда съ вершины горъ полетъ свой къ небу
Направитъ — совершенство Божьяго созданья —
Онъ былъ твой мужъ! — Но, посмотри еще —
Ты видишь ли траву гнилую, зелье,
Сгубившее великаго — взгляни, гляди —
Или слѣпая ты была, когда
Въ болото смрадное разврата пала?
Говори: слѣпая ты была?
Не поминай мнѣ о любви: въ твои лѣта
Любовь уму послушною бываетъ!
Гдѣ же былъ твой умъ? Гдѣ былъ разсудокъ?
Какой же адскій демонъ овладѣлъ
Тогда умомъ твоимъ и чувствомъ — зрѣньемъ
просто?
Стыдъ женщины, супруги, матери забыть....

Когда и старость падаетъ такъ страшно,
Что жь юности осталось? Страшно,
За человѣка страшно мнѣ!...

КОРОЛЕВА.

Мой сынъ!
Ты очи обратилъ мнѣ внутрь души,
И я увидѣла ее въ такихъ кровавыхъ,
Въ такихъ смертельныхъ язвахъ — нѣтъ спа-
сенья!

ГАМЛЕТЪ.

И для чего жь ты поддалась пороку,
Любви искала въ безднѣ преступленья?

КОРОЛЕВА.

Ахъ! замолчи! Какъ острые ножи,
Слова твои мнѣ сердце растерзали!
Умолкни, милый сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Убiйца,
Злодѣй, рабъ, шутъ въ коронѣ, воръ,
Укравшiй жизнь, и братнюю корону
Тихонько утащившiй подъ полой,
Бродяга....

КОРОЛЕВА.

Ахъ! Гамлетъ! ни слова больше!

ГАМЛЕТЪ.

И злодѣю ты моглá....
(Тѣнь отца входитъ).
Спасите,
Крылами вашими меня закройте,
Вы ангелы небесъ.... Скажи, чего ты хочешь,
Страдалецъ?

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ!

ГАМЛЕТЪ.

Или явился ты
Упреками осыпать сына
За медленность его въ отмщеньи? Говори!
(молчаніе).
Что съ вами Королева?

КОРОЛЕВА.

Что съ тобой, Гамлетъ?
За чѣмъ твой взоръ блуждаетъ въ пустотѣ?
Съ кѣмъ говоришь ты въ воздухѣ пустомъ?

И вся душа въ твои переселилась очи,
И дыбомъ волосы твои! Мой милый сынъ!
Утишь порывы чувствъ. Кого ты видишь?

ГАМЛЕТЪ.

Его, его! Смотри, какъ блѣденъ онъ!
Его ужасное явленье
И въ камень чувства передастъ!
Нѣтъ! не смотри такъ грустно и печально,
Поколебать мою рѣшимость можешь ты,
И я не кровью стану мстить — слезами!

КОРОЛЕВА.

Съ кѣмъ говоришь ты?

ГАМЛЕТЪ.

Иль ты не видишь!

КОРОЛЕВА.

Я никого не вижу, хоть и вижу все.

ГАМЛЕТЪ.

И ничего не слышишь?

КОРОЛЕВА.

Ничего.

ГАМЛЕТЪ.

Гляди, гляди — вотъ онъ, отецъ мой, онъ,
И какъ живой! Гляди — вотъ онъ уходитъ —
Ушелъ....

(Тѣнь уходитъ).

КОРОЛЕВА.

Мечта воображенья, сынъ мой!
Ты забываешься и видишь привидѣнья!

ГАМЛЕТЪ.

Мечта?
Но пульсъ мой бьется такъ же
Какъ у тебя — я вижу, слышу — мой разсудокъ
Со мной — я разскажу тебѣ слова его,
А можетъ ли безумный разсказать
Въ порядкѣ, стройно? Это-ли безумство?
Мать, мать моя! не погуби спасенья
Души твоей коварной лестью, будто
Здѣсь говоритъ безуміе мое,
А не твои грѣхи и преступленья!
Ты сердца ранъ не исцѣлишь, ты скроешь
Ихъ въ глубину души, и страшно тамъ

Опи сожгутъ ее мученьемъ ада!
Съ раскаяньемъ прибѣгни къ Богу — кайся,
Молись за прошлое, грядущаго страшись,
И ядъ безчувствія страшись считать отрадой!
Я умоляю, падаю къ ногамъ....
Въ развратный вѣкъ не преступленье,
Но добродѣтель, добродѣтель умолять должна
Прощенья въ томъ, что смѣетъ возносить
Молитвы голосъ за его спасенье!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ! ты растерзалъ мнѣ сердце!

ГАМЛЕТЪ.

Отбрось его гнилую часть, отбрось
И съ чистой половиною останься!
Разстаться должно намъ.... Не оскверняй
Себя прикосновеньемъ дяди!
И если ты не добродѣтельна — притворствуй,
Притворись, что добродѣтель любишь!
Чудовище привычка, но, добра губитель,
Намъ ангеломъ-спасителемъ быть можетъ
И къ добродѣтели насъ можетъ пріучить.
Сегодня тяжко намъ бываетъ воздержанье,

Но на другой день легче, и по малу
Къ добру оно насъ можетъ пріучить!
Прощай — мать моя, прощай! И если хочешь
Благословенія небесъ, скажи мнѣ —
Приду къ тебѣ просить благословенья!

(обращается къ Полонію).

А ты, пріятель, извини — мнѣ жаль тебя.
Судьбѣ угодно было такъ, чтобъ ты
Былъ мной наказанъ, а тобою я.
За смерть его я буду отвѣчать.
И разъ еще — о мать моя! Прости мнѣ —
Я былъ къ тебѣ жестокъ, безчеловѣченъ,
Но я хотѣлъ, я долженъ быть такимъ,
Чтобъ матери отдать вновь чувства человѣка..
Да, еще разъ....

КОРОЛЕВА.

Скажи, что дѣлать мнѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Что?.... Ничего не дѣлай, и не вѣрь
Тому что говорилъ я. Пусть Король
Опять тебя въ свои объятья приметъ;
Открой ему всю тайну; разскажи,
Что не безуменъ въ самомъ дѣлѣ сынъ твой,

Но сумасшедшимъ только притворился....
И какъ же вамъ, прекрасной, умной, доброй,
Счастливой Королевѣ, не сказать
Летучей мыши этой, жабѣ,
Совѣ полуночной, какъ не сказать всего!
Такая вѣсть его обезопаситъ,
Порадуетъ — а тамъ, что нужды,
Когда сама себѣ ты шею повихнешь!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ! я клянусь тебѣ, что скрою все,
Все, что ни говорилъ ты мнѣ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Извѣстно ль вамъ? Я въ Англію поѣду.

КОРОЛЕВА.

Ахъ! я забыла.... Это рѣшено.

ГАМЛЕТЪ.

Да, граматы уже готовы, и два друга,
Которымъ я, какъ ящерицамъ вѣрю,
Сопровождать меня назначены въ пути
И довести до самой западни. Пускай —
Счастливый путь — поѣдемъ, поглядимъ,

Кто похитрѣй кого взорветъ на воздухъ!
Противъ подкопа поведу подкопъ,
И это утѣшаетъ, веселитъ меня,
Когда умы работаютъ людскіе
На гибель друга, будто лютый звѣрь!
А этого я спрячу молодца....
Спокойной ночи!
Что ты молчаливъ,
Такъ скроменъ, такъ угрюмъ, скажи, пріятель,
Ты, цѣлый вѣкъ болтавшій безъ умолку?
Пойдемъ — съ тобой что много толковать!
(*Тащитъ Полонія*).
Спокойной ночи, Королева!

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Королевскій дворецъ.

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ.

КОРОЛЬ.

Есть причина этой скорби, этихъ вздоховъ.
Я долженъ знать ее. Скажи мнѣ —
Гдѣ твой сынъ?

КОРОЛЕВА.

Оставьте насъ.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ.)

Ахъ, государь! ужасна эта ночь была!

КОРОЛЬ.

Что Гертруда? Что сдѣлалъ сынъ твой?

КОРОЛЕВА.

Безуменъ, бѣшенъ, будто буря въ спорѣ
Съ могучимъ океаномъ, и въ безуміи своемъ
Услышалъ онъ, что за ковромъ есть кто-то,
Мечъ выхватилъ, вскричалъ: «Мышь, мышь!»
И въ сумасшествіи ударилъ, и убилъ,
Безумецъ, нашего совѣтника и друга....

КОРОЛЬ.

Я могъ быть тамъ, я могъ погибнуть!
Ему свободу дать опасно, гибельно. Тебѣ,
Мнѣ, всѣмъ опасенъ онъ.
Увы! кто отвѣчаетъ за эту кровь?
Мы — мы предвидѣть бы могли
И удалить должны бы отъ людей
Безумца, но любовь къ нему такъ велика:
Что мы забыли долгъ нашъ.
Такъ, если тяжкая болѣзнь кого терзаетъ,
Страшась послѣдствій, онъ ее таитъ
И гибнетъ. Гдѣ жь теперь твой сынъ?

КОРОЛЕВА.

Онъ потащилъ убитаго Полонія куда-то.
Среди безумія, какъ искры злата

Средь грубой смѣси руд — сверкают въ
нем
И умъ и сердце — онъ рыдаетъ — поздно!...

КОРОЛЬ.

Пойдемъ, Гертруда. Прежде чѣмъ лучи
Померкнутъ солнца на вершинахъ горъ,
Корабль къ его отъѣзду изготовятъ.
Его безумное убійство скроемъ мы.
Придумаемъ причины. — Гильденштернъ!
(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).
Мои друзья! возьмите стражу. Принцъ Гамлетъ
Убилъ Полонія въ безумномъ изступленьи
И утащилъ его бездушный трупъ.
Подите, съ нимъ поговорите, отыщите тѣло
И честному предайте погребенью —
Спѣшите!
(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).
Я иду собрать совѣтъ,
Скажу что сдѣлалось, спрошу, какъ должно
Теперь намъ поступить, чтобъ клевета,
Такъ быстро пролетающая свѣтъ,
Какъ выстрѣлъ пушечный летитъ до цѣли,
И отравляющая все въ пути, на насъ

Не излила бы ядовитой мести,
Разсѣялась, исчезла. — Поспѣшимъ....
Душа моя полна тревоги и сомнѣній!
(уходятъ).

Гамлетъ *(выбѣгаетъ).*

Славно спрятанъ!

Розенкранцъ и **Гильденштернъ** *(за сценой).*

Гамлетъ! Принцъ Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Тише! Что за шумъ? На что вамъ Гамлета? Они идутъ....

(Розенкранцъ и Гильденштернъ входятъ).

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Что сдѣлали вы, принцъ, съ тѣломъ Полонія?

ГАМЛЕТЪ.

Отдалъ его роднѣ — землѣ отдалъ я его.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Гдѣ же оно? Надобно взять его и похоронить.

ГАМЛЕТЪ.

Не вѣрьте этому.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Чему не вѣрить?

ГАМЛЕТЪ.

Тому, что умѣя сохранять ваши тайны, я не умѣю сохранить моихъ тайнъ. Что будетъ отвѣчать сынъ короля, если его спрашиваетъ губка?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Развѣ я губка, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, губка, которая впитываетъ въ себя милости, ласки и власть своего короля. Но вы самые лучшіе слуги для королей. Короли берегутъ васъ на закуску, какъ обезьяны лакомый кусочикъ. Чуть понадобится взять обратно то, чѣмъ вы напитались — васъ пожмутъ, и — вы сухи, какъ губка!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Я васъ не понимаю, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Очень радъ. У кого въ ухѣ спокойно спитъ насмѣшка, тотъ — дуракъ!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Скажите, гдѣ положили вы тѣло, и потомъ пожалуйте къ Королю.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣло бываетъ королемъ, но король не долженъ быть тѣломъ. Король есть нѣчто!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Нѣчто, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Или ничто. Пойдемъ къ Королю. Впередъ лисицы, а собака за ними!

(уходятъ).

КОРОЛЬ и *придворные.*

КОРОЛЬ.

Я звать его велѣлъ и отыскать гдѣ трупъ.

Какъ страшно оставлять ему свободу!
Но строгій съ нимъ поступокъ неприличенъ.
Любимъ онъ глупою толпой народа;
Она безумно судитъ то, что видитъ,
И кто наказанъ, тотъ и правъ въ ея глазахъ,
Его вина забыта. Тихо, скромно все устроить
И отъѣздъ его внезапный показать
Необходимостью. Мы злу поможемъ зломъ,
Или ничѣмъ.

(*Розенкранцъ входитъ*).

Ну, что такое? говорите!

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Гдѣ тѣло скрылъ онъ, государь,
Мы не могли узнать.

КОРОЛЬ.

Но гдѣ онъ самъ?

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Онъ здѣсь, подъ стражею — ждемъ вашего приказа.

КОРОЛЬ.

Ввести его.

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Введите, Гильденштернъ.

(вводятъ Гамлета).

КОРОЛЬ.

Ну, Гамлетъ, гдѣ же Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На ужинѣ.

КОРОЛЬ.

Какъ на ужинѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, гдѣ не онъ ѣстъ, а его ѣдятъ. Къ нему собралось множество премудрыхъ червяковъ. Вы знаете, что всѣ наши ужины дѣлаются для червяковъ: мы откармливаемъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя откармливаемъ, чтобы откормить червяковъ. Король и нищій — что это такое? Два разныя блюда для нихъ, и оба будутъ на одномъ столѣ — одинъ конецъ обоимъ!

КОРОЛЬ.

Великій Боже!

ГАМЛЕТЪ.

Человѣкъ ловитъ рыбу на червяка, который, можетъ быть, позавтракалъ королемъ, и ѣстъ рыбу, которая позавтракала этимъ червякомъ.

КОРОЛЬ.

Что хочешь ты сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Ничего, а я только хочу вамъ показать, что нищій можетъ съѣсть короля.

КОРОЛЬ.

Гдѣ Полоній?

ГАМЛЕТЪ.

На небесахъ — пошлите справиться. Если не найдутъ тамъ, пошлите сыскать его въ другомъ мѣстѣ. А если не найдете его нигдѣ, то черезъ мѣсяцъ онъ скажется вамъ благовоніемъ подъ лѣстницею галлереи.

КОРОЛЬ.

Поспѣшите туда.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ спѣшить — онъ подождетъ!
(Нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ).

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! послѣ такого страшнаго поступка,
Заботясь нѣжно о тебѣ, сколь намъ ни скорбно,
Но долженъ ты скорѣе удалиться. Будь готовъ.
Ужь наряженъ корабль, готовься ѣхать
Въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ! въ Англію?

КОРОЛЬ.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Хорошо!

КОРОЛЬ.

Теперь тебѣ извѣстны наши мысли.

ГАМЛЕТЪ.

Да, ихъ слышитъ ангелъ небесный — но

такъ и быть — поѣдемъ въ Англію. Простите, милая маменька!

КОРОЛЬ.

Любящій тебя отецъ — хотѣлъ ты сказать Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Мать — говорю я: отецъ и мать — мужчина и женщина, но оба вмѣстѣ одно — мать, добрая мать — поѣдемъ въ Англію!

(*уходитъ*).

КОРОЛЬ.

Послѣдуйте за нимъ; уговорите ѣхать;
Не медлите, чтобъ ночь васъ не застала здѣсь.
Путь добрый! Все готово, что до вашего отъѣзда
Касается. Прошу васъ поспѣшить.

(*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*).

А ты, о Англія! когда цѣнить умѣешь
Мою пріязнь (ее ты оцѣнить могла,
Почувствовавъ глубокіе удары
Меча, которымъ ты была поражена,

И данью покупая нашу дружбу),
Не хладнокровно ты услышишь просьбу
Мою, и граматы, врученныя Гамлету,
Тебѣ покажутъ, что должна ты дѣлать —
Смерть Гамлету! Да, будь, Англія, послушна,
Избавь меня отъ тяжкой язвы....
Пока онъ живъ — нѣтъ счастья для меня!
(уходитъ).

→·←

ПОСЛЫ ФОРТИНБРАСА.

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Идите съ поздравленьемъ къ Королю.
Скажите, что его согласно волѣ,
Норвежскій принцъ ждетъ съ войсками своими,
Что черезъ Данію ему пройдти позволятъ,
И ежели его величеству угодно
Назначить намъ свиданье — пусть укажетъ мѣсто,
Нашъ принцъ придетъ воздать ему почтенье.

ВТОРОЙ ПОСОЛЪ.

Исполню.

ПЕРВЫЙ ПОСОЛЪ.

Миръ и тишину мы соблюдемъ.

-•-

ГАМЛЕТЪ, РОЗЕНКРАНЦЪ И ГИЛЬДЕНШТЕРНЪ *входятъ.*

ГАМЛЕТЪ.

Что за народъ?

ПОСОЛЪ.

Послы Норвежскаго владыки.

ГАМЛЕТЪ.

Но что же вамъ угодно?

ПОСОЛЪ.

Мы на Польшу
Идемъ, и просимъ позволенья перейдти
Чрезъ ваши области.

ГАМЛЕТЪ.

А вашъ начальникъ?

ПОСОЛЪ.

Фортинбрасъ, Норвежскій принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жь? Всю ли Польшу воевать,
Иль такъ клочекъ землицы взять
Вы собрались?

ПОСОЛЪ.

Сказать по правдѣ,
Мы бьемся за клочекъ земли, который
Не стоитъ и пяти червонцовъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жь? Его вамъ бросятъ и безъ драки.

ПОСОЛЪ.

Напротивъ — Поляки рѣшились драться.

ГАМЛЕТЪ.

Въ двѣ тысячи людей, да въ двадцать тысячь
Червонцовъ вамъ клочекъ земли придется —
Поздравить можно васъ съ завоеваньемъ!

НОСОЛЪ.

Желаемъ счастья вамъ.
(уходятъ Послы).

РОЗЕНКРАНЦЪ.

Пойдемъте, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Идите, я за вами незамедлю.
(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).
Какъ все противъ меня возстало
За медленное мщенье!... Что ты, человѣкъ.
Когда ты только означаешь дни
Сномъ и обѣдомъ? Звѣрь не больше ты!
Да, Онъ, создавшій насъ съ такимъ умомъ, что мы
Прошедшее и будущее видимъ—Онъ не для того.
Насъ одарилъ божественнымъ умомъ,
Чтобъ погубили мы его безплодно,
И если робкое сомнѣнье медлитъ дѣломъ,
И гибнетъ въ нерѣшительной тревогѣ —
Три четверти здѣсь трусости постыдной
И только четверть мудрости святой!
Къ чему мнѣ жизнь? Твердить: я долженъ сдѣлать —

И медлить, если силы есть, и воля, и причины,
И средства исполненья! Вотъ примѣръ:
Здѣсь юный вождь ведетъ съ собою войско,
Могучее и сильное; вождь смѣлый,
Онъ все приноситъ въ жертву чести, славѣ,
Все отдаетъ погибели и смерти.
И для чего? За что? Яичной скорлупы
Завоеванie не стоитъ. Честь не велика,
Не велика и слава жертвовать собою
Ничтожному дѣянью. Но на что причина?
Ее дѣянья наши оправдаютъ....
А я... отецъ убитъ, безславье матери удѣлъ —
Какъ крови не кипѣть, уму не волноваться,
А я — бездѣйствую, когда на мой позоръ,
На смерть идетъ здѣсь двадцать тысячъ войска,
И многie не знаютъ для чего идутъ,
И тысячи бѣгутъ за тѣнью славы,
И той земли, за что они погибнутъ —
На нихъ могилы мало!.... Нѣтъ! отъ сей поры
Кровь будетъ мысль единая — иль вовсе
Во мнѣ не будетъ мысли ни единой!

(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Комнаты королевы.

КОРОЛЕВА И ГОРАЦІО.

КОРОЛЕВА.

Я не хочу съ ней говорить!....

ГОРАЦІО.

Она васъ проситъ,
Она достойна сожалѣнья.

КОРОЛЕВА.

Чтó могу я?

ГОРАЦІО.

Все объ отцѣ твердитъ она, твердитъ, что люди
Обманщики, рыдаетъ и безумствуетъ она.
Безсмысленныя рѣчи произноситъ,
Но онѣ глубоко западаютъ въ душу.
Онѣ невольно заставляютъ мыслить.
Ея печаль, ея движенья, взгляды,
Все увѣряетъ, что въ душѣ ея таятся
Тоска глубокая, безумная печаль.

КОРОЛЕВА.

Да, я должна съ ней говорить. Она
Опасныя возбудитъ подозрѣнья
И толки злые.... Пусть войдетъ.
(*Гораціо выходитъ*).
О преступленье! малая причина
Тебя тревожитъ, предвѣщая горе,
И недовѣрчивость, сомнѣніе — невольно
Разоблачаютъ черную порока тайну!

ОФЕЛІЯ (*вбѣгая*).

Гдѣ, гдѣ она, прекрасная владычица?

КОРОЛЕВА.

Офелія! что, что съ тобою?

ОФЕЛІЯ (*поетъ*).

Моего вы знали ль друга?
Онъ былъ бравый молодецъ;
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Даніи боецъ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ, бѣдная Офелія! что ты поешь?

ОФЕЛІЯ.

Что я пою? Послушайте, какая пѣсня —

Но далеко, за морями,
Въ страшной онъ лежитъ могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый.
Ложе — хладная земля!

КОРОЛЕВА.

Милая Офелія....

ОФЕЛІЯ.

Да, слушайте же пѣсню!

Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами,
И въ могилу опустили
Со слезами, со слезами.

КОРОЛЕВА (*входящему Королю*).

Пожалѣйте о бѣдняжкѣ, государь, посмотрите....

КОРОЛЬ.

Что ты, Офелія?

ОФЕЛІЯ.

А что я? Ничего. Покорно благодарю. Знае-

те ли, что совушка была дѣвушка, а потомъ стала сова? Ты знаешь что ты теперь, а не знаешь чѣмъ ты будешь. Здравствуйте! Добро пожаловать!

КОРОЛЬ.

Бѣдная! Она не можетъ забыть отца.

ОФЕЛІЯ.

Отца? Вотъ какой вздоръ — совсемъ не отца, а видите что: она пришла на самомъ развѣтѣ Валентинова дня, и говоритъ:

Милый другъ! съ разсвѣтомъ яснымъ
Я пришла къ тебѣ тайкомъ.
Валентиномъ будь прекраснымъ,
Выглянь — здѣсь я, подъ окномъ!

* *
*

Онъ поспѣшно одѣвался,
Тихо двери растворилъ,
Быть ей вѣрнымъ страшно клялся,
Обманулъ и — разлюбилъ!

КОРОЛЬ.

Полно, Офелія!

ОФЕЛІЯ.

Да, онъ ее обманулъ — это ничего, да за чѣмъ онъ клялся? Грѣшно ему!

Плохо съ совѣстью людскою
Друга сердцемъ полюбить —
Онъ смѣется надо мною,
Что мнѣ дѣлать? Какъ мнѣ быть?

* *
*

Другу дѣвица сказала:
«Ты всѣ клятвы измѣнилъ!
Я тебя не забывала —
Ты за что меня забылъ?»

* *
*

Другъ съ усмѣшкой отвѣчаетъ:
«Клятвъ моихъ я не забылъ —
Развѣ дѣвица не знаетъ:
Я шутилъ — вѣдь я шутилъ!»

КОРОЛЬ.

Давно ли это съ ней сдѣлалось?

ОФЕЛІЯ.

Все это будетъ ладно, повѣрьте — только потерпите.... А все мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю!

Братъ все это узнаетъ, а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣе карету! Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!....

(убѣгаетъ).

КОРОЛЬ.

Идите за ней, поберегите ее!

(Горацiо уходитъ).

Печали ядъ ей душу отравилъ —
Отца погибель. Видишь ли, Гертруда,
Бѣды не ходятъ одиноко, но толпою:
Погибъ Полоній, сынъ твой удаленъ —
Безуміемъ онъ заслужилъ изгнанье —
И вотъ народъ волнуется, бунтуетъ,
Подозрѣваетъ смерть Полонія и ропщетъ.
Напрасно скрыли мы его причину смерти!
И вотъ Офелія теряетъ разумъ,
И что всего важнѣе — мнѣ извѣстно,
Что братъ ея сюда пріѣхалъ тайно.
Онъ злобой дышитъ, разсѣваетъ слухи
И мстить за смерть Полонія рѣшился,
Насъ обвиняя въ гибели отца.
О милая Гертруда! тяжко сердцу
Противостать столь бѣдственнымъ событьямъ!

(слышенъ шумъ).

КОРОЛЕВА.

Но что такое? Шумъ, смятеніе народа!

КОРОЛЬ.

Кто здѣсь? Стражи! охраняйте входъ!
(*входитъ Гораціо.*)
Что за смятенье?

ГОРАЦІО.

Государь! простите —
Какъ волны моря разъяреннаго стремятся,
Такъ къ вамъ Лаертъ, съ толпой своихъ друзей,
Стремится въ ярости, съ мечами, и за нимъ
Толпа безумная бѣжитъ, провозглашаетъ
Лаерта имя. Мщенья за отца
Онъ требуетъ, онъ молитъ у народа!

КОРОЛЕВА.

И на-голову ихъ падетъ отмщенье!
Безумцы слѣдуютъ за нимъ....

ЛАЕРТЪ (*за сценою*).

Гдѣ онъ? Король?
Прочь, прочь съ дороги!

НАРОДЪ (*за сценою*).

Прочь! Гдѣ, гдѣ Король?

ЛАЕРТЪ (*врывается въ двери*).

Отдай мнѣ моего отца!

КОРОЛЕВА.

Лаертъ!

Что это значитъ? Успокойся.

ЛАЕРТЪ.

Будь я проклятъ,
Пусть буду я безславенъ и безчестенъ,
Когда спокоенъ буду!

КОРОЛЬ.

Не безпокойся, Королева. Мнѣ не страшны
Угрозы безразсуднаго Лаерта.
Скажи, чего ты хочешь, безразсудный?

ЛАЕРТЪ.

Гдѣ мой отецъ?

КОРОЛЬ.

Онъ умеръ.

КОРОЛЕВА.

И въ его кончинѣ
Мы не виновны.

КОРОЛЬ.

Что же? Спрашивай, Лаертъ!
Я отвѣчаю.

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ! коварной рѣчью
Не обольститъ меня — скажи: онъ умеръ —
Кто былъ его убійца? Отвѣчай, иль страшно
Отмщенье сына будетъ!

КОРОЛЬ.

Но за чѣмъ же стало?

ЛАЕРТЪ.

Остатокъ чести, вѣрности отцовской
Мой мечъ удержитъ, если ты мнѣ выдашь
Убійцу моего отца!

КОРОЛЬ.

И снова
Я узнаю Лаерта. Добрый сынъ
Бунтовщикомъ, измѣнникомъ не будетъ,

И мстить невиннымъ не захочетъ — нѣтъ!
Онъ только отомститъ виновнымъ.

ЛАЕРТЪ.

Да, виновнымъ!

КОРОЛЬ.

Ты ихъ узнаешь.

ЛАЕРТЪ.

Пусть они погибнутъ,
И снова кровь моя и жизнь принадлежатъ
Отечеству и Королю!

КОРОЛЬ.

Довольно.
Виновенъ ли я въ смерти былъ отца,
Пусть сынъ разсудитъ, пусть увидитъ онъ!

НАРОДЪ (*за сценою*).

Впустить ее, впустить!

ЛАЕРТЪ.

Что слышу?
(*входитъ Офелія, странно убранная соломою и цвѣтами*).

Изсохни мозгъ мой, лейтесь мои слезы!
Сестра моя! твое безумство будетъ
Заплачено злодѣю — другъ, сестра,
Офелія! Да, лучше быть безумнымъ,
Когда намъ все, что было драгоцѣнно,
Все измѣнило — счастье и любовь!

ОФЕЛИЯ (*поетъ*).

Схоронили его съ непокрытымъ лицомъ,
Собирались они надъ могильнымъ холмомъ,
И горючія слезы кипѣли ручьемъ,
Какъ прощались они съ старикомъ.

Прощай, голубчикъ!

ЛАЕРТЪ.

Еслибы въ полномъ умѣ ты побуждала меня мстить — я менѣе былъ бы подвигнутъ къ отмщенію, нежели теперь — сестра несчастная!

ОФЕЛИЯ.

Вы пойте между тѣмъ: *Долой, злодѣй! На казнь, злодѣй!* Славная пѣсенка! Вы знаете? Это о томъ пажѣ, который похитилъ дочь рыцаря.

ЛАЕРТЪ.

Ея безуміе лишаетъ меня ума!

ОФЕЛІЯ (*перебирая цвѣты*).

Вотъ розмаринъ — это воспоминаніе! Душечка, миленькій! вспомни обо мнѣ! А вотъ незабудка — не забудь меня!

ЛАЕРТЪ.

Память пережила умъ несчастной!

ОФЕЛІЯ.

Вотъ вамъ тминъ, вотъ ноготки, вотъ рута, горькая травка — вамъ и мнѣ. Вы носите ее только по праздникамъ — горе праздникъ человѣку! Ахъ! вотъ и маргаритка — фіялокъ нѣтъ — извините — всѣ завяли, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой умеръ! Да, не бойтесь: вѣдь онъ умеръ спокойно!

Радость-душечка пропала,
Какъ мила друга не стало!

ЛАЕРТЪ.

Мечта и печаль, и страсть, и самое безуміе въ ней очаровательны!

ОФЕЛІЯ (*поетъ*).

Онъ не придетъ, онъ не придетъ,
Его мы больше не увидимъ.
Нѣтъ! умеръ онъ,
Похороненъ!
Его мы больше не увидимъ!

* * *

Вѣетъ вѣтеръ на могилѣ,
Гдѣ зарыли старика,
И три ивы, три березы посадили;
Онѣ плачутъ, какъ печаль моя, тоска!
Не плачьте, не плачьте, молитесь объ немъ —
Покой его, Боже мой! праведныхъ сномъ!

И души всѣхъ, кто умеръ.... Молитесь за него и — Богъ съ вами!

(*уходитъ*).

ЛАЕРТЪ.

О Боже мой! уже ли ей погибнуть?

КОРОЛЬ.

Лаертъ! твою печаль я раздѣляю,
И ты отдашь мнѣ справедливость — удалимся.
Мнѣ надобно съ тобою говорить.
Возми съ собой друзей, когда боишься
Коварства — пусть они судьями будутъ

Между тобой и мной, и если обвинятъ
Они меня — готовъ мою корону,
И жизнь, и все отдать тебѣ возмездьемъ.
Но если правъ я буду — согласись
Соединить тогда свои со мною силы
На мщенье нашему врагу!

ЛАЕРТЪ.

Да, будетъ такъ!
Безвѣстная родителя кончина,
Его забвенный гробъ, его могила,
Безъ украшеній, памяти достойной,
И погребеніе безъ почестей приличныхъ —
Все вопіетъ о мщеньи — небо и земля
Велятъ мнѣ требовать отчета!

КОРОЛЬ.

И отчетъ
Я дать тебѣ готовъ, и на главу
Виновнаго падетъ сѣкира казни!
Иди за мной.
(уходятъ всѣ, кромѣ Гораціо).

ГОРАЦІО *(одинъ).*

Письмо Гамлета! Что такое,

Что пишетъ онъ — ко мнѣ и Королю?

«Когда ты получишь это письмо, Гораціо, знай, что вскорѣ меня увидишь. Странное обстоятельство сдѣлало то, что я не поѣхалъ въ Англію, куда безъ меня отправились Розенкранцъ и Гильденштернъ. Прилагаемое письмо отдай Королю. Я разскажу тебѣ много чудесъ.

Гамлетъ.

Что это значитъ? Я не постигаю!

КОРОЛЬ И ЛАЕРТЪ (*возвращаются*).

Теперь, ты возвращаешь ли мнѣ дружбу,
Лаертъ? Ты понялъ ли, что мнѣ грозила
Такая же опасность, и я могъ
Погибнуть вмѣсто твоего отца?

ЛАЕРТЪ.

Я вижу, вѣрю, но еще не понимаю,
Какъ вы могли злодѣйству попустить
Быть не наказаннымъ, когда опасность вамъ
Грозила гибелью....

КОРОЛЬ.

Двѣ важныя причины.

Я объяснялъ тебѣ, Лаертъ, и повторю:
Гамлета любитъ Королева; жизнь ея
Такъ связана съ сыновней жизнью,
Что смерть его была бъ ей приговоромъ.
Ничто ее не сильно удержать
Ему пожертвовать другими. Онъ любимъ
Народомъ. Безразсудная толпа
Могла вступиться за Гамлета, и стрѣла
Могла пронзить того, кто смѣлъ бы бросить
Ее въ отмщеніе виновному.

ЛАЕРТЪ.

Отецъ!
И такъ твоя безславная кончина
Не будетъ отмщена! И ты, сестра моя,
Ты Божіе прекрасное созданье —
Погибла безъ отмщенья.... Нѣтъ! ничто, ничто
Мой гнѣвъ не укротитъ — убійцу
Я отыщу за дальними морями....

ГОРАЦІО (*приближается*).

Король, позвольте мнѣ — письмо Гамлета.

КОРОЛЬ.

Письмо Гамлета? Кто принесъ его?

ГОРАЦІО.

Съ кѣмъ прислано письмо мнѣ неизвѣстно.
Быть можетъ, принцъ самъ это объясняетъ.

КОРОЛЬ.

Лаертъ! ты слышишь ли? — Гораціо! ты можешь
Оставить насъ.

ГОРАЦІО.

Я поспѣшу на встрѣчу принца.
(уходитъ.)

КОРОЛЬ.

Онъ здѣсь! Но гдѣ же посланные съ нимъ?
Мнѣ непонятно. Выслушай письмо:

«Нагой и одинокій возвращаюсь я въ королевство отца моего, ваше и матери моей королевство. Лично буду я имѣть честь разсказать вамъ всѣ обстоятельства моего страннаго возвращенія.»

ЛАЕРТЪ.

Его ли почеркъ?

КОРОЛЬ.

Да, рука Гамлета.
Лаертъ! теперь совѣтуй, говори, скажи,
Что дѣлать мнѣ? Такъ — праведному мщенью
Судьбу Гамлета я готовъ отдать!

ЛАЕРТЪ.

Пусть онъ придетъ, пусть явится, и смѣло
Я стану передъ нимъ, скажу ему:
«Убійца!»

КОРОЛЬ.

Только?

ЛАЕРТЪ.

Жребій пусть рѣшитъ,
Кому изъ насъ погибнуть въ битвѣ!

КОРОЛЬ.

Жребій — слѣпецъ! Но мы ему поможемъ,
И мщенье вѣрное не промахнется;
Ударъ падетъ, куда назначенъ онъ.
Лаертъ! твоя довѣренность ко мнѣ
Необходима — замыселъ въ душѣ
Таимый я тебѣ открою!

ЛАЕРТЪ.

Вѣрьте,
Что я слѣпымъ орудьемъ вашимъ буду!

КОРОЛЬ.

Ты согласишься — судъ и казнь Гамлета
Мнѣ невозможны. Средство есть одно:
Мы слышали, что ловкій ты боецъ,
Что въ самой Франціи не могъ ты встрѣтить
Соперника, достойнаго тебя.
Гамлетъ давно желалъ помѣряться съ тобой
Въ искуствѣ биться.

ЛАЕРТЪ.

Дайте мѣсто намъ,
И мечъ мой, вѣрный мой товарищъ, сыщетъ
Гдѣ бьется сердце моего врага!

КОРОЛЬ.

Ты забываешь, что кровавый бой
Здѣсь невозможенъ — санъ и отношенья
Мнѣ не позволятъ вамъ согласья дать.

ЛАЕРТЪ.

Какъ?

КОРОЛЬ.

Еслибъ я и могъ тебѣ дозволить,
Кто знаетъ, кто падетъ изъ васъ двоихъ?
И мщенье ль будетъ, казнь ли будетъ этотъ
бой?
Любилъ ли ты отца, скажи, Лаертъ?
Убійцѣ казнь готовъ ли ты воздать?

ЛАЕРТЪ.

О! палачемъ его готовъ я быть!

КОРОЛЬ.

Довольно!
Скрой ненависть въ присутствіи другихъ;
Пусть возвращается Гамлетъ, а я устрою
Возможность вамъ помѣряться въ бою,
Друзьями, какъ соперникамъ въ искуствѣ.
Я съ нимъ держу закладъ противъ тебя,
И — онъ погибнетъ!

ЛАЕРТЪ.

Какъ погибнетъ?

КОРОЛЬ.

Да — въ смертельный ядъ

*

Я мечъ твой обмочу — довѣрчивый Гамлетъ
Проникнуть хитрости не можетъ, и прикосно-
веньемъ
Однимъ ты смерть Гамлету нанесешь....

ЛАЕРТЪ.

Убійство тайное!

КОРОЛЬ.

Нѣтъ! не убійство — месть
Преступнику, который внѣ закона!
И смерть отца ты отомстишь, Лаертъ,
И жизнь мою тогда обезопасишь,
И преступленью казнь ты совершишь!
Но, шумъ! Сюда идетъ поспѣшно Королева!
Она — Гамлета мать! Лаертъ — молчанье!
Что съ тобой, Гертруда?

КОРОЛЕВА.

Горе
За нами неотступно по слѣдамъ.
Лаертъ! твоя сестра погибла!

ЛАЕРТЪ.

Какъ? Погибла!

КОРОЛЕВА.

Погибла — утопула!

ЛАЕРТЪ.

Праведное небо!

КОРОЛЕВА.

Тамъ, гдѣ на воды ручья склоняясь, ива
Стоитъ и отражается въ водахъ,
Офелія плела вѣнки и пѣла.
Вѣнки свои ей вздумалось развѣсить
На ивѣ — гибкій обломился сукъ,
И въ воду, бѣдная, упала, и въ водѣ,
Не чувствуя опасности и смерти,
Все пѣла и вѣнки свои плела,
Пока ея одежда не промокла,
И бѣдную не повлекло на дно....

ЛАЕРТЪ.

И утопула?

КОРОЛЕВА.

Утопула, утопула!

ЛАЕРТЪ.

О бѣдная Офелія, сестра! Не плачу я —
Боюсь, чтобы слезами не залить мнѣ
Той злобы, пламенемъ въ груди горящей....
Нѣтъ! слезы потекли изъ глазъ моихъ, —
Я долженъ скрыть ихъ....

(уходитъ).

КОРОЛЬ.

Поспѣшимъ, Гертруда!
Съ трудомъ я злобу укротилъ его,
Она возникнуть снова можетъ — поспѣшимъ!

ДѢЙСТВІЕ V.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Кладбище. Входятъ два могильщика, съ заступами. Одинъ начинаетъ рыть могилу.

ПЕРВЫЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Да, развѣ ее будутъ хоронить, какъ порядочнаго человѣка, когда она самовольно отправилась на тотъ свѣтъ?

ВТОРОЙ МОГИЛЬЩИКЪ.

Разумѣется — копай скорѣе могилу; судьи ужь разсудили, что ее должно похоронить какъ водится.

ПЕРВЫЙ.

Да, какъ же это, когда она утопила тѣло свое добровольно?

ВТОРОЙ.

Открылось, что невольно.

ПЕРВЫЙ.

Да, ужь все повольно. Вотъ въ чемъ причинность: если я топлю свое тѣло — такъ — дѣло, а дѣло дѣлаетъ — собственно дѣло, потомъ производство дѣла и исполненіе дѣла. Ну! какъ хочешь — она утопилась добровольно!

ВТОРОЙ.

Послушай-ка, товарищъ.

ПЕРВЫЙ.

Погоди! — Вотъ рѣка — такъ; тутъ человѣкъ — такъ; если человѣкъ пошелъ къ рѣкѣ и утонулъ — спорь онъ или не спорь — онъ пошелъ — видишь ли? Онъ, а не она! Вотъ еслибы она пошла, такъ вышло бы, что она утонула, и выходитъ, что тотъ невиноватъ въ своей смерти, кто не покушался на смерть... А?

ВТОРОЙ.

Ну, а по закону?

ПЕРВЫЙ.

По закону? Ну — да, такъ и есть — я объ законѣ-то и говорю.

ВТОРОЙ.

Анъ не такъ! Она была благородная, а потому и хоронится благородно.

ПЕРВЫЙ.

Какъ? Ну, да, то-то и жаль, что кто посильнѣе, такъ ему и утопиться-то неплохо. Товарищъ заступъ! за работу! Чортъ побери — нѣтъ никого на свѣтѣ старше по званію, какъ садовникъ, копачъ, да могильщикъ — у нихъ самое старинное ремесло, Адамово занятіе!

ВТОРОЙ.

А развѣ что старше, то и лучше?

ПЕРВЫЙ.

Разумѣется. — Экой безтолковой!

ВТОРОЙ.

Такъ стало оселъ лучше меня, когда онъ старше меня?

ПЕРВЫЙ.

А вотъ я тебя спрошу — отвѣчай.

ВТОРОЙ.

Послушаемъ.

ПЕРВЫЙ.

Что всего прочнѣе на свѣтѣ строится?

ВТОРОЙ.

Что прочнѣе? Висѣлица — она переживаетъ всѣхъ своихъ жителей.

ПЕРВЫЙ.

За это стоило бы тебя самого на висѣлицу. Видишь ты, умникъ: кто худо дѣлаетъ, тому хорошо идетъ висѣлица, а ты про худое говоришь хорошо, стало тебѣ надо худо. Да, отвѣчай-ка мнѣ на вопросъ!

ВТОРОЙ.

На вопросъ? То есть, что прочнѣе всего на свѣтѣ строится?

ПЕРВЫЙ.

Да, отвѣчай, и только.

ВТОРОЙ.

Изволь — знаю....

ПЕРВЫЙ.

Такъ говори!

ВТОРОЙ.

Пожалуй.... Право, братъ, не знаю — дай подумать.

(входятъ Гамлетъ и Горацiо).

ПЕРВЫЙ.

Не ломай головы по пустякамъ — лѣнивому ослу палкой не прибавишь ходу. Когда тебя спросятъ, что всего прочнѣе строится на свѣтѣ — отвѣчай: гробъ, потому что его строятъ человѣку на жизнь во вѣки вѣковъ. — Ступай-ка, да принеси винца.

(одинъ могильщикъ уходитъ; другой остается, роетъ могилу и поетъ):

Лихой, удалый я бывалъ,
Любилъ играть и пѣть;
Теперь и старъ и хилъ я сталъ —
Пришлось не пѣть — кряхтѣть!

ГАМЛЕТЪ.

Понимаетъ ли этотъ болванъ, что онъ дѣлаетъ? Рыть могилу, и — пѣть!

ГОРАЦІО.

Привычка сдѣлала его равнодушнымъ къ его занятію.

ГАМЛЕТЪ.

Правда. Когда руки заняты работою, о головѣ не думаютъ.

МОГИЛЬЩИКЪ (*поетъ*).

Брела хрычевка съ костылемъ,
Не радъ — иди встрѣчай;
И сталъ я старымъ дуракомъ,
А молодость прощай!

(*выбрасываетъ черепъ*).

ГАМЛЕТЪ.

У этого черепа былъ языкъ, и онъ также пѣвалъ! Какъ бросилъ его этотъ негодяй, будто черепъ Каина, перваго убійцы! А можетъ быть, этотъ черепъ, который такъ легко швы-

ряютъ теперь — составлялъ голову великаго политика, или человѣка, который думалъ править цѣлымъ міромъ — не правда ли?

ГОРАЦІО.

Можетъ быть, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Или придворнаго, который такъ мило, такъ ловко умѣлъ сказать: «Здравствуйте, М. Г., все ли вы въ добромъ здоровьи, М. Г.» — Можетъ быть, это былъ знатный баринъ, охотникъ до лошадей, и — до всего — можетъ быть?

ГОРАЦІО.

Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Да, конечно, да, и — вотъ теперь, добыча г-на червяка, беззубая, разбитая заступомъ дурака могильщика — вотъ она, эта великая голова! Славная перемѣна, достойная того, чтобы объ ней подумать! Неуже ли эти черепы ни на что болѣе не годятся, какъ для игры въ кегли? Отъ этого трещитъ мой черепъ!

МОГИЛЬЩИКЪ (*поетъ*).

Съ могилой люди споръ ведутъ —
Вотъ то-то и оно!
Живи, живи, а умирать
Придется всѣмъ равно.

(*выкидываетъ черепъ*).

ГАМЛЕТЪ.

Еще черепъ! Почему не можетъ быть это черепъ законовѣдца? Гдѣ теперь его законы, выписки, розыски, дѣла и ябеды? Какъ терпитъ онъ теперь обиду отъ заступа этого негодяя и грубіяна? Что не подастъ на него жалобу? Ха, ха, ха! Можетъ быть, это былъ мастеръ пріобрѣтать большія имѣнія, чинить записи, вводы во владѣнія, обезпеченія на неустойку. И конецъ всѣхъ пыльныхъ бумагъ его тотъ, что черепъ его набитъ пылью, и всѣ его записи ввели его во владѣніе земли не длиннѣе двухъ листовъ пергамента, на которыхъ онъ писывалъ ихъ, и изъ всѣхъ его владѣній ему не оставляютъ даже и гроба — и его не оставитъ онъ наслѣднику!.... Увы!

ГОРАЦІО.

Общая участь!

ГАМЛЕТЪ.

Пергаментъ дѣлается вѣдь изъ бараньей кожи?

ГОРАЦІО.

Да, и изъ телячьей также.

ГАМЛЕТЪ.

Телята и бараны тѣ, кто полагается на прочность написаннаго на ихъ кожѣ! Мнѣ хочется поговорить съ этимъ могильщикомъ. — Эй, ты, дуралей! Чья это могила?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Моя.

(*поетъ*).

Живи, живи, а умирать
Придется всѣмъ равно!

ГАМЛЕТЪ.

Разумѣется, твоя, потому что ты ее роешь. Да, кто въ ней будетъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Не вы, сударь, это вы видите, потому что вы не въ могилѣ, да и не я, хоть я и въ могилѣ.

ГАМЛЕТЪ.

Не копай глупостей изъ могилы, пріятель!

МОГИЛЬЩИКЪ.

О, я не копаю, а закапываю ихъ.

ГАМЛЕТЪ.

Скажи, для какого человѣка эта могила?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Не для человѣка, сударь, она.

ГАМЛЕТЪ.

Ну, такъ для женщины?

МОГИЛЬЩИКЪ.

И не для женщины.

ГАМЛЕТЪ.

Да, кого жь схоронятъ тутъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Того, кто была женщина, а теперь — такъ, дрянь, ни то, ни сё!

ГАМЛЕТЪ.

Каковъ удалецъ? Съ нимъ не скоро дороешься толку. Право, Гораціо, свѣтъ поумнѣлъ, такъ, что теперь мужикъ ступаетъ на ногу дворянину и извиняться не думаетъ! Давно ли ты могильщикомъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ покойный Король нашъ побѣдилъ Фортинбраса.

ГАМЛЕТЪ.

А давно ли это было?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Будто вы не знаете? И дуракъ вамъ скажетъ, что въ тотъ годъ родился принцъ Гамлетъ, вотъ что теперь сдѣлался дуракомъ и посланъ въ Англію.

ГАМЛЕТЪ.

А для чего же его послали въ Англію?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Для чего? Для того, что онъ дуракъ, и тамъ поумнѣетъ, а если и не поумнѣетъ, такъ не велика бѣда.

ГАМЛЕТЪ.

Почему же?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Потому, что между дураками однимъ больше или меньше, все равно.

ГАМЛЕТЪ.

Какъ же это онъ сдѣлался дуракомъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Очень чудно, говорятъ.

ГАМЛЕТЪ

Очень чудно?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Да, чудно. Потерялъ то, чего у него не было.

ГАМЛЕТЪ.

Но на чемъ же онъ помѣшался?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Вѣроятно, на землѣ, на которой мнѣ суждено рыть могилы, а ему быть дуракомъ.

ГАМЛЕТЪ.

Въ сколько времени человѣкъ сгниваетъ въ могилѣ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Если не подгнилъ немножко живой, такъ лѣтъ въ восемь или девять. Кожевникъ, вѣрно, пролежитъ девять.

ГАМЛЕТЪ.

Почему же кожевникъ долѣе другихъ?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Потому что его кожа выдѣлается заживо и не боится воды, а вода хуже всего портитъ этихъ дураковъ мертвыхъ. Вотъ черепъ, который пролежалъ въ землѣ лѣтъ двадцать.

ГАМЛЕТЪ.

А чей это?

МОГИЛЬЩИКЪ.

Одного шалуна. Ну, чей бы вы думали?

ГАМЛЕТЪ.

Право, не знаю.

МОГИЛЬЩИКЪ.

Чортъ его побери, негодяя! Онъ облилъ меня виномъ однажды. Это черепъ Іорика, бывшаго шута королевскаго.

ГАМЛЕТЪ.

Этотъ?

(*беретъ черепъ*).

МОГИЛЬЩИКЪ.

Да.

ГАМЛЕТЪ.

Ахъ! бѣдный Іорикъ! — Зналъ я его, Горацiо: это былъ весельчакъ и умница. Сколько разъ нашивалъ онъ меня на рукахъ, а теперь какой отвратительный видъ! Тутъ были губы, которыя цѣловали меня. Гдѣ теперь твои шу-

точки, твои остроты, твои пѣсенки, все, что такъ громко заставляло хохотать другихъ? Не уже ли не осталось ни одной, хоть посмѣяться надъ самимъ собою, какую глупую рожу ты дѣлаешь? Ни слова? Что, не пойдешь ли ты расхвалить какую нибудь красавицу? Разсмѣшить ее? — Послушай, Горацiо!

ГОРАЦIО.

Что угодно, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Неуже ли и голова Александра Македонскаго теперь такая же?

ГОРАЦIО.

Да, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И также пахнетъ могилой? Пфуй?

(*бросаетъ черепъ*).

ГОРАЦIО.

Та́кже, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

И до чего можемъ мы унизиться, Горацiо! И почему благородному праху Александра Ма-

кедонскаго не быть замазкой какой нибудь хижины?

ГОРАЦІО.

Это, кажется, невѣроятно.

ГАМЛЕТЪ.

Что же тутъ невѣроятнаго? Почему не разсуждать такъ: онъ умеръ, онъ погребенъ, онъ сдѣлался прахомъ — прахъ земля — земля глина — глина употребляется на замазку стѣнъ.

Великолѣпный Цезарь нынѣ прахъ и тлѣнъ,
И на поправку онъ истраченъ стѣнъ.
Живая глина землю потрясала,
А мертвая замазкой печи стала!

Но, тише, тише! Вотъ Король!

Несутъ гробъ Офеліи. ЛАЕРТЪ, КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА и *свита королевская.*

ГАМЛЕТЪ.

Король и Королева, Дворъ — что это значитъ?
Лаертъ, и такъ печаленъ?

(*гробъ опускаютъ въ могилу*).

ЛАЕРТЪ.

Миръ тебѣ, сестра!
Да разцвѣтутъ цвѣты, и да украсятъ
Твой холмъ могильный!

ГАМЛЕТЪ.

Какъ? Офелія? Что слышу!

КОРОЛЕВА.

Прости, Офелія! Мечтала прежде я,
Что счастье моему Гамлету ты составишь;
Тебѣ къ вѣнцу готовила цвѣты,
И ихъ на гробъ печальный твой бросаю!

ЛАЕРТЪ.

Проклятіе, проклятіе убійцѣ!
Не зарывайте гроба — дайте насмотрѣться —
Засыпьте и меня съ моей сестрою!

ГАМЛЕТЪ (*приближается*).

Кто хнычетъ тутъ? Кто смѣетъ плакать?

ЛАЕРТЪ (*бросается на него*).

Будь проклятъ ты, убійца!

ГАМЛЕТЪ.

Тише, тише!
Зачѣмъ за горло схватывать меня?
Бороться не тебѣ со мной, пріятель!

КОРОЛЬ.

Остановите ихъ!

КОРОЛЕВА.

Гамлетъ, мой сынъ, Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! я не уступлю ему, пока я живъ!
Онъ хочетъ удивить меня печалью —
Но я любилъ ее, какъ сорокъ тысячь братьевъ
Любить не могутъ!

КОРОЛЕВА.

Онъ съ ума сошелъ!

ГАМЛЕТЪ.

Чего ты хочешь? Плакать, драться, умирать,
Быть съ ней въ одной могилѣ? Что за чудеса!
Да, я на все готовъ, на все, на все —
Получше брата я ее любилъ....
(*онъ уходитъ поспѣшно*).

КОРОЛЬ.

Послѣдуйте за нимъ — онъ помѣшался.
Не плачь, Гертруда! — Мы еще увидимъ
Дни счастья.... Помнишь ли нашъ разговоръ,
Лаертъ?
Теперь его исполнить время будетъ.
(всѣ уходятъ).

-»•«-

ЯВЛЕНІЕ 2.

Зала во дворцѣ.

ГАМЛЕТЪ И ГОРАЦІО.

ГАМЛЕТЪ.

Да, я ихъ обманулъ, Горацiо, я отвратилъ
погибель
И обратилъ ее на голову злодѣевъ.
Безумцомъ притворяясь, было мнѣ легко
Похитить грамоты, ихъ прочитать, поддѣлать.
По счастью, у меня была печать
Отца покойнаго; печатью этой

Я запечаталъ — хочешь ли ты знать,
Что было въ граматахъ?

ГОРАЦІО.

Принцъ, я желалъ бы....

ГАМЛЕТЪ.

Приказъ — казнить меня не медля! Не дивись,
Мой другъ! Въ подарокъ Розенкранцу съ Гильденштерномъ,
Я написалъ взаимно ихъ казнить,
Едва они достигнутъ Англійской земли.
Пускай они увидятъ, какъ опасно
Стать между двухъ мечей, когда свирѣпый
Бой начался межь сильными людьми!

ГОРАЦІО.

Онъ не Король — злодѣй!

ГАМЛЕТЪ.

Съ нимъ рѣшено теперь:
Убійца моего отца, престола хищникъ,
И матери моей безчестный соблазнитель,
Коварно умышлявшій погубить меня,
Погибнуть долженъ — совѣсть мнѣ велитъ

Казнить злодѣя — преступленье будетъ
Его оставить на позоръ земли.

ГОРАЦІО.

Онъ скоро разгадаетъ хитрость вашу,

ГАМЛЕТЪ.

Онъ не успѣетъ разгадать — его минуты
Изочтены. — Но совѣстью теперь тревожусь я
За оскорбленіе Лаерта — я забылся,
Я долженъ былъ печаль его уважить —
Его судьба моей судьбѣ подобна....

ГОРАЦІО.

Сюда идутъ. Принцъ! Тише, ради Бога!

ОСРИКЪ (*входитъ*).

Свѣтлѣйшій принцъ! мое нижайшее поздравленіе съ возвратомъ въ Данію.

ГАМЛЕТЪ.

Усердно благодарю. — Ты знаешь ли этого жука, Гораціо?

ГОРАЦІО.

Нѣтъ, принцъ.

ГАМЛЕТЪ.

Тѣмъ лучше для тебя — стыдно знать его. Онъ богатъ, да пусть скотина владѣетъ скотами и вмѣсто конюшни ходитъ за королевскій столъ — а между тѣмъ у этого попугая много въ обладаніи грязи, что люди называютъ землею.

ОСРИКЪ.

Свѣтлѣйшій принцъ! если имѣете досугъ выслушать, что я буду имѣть честь сообщить.

ГАМЛЕТЪ.

Со всевозможною охотою. Да, употребите шляпу вашу для того, на что она сдѣлана — надѣньте ее на голову.

ОСРИКЪ.

Всепокорнѣйше благодарю — тепло!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ очень холодно. Вѣтеръ отъ сѣвера.

ОСРИКЪ.

Да, принцъ — ужасный холодъ!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, буря и жарко — мнѣ такъ кажется!

ОСРИКЪ.

Чрезвычайно, принцъ — такой вѣтеръ, такой жаръ, что сказать нельзя! Принцъ — Король поручилъ мнѣ передать вамъ, что онъ —

ГАМЛЕТЪ.

Да, надѣньте же вашу шляпу.

ОСРИКЪ.

Повѣрьте, принцъ, что мнѣ такъ лучше, и вы слишкомъ добры. Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, что Лаертъ возвратился изъ Франціи, и клянусь, что это совершенство молодыхъ людей, полнота отличнѣйшихъ качествъ, красавецъ, ловкій — истинно, говоря безъ лести, образецъ, компасъ юношамъ, потому что въ немъ находите все, что только составляетъ совершенство молодыхъ господъ!

ГАМЛЕТЪ.

Онъ ничего не теряетъ въ вашемъ изображенiи, хоть я увѣренъ, что никакой ариѳметики не достанетъ исчислить всѣ его достоинства. Безъ всякой лести сказать — только зеркало можетъ изобразить его похоже на него, а все другое выразитъ только тѣнь его!

ОСРИКЪ.

Вы говорите сущую правду, принцъ!

ГАМЛЕТЪ.

Положимъ, что такъ. Но для чего же мы наряжаемъ его въ наши похвалы?

ОСРИКЪ.

То есть?

ГОРАЦIО.

То есть, нельзя ли какъ нибудь говорить иначе?

ГАМЛЕТЪ.

И объяснить, для чего мы говоримъ.

ОСРИКЪ.

О Лаертѣ?

ГАМЛЕТЪ.

Да. Мнѣ очень извѣстно, что кошелекъ вашего краснорѣчія неистощимо набитъ червонцами, но размѣняйте ихъ на простую монету.

ОСРИКЪ.

Принцъ! вамъ, конечно, извѣстно должно быть....

ГАМЛЕТЪ.

Оставимъ — что мнѣ извѣстно или неизвѣстно — въ чемъ дѣло?

ОСРИКЪ.

Вамъ, конечно, извѣстно должно быть, принцъ, что Лаертъ превосходствуетъ....

ГАМЛЕТЪ.

Да, почему мнѣ знать его превосходство, сдѣлайте милость?

ОСРИКЪ.

Я хотѣлъ только сказать, что онъ превосходствуетъ въ искуствѣ биться на шпагахъ и сабляхъ.

ГАМЛЕТЪ.

Что жь изъ этого?

ОСРИКЪ.

Королю угодно было удариться съ нимъ объ закладъ — шесть превосходныхъ коней со стороны его величества, и шесть чудныхъ, драгоцѣнныхъ кинжаловъ и шесть шпагъ со стороны Лаерта, что изъ двѣнадцати разъ онъ не дастъ вамъ трехъ ударовъ, а онъ бился, что изъ девяти дастъ вамъ три. — Споръ такъ горячо начался, что Король прислалъ меня узнать: угодно ли, и когда вамъ угодно назначить время для испытанія?

ГАМЛЕТЪ (*задумчиво*).

А если я не соглашусь?

ОСРИКЪ.

Закладъ останется такъ.

ГАМЛЕТЪ.

Зачѣмъ ему такъ оставаться. Скажите Королю, что я согласенъ. Пусть принесутъ ра-

ширы, и я постараюсь выиграть Его Величеству шесть шпагъ и шесть кинжаловъ.

ОСРИКЪ.

Такъ прикажете мнѣ сказать?

ГАМЛЕТЪ.

Да, разумѣется — только украсьте смыслъ цвѣтами вашего краснорѣчія.

ОСРИКЪ.

И вамъ угодно, принцъ, приступить къ рѣшенію немедленно?

ГАМЛЕТЪ.

Хоть сію минуту.

ОСРИКЪ.

Король, Королева и весь Дворъ поспѣшатъ на зрѣлище столь увлекательное.

ГАМЛЕТЪ.

Очень радъ.

ОСРИКЪ.

Ея Величество проситъ васъ, прежде всего,

сказать Лаерту нѣсколько примирительныхъ словъ.

ГАМЛЕТЪ.

И это исполню.

ОСРИКЪ.

Препоручаю себя вашему вниманію.

(*уходитъ*).

ГОРАЦІО.

Принцъ! я боюсь — вы проиграете закладъ.

ГАМЛЕТЪ.

Не думаю. Владѣть шпагою могу я порядочно. Но, Гораціо... Ты не можешь себѣ вообразить.... Мнѣ такъ грустно, такъ грустно.... Да, оставимъ это!

ГОРАЦІО.

Для чего же, принцъ?

ГАМЛЕТЪ.

Это вздоръ. Только женщину могутъ пугать предчувствія.

ГОРАЦІО.

Если душа ваша что нибудь вамъ подсказы-

ваетъ, не презирайте этимъ увѣдомленіемъ души. Я пойду извѣстить, что вы теперь не расположены.

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! это глупость. Презримъ всякія предчувствія. Безъ воли Провидѣнія и воробей не погибнетъ. Чему быть сегодня, того не будетъ потомъ. Чему быть потомъ, того не будетъ сегодня — не теперь тому быть, такъ послѣ. Быть всегда готову — вотъ все! Если никто не знаетъ того, что съ нимъ будетъ — оставимъ всему быть такъ, какъ ему быть назначено.

(*онъ задумывается*).

КОРОЛЬ, КОРОЛЕВА, ЛАЕРТЪ, ОСРИКЪ, *придворные, придворныя, стража.*

Торжественный маршъ.

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! дай руку — я ее Лаерту передамъ.

(*Онъ складываетъ руки Лаерта и Гамлета*).

*

ГАМЛЕТЪ.

Лаертъ! рука моя и просьба о прощеньи.
Не я, безуміе мое причиной было,
Что оскорбилъ Гамлетъ Лаерта. Все равно.
Какъ бы нечаянно стрѣлой сразилъ я друга,
Такъ оскорбилъ и я тебя....

ЛАЕРТЪ.

Довольно, принцъ.
Пусть насъ разсудятъ, пусть рѣшатъ обиду.
Но я готовъ забыть ее, и здѣсь
Встрѣчаю я привѣтомъ дружбы и почтенья
Готовность вашу прекратить вражду.

ГАМЛЕТЪ.

Довольно. Дайте намъ рапиры — я готовъ.

ЛАЕРТЪ.

И я!

ГАМЛЕТЪ.

Я чучелой тебѣ согласенъ быть.
Моя неловкость, при твоемъ искуствѣ,
Побѣду вѣрную тебѣ дастъ.

ЛАЕРТЪ.

Вы насмѣхаетесь!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!

КОРОЛЬ.

Дайте имъ рапиры.
Закладъ тебѣ извѣстенъ ли, Гамлетъ?

ГАМЛЕТЪ.

Да, да!
Вы проиграете — и это мнѣ извѣстно.
(Они выбираютъ рапиры).

КОРОЛЬ.

Гамлетъ! я приказалъ, чтобы твою побѣду
Громъ пушекъ возвѣщалъ, и каждый разъ
Я буду пить твое здоровье. Кубки здѣсь
Поставьте. Въ каждый кубокъ я бросаю
Жемчужины, какихъ дороже нѣтъ у насъ
Въ сокровищницѣ королевской. Начинайте!
(Кубки ставятъ на столъ. Въ одинъ изъ нихъ Король сыплетъ ядъ).

ГАМЛЕТЪ.

Готово ли?

(Беретъ одну рапиру и обращается къ Королю. Лаертъ подмѣниваетъ другую рапиру).

КОРОЛЬ.

Внимательнѣе наблюдайте за ударомъ,
И доносите мнѣ немедленно. Надежда
Насъ не обманетъ на успѣхъ!

(Гамлетъ и Лаертъ бьются).

ГАМЛЕТЪ (*останавливаясь*).

Ударъ!

ЛАЕРТЪ.

Нѣтъ!

ГАМЛЕТЪ.

Судьи! говорите!

ОСРИКЪ И ДРУГІЕ.

Да, ударъ, ударъ безспорно!

ЛАЕРТЪ.

Пусть такъ будетъ — продолжимъ!

КОРОЛЬ.

Остановитесь!

Я пью Гамлетово здоровье!

(трубы и пушечные выстрѣлы).

Гамлетъ! Бери свой кубокъ!

(Онъ подаетъ ему кубокъ).

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ! прежде кончимъ дѣло!

(Сражаются. Король ставитъ кубокъ на столъ).

Вотъ ударъ еще!

ЛАЕРТЪ.

Да, признаюсь!

КОРОЛЬ.

Побѣда, мой Гамлетъ!

КОРОЛЕВА.

Твое здоровье,

Мой сынъ, я пью!

(беретъ кубокъ).

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, нѣтъ! не пей, Гертруда!....

КОРОЛЕВА.

Здоровье сына моего!

(пьет).

КОРОЛЬ (въ сторону).

Она погибла! Въ кубкѣ ядъ!

КОРОЛЕВА.

Раздѣлимъ кубокъ, мой Гамлетъ!

ГАМЛЕТЪ.

Благодарю!
Сперва окончимъ споръ.

ЛАЕРТЪ.

Ударъ Гамлету!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ!

(бьются сильнѣе).

Мнѣ кажется, ты шутишь,
Лаертъ — играешь, а не бьешся!

ЛАЕРТЪ.

Я шучу?
Увидимъ!

(онъ ранитъ Гамлета).

ГОРАЦІО.

Что это? Принцъ раненъ!

(Гамлетъ выбиваетъ рапиру у Лаерта и бросаетъ свою. Лаертъ, въ бѣшенствѣ, схватываетъ его рапиру. Гамлетъ беретъ Лаертову. Бьются).

КОРОЛЬ.

Стойте!
Довольно — разнимите ихъ!

(Королева лишается чувствъ).

ОСРИКЪ.

Что съ Королевой?

КОРОЛЬ.

Она, конечно, испугалась!

ЛАЕРТЪ.

Что это? Я раненъ —
Гамлетъ моей рапирой бился — я погибъ!

(Смятеніе. Лаертъ едва держится на ногахъ).

ГАМЛЕТЪ.

Мать моя! ты испугалась за меня!

КОРОЛЕВА.

Нѣтъ! ядъ,
Ядъ въ кубкѣ былъ — ядъ — о мой милый
сынъ!
(*умираетъ.*)

ГАМЛЕТЪ.

Злодѣйство! Запирайте двери! Никого не вы-
пускать,
Искать злодѣя!

ЛАЕРТЪ (*падаетъ*).

Онъ передъ тобою,
Гамлетъ! Ты раненъ на смерть —
Ядъ въ твоей крови — я умираю за измѣну —
Рапира — была — отравлена — въ твоихъ рукахъ
Орудіе погибели обоихъ —
Тебя и Королеву погубилъ —
Король — Король....

ГАМЛЕТЪ.

Ядъ! на работу!
(*колетъ Короля*).

КОРОЛЬ.

Помогите!

ОСРИКЪ И ДРУГІЕ.

Измѣна!

ГАМЛЕТЪ.

Что — скажи: каковъ мой кубокъ,
Убійца, отравитель? Пей мою погибель!
(Король падаетъ и умираетъ).

ЛАЕРТЪ.

Онъ заслужилъ погибель — онъ насъ погу-
билъ!
Прости, Гамлетъ, мнѣ смерть твою, прости,
Какъ я тебѣ прощаю смерть отца!
(умираетъ).

ГАМЛЕТЪ.

Усни спокойно! — Смерть! Такъ, вотъ она,
Гораціо?... А вы, свидѣтели злодѣйства,
Вы, блѣдные, трепещущіе люди!
Когда бы смерть языкъ мой не вязала,
Я вамъ сказалъ бы.... Смерть неумолима!
Гораціо! ты оправдаешь предъ людьми меня...

ГОРАЦІО.

Нѣтъ! въ кубкѣ есть остатокъ, и — онъ мой!

ГАМЛЕТЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, Гораціо, ты долженъ жить,
Ты долженъ оправдать Гамлета имя!
Ты имъ разскажешь страшныя дѣла;
Гамлета имя ты спасешь отъ поношенья....
(слышенъ маршъ).
А! это возвращенье Фортинбраса —
Судьба ему передастъ вѣнецъ —
Гораціо! ты все ему разскажешь....
(умираетъ).

ГОРАЦІО.

И разорвалось доблестное сердце!
Примите, ангелы, въ блаженство ваше
Его, достойнаго блаженной жизни!

ФОРТИНБРАСЪ (*входитъ*).

Какое зрѣлище! Какой кровавый пиръ!
Смерть торжествуетъ страшную побѣду....

ГОРАЦІО.

Привѣтъ мой принцу! Я отчетъ отдамъ тебѣ

Въ дѣлахъ неслыханныхъ, кровавыхъ, страш-
ныхъ,
Въ погибели виновныхъ и невинныхъ,
Судьбы рѣшеніяхъ, для насъ непостижимыхъ,
И голосъ я передаю тебѣ Гамлета,
Которымъ онъ тебѣ вѣнецъ свой отдаетъ.

ФОРТИНБРАСЪ.

Прискорбный даръ умершаго пріемлю.
Слезами память мы почтимъ Гамлета,
И почесть воздадимъ умершимъ погребеньемъ.
(Слышна унылая музыка).

Занавѣсъ опускается.

УГОЛИНО.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ.

* *
* *
* *

Когда, съ погибшею для радостей душой,
На міръ и на людей я мрачно озирался,
Когда, томимый жизнью, я скитался —
Всѣмъ чуждый странникъ — милый ангелъ мой,
Ты мнѣ предстала, ты, мечта моя святая!
Ты свѣтлою звѣздой явилась мнѣ, и вновь
Ты возвратила мнѣ надежду и любовь,
И все, что на землѣ блаженство рая
Намъ, бѣднымъ смертнымъ, отдастъ —
Ты все мнѣ отдала: поэзіи мечтанья,
И сердца трепетъ, и на счастье упованья
И въ небо смѣлый нашъ полетъ....
Но сердца смерть не ждетъ могилы.
Гдѣ ты, мгновеніе моихъ прекрасныхъ дней?
Кто разлучилъ насъ? Гдѣ, въ толпѣ людей,
Искать тебя, мой ангелъ милый?
О, еслибъ, хоть на мигъ, былое возвратить....
Отдайте мнѣ мои мечтанья,
На мигъ, на мигъ одинъ, за цѣлый вѣкъ страданья....
Ко мнѣ, мой милый другъ.... Нѣтъ! счастію не быть

Здѣсь на землѣ — въ обители изгнанья
Мнѣ тяжко жизнь мою осталось доволчить,
Среди степей огнемъ безумія палящихъ,
Въ пустынѣ дикой бытія....
И передъ образомъ Мадонны Всѣхъ Скорбящихъ
Безмолвно я молюсь и тяжко плачу я....

Спб. 1838 года.

Исторіею Рима не кончилась великая исторія Италіи. Странѣ, гдѣ Древній Міръ явилъ безсмертный примѣръ силы, Среднимъ Вѣкамъ суждено было создать общественный бытъ, изъ котораго образовались потомъ политическій бытъ, составъ и форма новѣйшихъ временъ, новѣйшее искуство, новая торговля, новая вѣра обширнаго Запада, жизнь всей новой Европы. Тяжко купила Италія то, что передала Европѣ. Она тонула въ крови; ее терзали всѣ страсти человѣческія въ самомъ бѣшеномъ разгарѣ — она умерла на гробницѣ Среднихъ Вѣковъ....

Когда, послѣ паденія Рима, варвары основали царства на пепелищахъ Древняго Міра, въ Италіи поставили они свои шатры и утвердили свою власть, какъ утвердили ее въ Галліи, Иберіи, Британіи, образовавъ въ то же время новыя общества въ своихъ родимыхъ лѣсахъ Германіи и Скандинавіи. Римъ и Императоры его исчезли подъ губительнымъ мечемъ ди-

*

кихъ пришлецовъ. Италія раздѣлилась па множество новыхъ областей. Древней Столицѣ Міра суждено было снова сдѣлаться мѣстомъ всемірной власти. Она стала областью Папы, первосвященника Западной Церкви. Послѣ многихъ измѣненій, въ сѣверной Италіи основалось сильное варварское царство Ломбардовъ. Два столѣтія державствовало оно въ Италіи. Папа призвалъ наконецъ на него силу Франковъ. Сокрушитель царства Ломбардскаго, повелитель Франковъ, Карломанъ, получилъ титулъ и вѣнецъ *Римскаго Императора*, признавая Папу духовнымъ повелителемъ надъ собою и надъ всѣми подвластными ему владѣтелями новыхъ народовъ Европейскихъ. Такъ утвердились въ Европѣ двѣ новыя власти, Папская и Императорская. Ихъ борьба была средствомъ развитія новой Европейской общественности.

Италія оставалась съ тѣхъ поръ подвластною новому Римскому Императору. Но она образовала между тѣмъ удѣлы Феодализма, система котораго распространилась въ Италіи, такъ же, какъ и въ остальной Европѣ, послѣ

нашествія варваровъ. Завоеванныя ими земли были раздѣлены сподвижникамъ главныхъ вождей, и подъ именами Герцоговъ, Графовъ, Бароновъ, Маркизовъ, Виконтовъ, они владѣли ими, повинуясь, на извѣстныхъ условіяхъ, своему главному повелителю, именовавшемуся *Королемъ* (Konung, König, King, Rex, Roi), и были притомъ самовластны, предоставивъ также самовластіе и духовнымъ властителямъ, Архіепископамъ, Епископамъ, Аббатамъ, почитавшимъ главою своею Папу. Почти всѣ главные Итальянскіе города считались собственно внѣ прямой власти Феодаловъ, но они были однакожь подъ непосредственною защитою и зависимостью разныхъ Феодальныхъ властителей. Въ нихъ оставались древнія куріи и муниципіи, судьи и законы, самобытно, какъ было установлено со временъ древней Римской республики и сохранялось во все время Римской имперіи. Съ IX-го вѣка Итальянскіе горожане испросили себѣ позволеніе, для большей безопасности и лучшей защиты, ограждать себя стѣнами и содержать свою постоянную стражу, что положило начало ихъ величію и откры-

той борьбѣ съ гордыми феодальными владѣльцами. Вскорѣ Миланъ, Венеція, Генуя, Флоренція, Падуя, Верона, Болонья, Лукка и множество другихъ городовъ составили свои вольныя *общины*, заключили союзы между собою, и рядомъ съ властью Императорскою, Папскою и феодальныхъ владѣльцовъ, образовалась новая власть, Городскихъ Республикъ, или Общинъ. Взаимная вражда всѣхъ сихъ общественныхъ стихій, особенно начиная съ XI-го вѣка, когда открытая брань закипѣла между Папами и Императорами за духовныя инвеституры, или право власти надъ церковными владѣніями, была продолжительна, кровава, разнообразна и поучительна для историка. Здѣсь начало новой Европейской Исторіи.

Городскія общины образовали устройствомъ своимъ республики. Каждый городъ, съ округомъ его, управлялся избираемыми изъ жителей судьями, подъ именемъ *подестовъ*, *капитановъ*, и проч., содержалъ свое войско, имѣлъ свой сенатъ, свои законы и уставы. Жители собирались на вѣчи, или совѣты, по звону вѣчеваго колокола. Крѣпко стоя за свою неза-

висимость, они побѣждали и покоряли разъединенныхъ феодаловъ, обогащались торговлею и промышленностью, украшали города свои великолѣпными зданіями, покрывали моря сильными флотами, совершали отдаленныя завоеванія.

Но гибель сокрывалась въ основаніи ихъ величія. Республиканское правленіе не давало системы и единства ихъ дѣйствіямъ, а союзы разрушались различіемъ выгодъ. Богачи составляли въ городахъ высшее званіе гражданъ и захватывали власть въ пользу свою, хотя и считались равными всѣмъ другимъ горожанамъ. Общины принуждены были притомъ передавать предводительство надъ войсками храбрымъ феодаламъ, которые переселялись въ города, строили себѣ въ нихъ крѣпкіе дворцы и замки, собирали вокругъ себя многочисленныя дружины, заключали свои союзы и составили наконецъ новое званіе городскихъ аристократовъ. Бунты, война, раздоры происходили отъ того безпрерывные. Богатство раждало роскошь и развратъ; ими умѣли пользоваться главныя власти, Папская и Императорская, и отъ нихъ-

то явились наконецъ гибельные союзы Итальянскихъ *Гельфовъ* и *Гибеллиновъ*. Такъ назывались приверженцы Папы и Императора. Сіи названія первоначально явились въ Нѣмецкой землѣ, съ XII-го вѣка. Именемъ Гельфовъ первые означили себя Герцоги Саксонскій и Баварскій, защитники Папы, когда Императоры Франконской династіи приняли названіе Гибеллиновъ. Страшная вражда сихъ двухъ партій, гдѣ перемѣшались всѣ феодалы и всѣ общины, кончилась только въ началѣ XVI-го столѣтія — гибелью независимости Италіи, паденіемъ республикъ, истребленіемъ феодаловъ, утратою равно Папскаго и Императорскаго владычества, образованіемъ мѣлкихъ самовластныхъ владѣній въ Италіи, завоеваніями Испанцовъ, Французовъ и Германцовъ, раздѣлившихъ между собою Италію. Послѣдняя тѣнь городскихъ общинъ Итальянскихъ сохранялась въ аристократическомъ правленіи Венеціи и Генуи даже до нашихъ временъ. Нѣсколько небольшихъ, самобытныхъ Итальянскихъ государствъ уцѣлѣло даже до нынѣ.... Имя Папы осталось....

Итальянскій городъ Пиза находится въ ро-

скошпой долинѣ, Valdarno di Pisa, окруженной со всѣхъ сторонъ горами, кромѣ лѣсистой и открытой приморской стороны. Долину сію орошаетъ рѣка Арно. Пиза расположена въ пяти миляхъ отъ впаденія Арно въ море и раздѣляется сею рѣкою на двѣ части. По извѣстіямъ Страбона, Греки, послѣ осады Трои, занесены были сюда бурями, и здѣсь, на берегахъ Тирренскаго моря, основали городъ, именовавшійся во времена Римлянъ Pisae и Colonia Julia. Издревле сей городъ былъ великъ, славенъ, могучъ и находился въ союзѣ 12-ти древнихъ городовъ Этруріи. Готѳы и Ломбарды долго владѣли имъ потомъ, но съ началомъ власти Карломана Пизанцы получили новыя права Императорскаго города, воздвигли грозныя стѣны, усилились населеніемъ, и первые показали примѣръ владычества на моряхъ, обширной торговли и гордой республиканской общины. Они владѣли частью Сардиніи, Палермою въ Сициліи, Боною въ Африкѣ и Балеарскими островами. Жителей считалось въ Пизѣ болѣе 150-ти тысячь, и 120 галеръ Пизанскихъ было въ первомъ Крестовомъ походѣ. Въ Царь-

градѣ, Антіохіи, Триполѣ, Лаодикіи, Тирѣ основали Пизанцы свои колоніи, владѣя кромѣ того третью Птолемаиды и половиною Іоппіи. Городъ украшался великолѣпными зданіями и былъ недоступенъ непріятелю. Двѣнадцатый вѣкъ являлся вѣкомъ славы и могущества Пизанцовъ.

Но быстро клонилось послѣ сего величіе Пизанцовъ къ тяжкому паденію. Причины. подрывшія благоденствіе другихъ Италіянскихъ республикъ, погубили и сію знаменитую общину.

Не смотря на покровительство Императора и постоянную приверженность Пизанцовъ къ союзу Гибеллиновъ, Гельфы явились въ Пизѣ. Сильные феодалы обѣихъ партій внѣдрились въ городъ и кровавыя междоусобія были слѣдствіемъ ихъ честолюбія и ненависти. Обстоятельства заставляли притомъ иногда Пизанцовъ измѣнять Императору, и отъ того равно навлекали они на себя тяжкій гнѣвъ Папы и Императора. Роскошь, корысть, развратъ ослабляли между тѣмъ силы и духъ народа. Пизанцы думали откупаться золотомъ, и возбуждали

только сильнѣйшую жадность враговъ. Сосѣди ненавидѣли гордую республику, безпрерывно воевали съ нею, а усилившееся могущество Флоренціи и Генуи нанесло рѣшительный ударъ Пизѣ, когда знатные феодалы Пизанскіе овладѣли наконецъ внутреннею властью. Въ 1241 году, не боясь проклятій Папы, Пизанскій адмиралъ Сисмонди разбилъ Генуэскій флотъ близъ острова Мелоріи, захватилъ прелатовъ, ѣхавшихъ въ Римъ на соборъ и принудилъ Папу и Генуэсцовъ смириться. Но не такъ было черезъ 40 лѣтъ потомъ.

Изъ всѣхъ Пизанскихъ феодаловъ славился болѣе другихъ родъ графовъ *Герардески* (Gherardeschi di Pisa), начальникъ Гибеллиновъ, и съ нимъ равнялся только родъ Висконти *Галлура* (di Gallura de' Visconti), начальникъ Гельфовъ. Герардески всегда были вѣрны Императору. Двое изъ нихъ сопровождали въ Сицилію юнаго Конрадина, послѣднюю отрасль Швабской династіи, и погибли съ нимъ на эшафотѣ. Послѣ нихъ остался главою Гибеллиновъ графъ Уголино Герардески, честолюбецъ свирѣпый, жадный, хитрый и смѣлый.

Онъ хотѣлъ самовластія, не думалъ о средствахъ, успѣлъ обмануть всѣхъ, выдалъ сестру свою за главнаго въ родѣ Висконти, Іоанна Галлура, не оставляя Гибеллиновъ, увлекъ за собою Гельфовъ, хитрилъ съ Папою и Императоромъ, завелъ преступныя связи съ Флоренціею и сосѣдними республиками, и воспользовался войною съ Генуею для довершенія своихъ обширныхъ предпріятій. Война началась за Сардинію, и въ 1284 году гибельно рѣшилась для Пизанцовъ. Подеста Морозини выступилъ со 103-мя галерами, встрѣтилъ 107 галеръ Генуэскихъ, подъ начальствомъ Оберто Доріа, близъ Мелоріи, и въ жестокой битвѣ утратилъ побѣду; 35 галеръ, 5,000 человѣкъ убитыми, 11,000 взятыми въ плѣнъ составляли потерю Пизанцовъ, и въ основаніи поколебали ихъ могущество, разстроенное внутри, испытавшее уже и прежде сей пагубной битвы удары жестокіе.

Уголино начальствовалъ частью Пизанскаго флота въ битвѣ Мелорійской, и явною измѣною споспѣшествовалъ успѣху Генуэсцовъ. Онъ постыдно бѣжалъ съ своимъ отрядомъ, не ду-

мая подкрѣплять храбрости товарищей. И не только не смѣли Пизанцы укорять или судить Уголино, но видѣли еще въ немъ свое единственное спасеніе. Не было флота, не было войска. Цвѣтъ юношества и знати погибъ въ битвѣ, или былъ въ жестокомъ плѣну. Казна истощилась. Народъ трепеталъ и буйствовалъ. Сосѣды Пизанцовъ грозно и дружно принялись за оружіе. Уголину вручили неограниченную власть подеста и генералъ-капитана. Онъ успѣлъ поладить со всѣми непріятелями, но нарочно поддерживалъ вражду съ Генуею, для того, чтобы знатные Пизанцы не могли возвратиться изъ плѣна, пока онъ не успѣетъ уничтожить остальныхъ враговъ своихъ и не захватитъ власти вполнѣ. Главнымъ противникомъ его въ Пизѣ оставался Нино Галлура, сынъ Іоанна (умершаго въ 1276 г.), пылкій, смѣлый, храбрый юноша, начальникъ Гельфовъ по кончинѣ отца и врагъ Гибеллиновъ, слѣдственно, и Уголино, хотя и родной племянникъ его по матери. Уголино успѣлъ оклеветать и изгнать Нино изъ города въ 1287 году. Онъ думалъ уже торжествовать.

Но Уголино не замѣчалъ главнаго врага своего, скрытнаго и жестокаго — то былъ Руджіеро Убальдини (messer Ruggier delli Ubaldini), архіепископъ Пизанскій съ 1276 года, знатный родомъ, лукавый, коварный, безчеловѣчный честолюбецъ. Онъ обольстилъ Уголино покорностью, отрекся отъ раздѣла съ нимъ власти, хитро возбуждалъ бѣшеныя страсти Уголина, разссорилъ его равно съ Гельфами и Гибеллинами и довелъ до погибели. Уголино считалъ уже себя властителемъ Пизанцовъ, не внималъ ни чьимъ совѣтамъ, въ ярости убилъ своею рукою племянника Руджіерова, дерзнувшаго ему противорѣчить, и не замѣтилъ, какъ 1-го Іюля 1288 года Нино тайно возвратился въ Пизу. Гельфы и Гибеллины равно вооружились и осадили крѣпкій дворецъ Уголина, подъ предводительствомъ архіепископа. Среди отчаянной битвы, дворецъ былъ зажженъ, и Уголино, съ двумя дѣтьми, Гаддо и Гуго, и съ двумя внуками, Нино и Анзельмо, захваченъ въ плѣнъ. Руджіеро и Галлура осудили всѣхъ ихъ на терзательную смерть — заперли въ башню, стоявшую на распутьи, гдѣ сходились

семь дорогъ. Руджіеро бросилъ потомъ ключи отъ башни въ рѣку Арно, и несчастный Уголино погибъ въ мукахъ голода, видя терзанія умиравшихъ передъ нимъ дѣтей и внучатъ. Еще двѣсти лѣтъ послѣ того продолжалась въ безпрерывныхъ междоусобіяхъ самобытность Пизанской республики. Чего не совершилъ Уголино, то черезъ сто лѣтъ исполнилъ Іоаннъ Аппіано. Сынъ его продалъ Миланскому Герцогу власть надъ отчизною, а Герцогъ перепродалъ и передалъ ее Флоренціи.

Страшная смерть Уголина заставила забыть въ немъ преступнаго честолюбца. Съ памятью объ Уголино соединилось у потомства одно: отецъ, въ глазахъ котораго терзаніями голодной смерти гибнутъ дѣти! Сіе событіе, исполненное ужаса, вдохновляло уже многихъ поэтовъ и художниковъ. До сихъ поръ въ Пизѣ показываютъ путешественникамъ la Torre della Fame (Башню Голода), гдѣ погибъ Уголино. Славный живописецъ Рейнольдсъ изобразилъ смерть Уголино въ превосходной картинѣ. Но участь Уголино предана была безсмертію стихами Данте-Алигіери. Великій поэтъ описалъ ее

въ своемъ *Адѣ*, отдѣленіи поэмы la Divina Commedia, *Божественная Комедія* (Inferno, пѣснь XXXII, стих. 125 — 139, пѣснь XXXIII, стих. 1 — 90). Сей эпизодъ Дантевой поэмы почитается совершенствомъ поэзіи въ Италъянской словесности. Прилагаемъ его здѣсь въ подлинникѣ, а для незнающихъ Итальянскаго языка Русскій переводъ въ прозѣ, который, разумѣется, передаетъ только смыслъ подлинника, но лишенъ всякой возможности передать даже и тѣнь неподражаемой поэзіи безсмертнаго Данте.

Noi eravam partiti già da ello,
Ch'io vidi due ghiacciati in una buca,
Si che l'un capo all'altro era cappello:
E come 'l pan per fame si manduca,
Così il sovran li denti all'altro pose
Là've il cervel s'aggiunge con la nuca.
Non altrimenti Tideo si rose
Le tempie a Menalippo per disdegno,
Che quei facca il teschio el' altre cose.
O tu che mostri per sì bestial segno
Odio sovra colui che tu ti mangi,
Dimmi il perchè, diss' io; per tal convegno,

Che se tu a ragion di lui ti piangi,
Sappiendo chi voi siete, e la sua pecca,
Nel mondo suso ancor io te ne cangi;
Se quella con ch'io parlo, non si secca.
La bocca sollevò dal fiero pasto
Quel peccator, forbendola a' capelli
Del capo ch' egli avea diretro guasto:
Poi cominciò: tu vuoi ch' io rinnovelli
Disperato dolor che il cuor mi preme,
Già pur pensando pria ch'io ne favelli,
Ma se le mie parole esser den seme
Che frutti infamia al traditor ch'io rodo,
Parlare e lagrimar vedrai insieme.
Io non so chi tu se', nè per che modo
Venuto se' quaggiù; ma Fiorentino
Mi sembri veramente, quand' io t'odo.
Tu dei saper, ch'io fui 'l conte Ugolino,
E questi l'arcivescovo Ruggieri:
Or ti dirò perch' i' son tal vicino.
Che per l'effetto de' suo' ma' pensieri,
Fidandomi di lui, io fossi preso
E poscia morto, dir non è mestieri.
Però quel che non puoi avere inteso,
Cioè come la morte mia fu cruda,

Udirai, e saprai se m' ha offeso.

Brieve pertugio dentro dalla muda
La qual per me ha il titol della fame,
E'n che conviene ancor ch' altri si chiuda,

M'avea mostrato per lo suo forame
Più lume già, quand' io feci 'l mal sonno
Che del futuro mi squarciò il velame.

Questi pareva a me maestro e donno,
Cacciando il lupo e i lupicini al monte
Perchè i Pisan veder Lucca non ponno.

Con cagne magre, studiose e conte,
Gualandi con Sismondi e con Lanfranchi
S'avea messi dinanzi dalla fronte.

In picciol corso mi pareano stanchi
Lo padre e i figli, e con l'agute scane
Mi parea lor veder fender li fianchi.

Quand' io fui desto innanzi la dimane,
Pianger senti' fra 'l sonno i miei figliuoli,
Ch' erano meco, e dimandar del pane.

Ben se' crudel, se tu già non ti duoli
Pensando ciò ch' al mio cuor s'annunziava:
E se non piangi, di che pianger suoli?

Già erân desti, e l'ora s'appressava
Che'l cibo ne soleva essere addotto,

E per suo sogno ciascun dubitava.
Ed io senti' chiavar l' uscio di sotto
All' orribile torre; ond' io guardai
Nel viso a' miei figliuoi senza far motto.
Io non piangeva, sì dentro impietrai:
Piangevan elli; ed Anselmuccio mio
Disse: Tu guardi sì, padre: che hai?
Però non lagrimai, nè rispos' io
Tutto quel giorno nè la notte appresso,
Infin che l' altro sol nel mondo uscio.

Come un poco di raggio si fu messo
Nel doloroso carcere, ed io scorsi
Per quattro visi il mio aspetto stesso;

Ambo le mani per dolor mi morsi:
E quei pensando, ch' io 'l fessi per voglia
Di manicar, di subito levorsi,

E disser: padre, assai ci fia men doglia
Se tu mangi di noi: tu ne vestisti
Queste misere carni, e tu le spoglia,

Quetámi allor per non farli più tristi:
Quel dì e l' altro stemmo tutti muti:
Ahi dura terra, perchè non t' apristi?

Poscia che fummo al quarto dì venuti,

Gaddo mi si gittò disteso a' piedi,
Dicendo: padre mio, che non m' ajuti?
    Quivi morì; e come tu mi vedi,
Vid' io cascar li tre ad uno ad uno;
Tra'l quinto dì e 'l sesto: ond'io mi diedi
    Gia cieco a brancolar sopra ciascuno,
E due dì li chiamai, poi che fur morti:
Poscia più che 'l dolor potè 'l digiuno.
    Quand' ebbe detto ciò, con gli occhi torti
Riprese 'l teschio misero co 'denti
Che furo all' osso come d' un can forti.
    Ahi Pisa, vituperio delle genti
Del bel paese là dove 'l sì suona;
Poi che i vicini a te punir son lenti,
    Muovansi la Capraja e la Gorgona
E faccian siepe ad Arno in su la foce,
Sì ch' egli anneghi in te ogni persona.
    Che se il conte Ugolino aveva voce
D' aver tradita te delle castella,
Non dovei tu i figliuoi porre a tal croce.
    Innocenti facea l'età novella,
Novella Tebe, Uguccione e 'l Brigata
E gli altri due che'l canto suso appella....

....Мы удалились отъ сей тѣни, и я увидѣлъ въ льдяной разсѣлинѣ двухъ заледенѣвшихъ грѣшниковъ; голова одного была, какъ будто покрышкою другаго, и какъ голодный ѣстъ хлѣбъ, такъ бывшій сверху впился зубами въ ту часть черепа другаго, которою голова соединяется съ затылкомъ. Такъ Тидей грызъ нѣкогда голову Меналиппа, такъ и сей грѣшникъ грызъ черепъ другаго грѣшника. «О ты, звѣрствомъ своимъ являющій свою ненависть, ты, пожирающій своего врага, объяви мнѣ,» сказалъ я, «за что такая злоба? Если ты имѣешь причину жаловаться, то зная, кто вы оба и въ чемъ состоитъ его преступленіе, я буду твоимъ защитникомъ въ мірѣ живущихъ, если только не отсохнетъ языкъ мой!» Отнявъ уста отъ ужаснаго ѣства, и отеревши ихъ волосами головы, которую пожиралъ, грѣшникъ началъ такъ:

«Ты хочешь, чтобы я обновилъ въ памяти моей отчаянную скорбь, уже гнетущую меня, прежде нежели начну разсказъ. Но если изъ словъ моихъ, какъ изъ сѣмянъ, произрастутъ безславіе и позоръ моего злодѣя, то я буду

плакать, но буду говорить. Не знаю кто ты и какъ пришелъ сюда, но по нарѣчію вижу, что ты долженъ быть Флорентинецъ. Знай же, что я былъ графъ Уголино, а онъ архіепископъ Руджіеро. Теперь скажу тебѣ почему сдѣлался я здѣсь такимъ близкимъ сосѣдомъ его. Не нужно говорить, что я довѣрился ему и злыми умыслами его былъ схваченъ и умерщвленъ. Но ты не могъ узнать ни отъ кого, какъ ужасна была смерть моя. Слушай же и суди, былъ ли я оскорбленъ имъ! Сквозь узкое окно едва проходилъ свѣтъ въ башню, названную послѣ меня Башнею Голода, и сдѣлавшуюся потомъ темницею для другихъ; тамъ заключенный видѣлъ я сонъ зловѣщій, показавшій мнѣ всю мою будущность. Снилось мнѣ, будто сей врагъ мой гналъ волка и волчатъ на гору, за которою скрывается отъ насъ Лукка. Съ поджарыми и обучеными собаками, впереди его шли враги мои, Гваланди, Сисмонди, Ланфранки. И волкъ и дѣти его утомились, и острые зубы псовъ разтерзали ихъ. Настало утро. Пробудился я и слышу, какъ плачутъ и просятъ въ просонкахъ хлѣба дѣти мои. Ты

безчеловѣченъ, если не возскорбишь при одной мысли о томъ, что тогда было у меня на сердцѣ, и если отъ этого ты не плачешь, то отъ чего же заплачешь ты? Мы проснулись. Настало время, когда давали намъ пищу, но сновидѣніе заставляло сомнѣваться дадутъ ли намъ ее. И тутъ услышалъ я, какъ заколачивали дверь башни. Молча глядѣлъ я на дѣтей, и не плакалъ, какъ будто окаменѣлый. Но дѣти мои плакали, и мой Анзельмо сказалъ мнѣ: «что съ тобой дѣлается отецъ? что ты такъ смотришь на насъ?» Я не отвѣчалъ во весь тотъ день, и въ слѣдующую ночь, пока не взошло опять солнце. Когда лучи его прокрались къ намъ, и я въ четырехъ лицахъ увидѣлъ каково должно быть мое лицо, то отъ скорби сталъ я грызть мои руки. Дѣти думали, что я голоденъ, поднялись и сказали: «Намъ не такъ больно будетъ, если ты съѣшь насъ! Ты далъ намъ это тѣло — возми его обратно!» Тогда я успокоился, чтобы ихъ не огорчать. Весь тотъ день, и еще день, мы всѣ молчали. Зачѣмъ не разверзлась ты, твердая земля! Когда наступилъ четвертый день, Гаддо рас-

тянулся у ногъ моихъ, восклицая: «Чтожь не поможешь ты намъ, отецъ?» И онъ умеръ. И вотъ, какъ ты меня теперь видишь, я видѣлъ ихъ умиравшихъ между пятымъ и шестымъ днемъ. Тогда, какъ будто слѣпой, сталъ я осязать ихъ руками и три дня громко звалъ ихъ. Наконецъ голодъ пересилилъ горесть мою и я умеръ.»

Сказалъ, и искосивъ глаза, онъ опять сталъ глодать черепъ зубами своими, крѣпкими, какъ зубы пса.

О Пиза, позоръ сладкогласныхъ обитателей прекрасной страны! Если сосѣди медлятъ истребить тебя, да отторгнутся со дна моря Капраія и Горгона, да запрудятъ устье Арно, возвысятъ воды его и потопятъ всѣхъ твоихъ обитателей! Если преступникъ былъ Уголино, какъ могла ты казнить столь жестоко дѣтей его! Новыя Өивы! развѣ младенчество ихъ не дѣлало ихъ чистыми и непричастными преступленію отца?

УГОЛИНО.

Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ С. Петербургскомъ театрѣ, въ бенефисъ В. А. Каратыгина, 1838 года, Января 17-го, а на Московскомъ, въ бенефисъ П. С. Мочалова, Января 21 дня.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ.

УГОЛИНО, графъ Герардески.

РУДЖІЕРО, графъ Убальдини.

АНЗЕЛЬМО, ГАДДО, АВРЕЛІО, ЛОТТО — дѣти Уголина.

НИНО, графъ Галлури, племянникъ Уголина.

ВЕРОНИКА, племянница Руджіера.

КЛЕМЕНЦІО, воспитатель Нино.

КАЛАБРИТА, кормилица Вероники.

АНДЖЕЛА, дѣвица изъ ея свиты.

ЯННУАРІО, трактирщикъ.

БЕЛЛА, дочь его.

ПІЕТРО, старый пастухъ.

ГОНЗАГО, ЛАНФРАНКИ, СИСМОНДИ, ГВАЛАНДИ, МОРОЗИНИ — молодые дворяне.

ХРАМОВОЙ РЫЦАРЬ (Тампліеръ).

Сенаторы, воины, слуги, свита Вероники, пажи, крестьяне, крестьянки, народъ.

Дѣйствіе въ Италіи, въ городѣ Пизѣ и его окрестностяхъ, въ 1288 году.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

Зала засѣданій Пизанскаго Сената.

УГОЛИНО, РУДЖІЕРО, СЕНАТОРЫ, ВОИНЫ.

СТАРШІЙ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Да будетъ благословеніе небесъ
Союзу вашему, графъ Уголино,
Графъ Руджіеро. Отъ имени Пизанскаго Сената
Мы васъ привѣтствуемъ. Да продолжатся
На вѣки вашъ союзъ и дружба; въ нихъ мы
видимъ
Залогъ на счастіе отчизны....

УГОЛИНО.

Вамъ, синьоры,
Привѣтъ мой. Не умѣю, не учился

Я краспорѣчія извибистымъ рѣчамъ.
Мой мечъ отвѣтчикъ за меня:
На полѣ брани, онъ докажетъ смѣло,
Что Уголино радъ служить отчизнѣ.

РУДЖИЕРО.

Медоточивыя уста — какъ часто
Каплете вы ядомъ лести и раздора!
Но здѣсь, да не коснется обольщенье ихъ
Святому дѣлу. Мы отчизну
Спасать должны. Междоусобіе, война
Терзаютъ славный городъ нашъ. Синьоры!
Я умоляю васъ — въ моихъ поступкахъ
Цѣнить одно усердіе мое.
Не разглашала ли безбожная молва,
И клевета, полна змѣинымъ ядомъ,
Не говорила ли, что будто я стремлюсь
Похитить власть верховную? О Боже,
О Ты, свидѣтель тайныхъ думъ моихъ!
Ты видишь глубину души моей:
Входила ль мысль преступная мнѣ въ умъ!....
Графъ Уголино! злобные враги
Насъ разлучали клеветою; не дерзаю
Названья друга смѣло испросить,

Но время пусть тебѣ покажетъ все почтенье,
Всю дружбу Убальдини....

УГОЛИНО.

Время, графъ, покажетъ.

РУДЖІЕРО.

О, не допускай въ твоей высокой думѣ
Таиться подозрѣньямъ.... Ты увидишь....
Два предложенія, синьоры, мнѣ позвольте
Изречь предъ вами.

ВСѢ.

Говорите, Руджіеро.

РУДЖІЕРО.

Да будутъ отъ сего часа на вѣкъ забыты
Проклятыя названья — Гельфъ и Гибеллинъ,
Два змія, насъ терзавшіе, двѣ язвы,
Страшнѣе язвъ, какія Богъ послалъ
На гордаго въ Египтѣ Фараона!
Молчите вы? Я предлагаю
Предать проклятію, суду и казни
Того, кто слухъ нашъ осквернитъ отнынѣ
Названьемъ: Гельфъ иль Гибеллинъ!

Молчите вы? Иль мало
Еще терзали Итальянскіе края
Вражды двухъ злобныхъ партій?
Первый путь къ спасенью — быть Пизанцомъ,
Отчизны сыномъ, а не Гельфомъ;
Быть другомъ общаго добра, не Гибеллиномъ!

ВСѢ.

Прочь Гельфовъ, Гибеллиновъ!

РУДЖІЕРО.

Не языкомъ лишь только, но дѣлами
Должны мы это доказать,
И первый я — пусть каждый видитъ
Усердно ли желаю я добра — я первый
Предлагаю вамъ, синьоры,
Избрать немедленно начальника, подеста.
Размыслите. Средь гибельныхъ тревогъ,
Намъ крѣпкая рука, глава необходимы.
Мы власть ему диктатора вручимъ,
Да умиритъ онъ бѣдную отчизну,
Да вновь покроются обиліемъ поля,
Вновь корабли воспѣнятъ волны моря,
Селенія возстанутъ изъ развалинъ,

Изъ плѣна братья придутъ въ домы наши
И миръ и тишина намъ счастье возвратятъ!
Согласны ль вы, синьоры?

ВСѢ.

Мы согласны.

СТАРШІЙ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

И избирать должны мы во главу
Такого мужа, кто бы опытностью зрѣлой
Намъ могъ подать премудрые совѣты,
Лѣтами, саномъ былъ почтенъ
И родомъ знаменитымъ возвеличенъ —
Судьею мира могъ межь нами быть.

ГУДЖІЕРО.

Я не согласенъ съ мнѣніемъ такимъ.
Нѣтъ, нѣтъ, синьоры! Знаменитый родъ,
И санъ и мудрость — доблести примѣты —
Намъ недостаточны!
Когда мечи гремятъ,
Когда пожарами пылаютъ грады
И врагъ рыкаетъ вкругъ Пизанскихъ стѣнъ —
Намъ нуженъ мужъ-воитель, бранеи мужъ.

Герой, прославленный средь битвъ.
Пусть онъ щитомъ отечество прикроетъ,
Мечемъ мечъ вражій отразитъ!
Синьоры! предлагаю графа Уголино. —
Вы изумляетесь? Я предлагаю
Диктаторскую власть ему вручить
И первый подаю ему мой голосъ.

СТАРШІЙ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Великодушія, къ отечеству любви
Примѣръ неслыханный!.... Какъ — Уголино?

РУДЖІЕРО.

Взгляните на мои сѣдые волоса —
Ихъ лѣта убѣлили, опытъ, тяжкій опытъ.
Было время то, когда кипѣли страсти
Въ моей груди и сильно волновалась кровь.
Теперь, когда стою на прагѣ гроба,
Когда, быть можетъ, завтра день настанетъ
Мнѣ дать отчетъ передъ престоломъ Бога —
Одно лишь чувство общаго добра
Доступно мнѣ.... я предлагаю графа Уголино!

СТАРШІЙ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Мы уважаемъ дарованія, заслуги

И подвиги, но.... партіи, крамолы
Непримиримыя, согласны ль будутъ?
Имя Уголино
Возбудитъ злобу, зависть.... Мы страшимся.

РУДЖІЕРО.

Укажите жь болѣе достойнаго!

УГОЛИНО.

Графъ Руджіеро!...

РУДЖІЕРО.

Здѣсь говоритъ не Руджіеро — старецъ,
Растерзанный отчизны бѣдствіемъ. Когда я руку
На миръ однажды подалъ — все забыто мною,
Все, Уголино, и — клянитесь Богомъ,
Что мысля только объ отечествѣ своемъ,
Вы также все забудете; что Гельфъ и Гибеллинъ
Для васъ пребудутъ равны; что ни самой жизни
Вы не пощадите.... Поклянитесь, дайте слово
намъ!

УГОЛИНО.

Пусть прежнимъ цѣнится грядущее.... Пусть
изрекутъ
Отцы отечества согласіе и волю....

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Мы избираемъ, мы васъ просимъ, Уголино.
Но пусть соединятся мужество и мудрость:
Вы раздѣлите власть, графъ Руджіеро.

РУДЖІЕРО.

Нѣтъ! не бываетъ двухъ головъ у человѣка.
Единство только власти насъ спасетъ....
О Боже! ниспошли сердецъ соединенье!
Даруй, да съединится здѣсь въ желаніе добра
Различіе страстей, корыстей и желаній!

ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Я избираю графа Уголино!

ВСѢ.

И я! И я! Мы всѣ!

РУДЖІЕРО.

Теперь-то вижу въ васъ отечества отцовъ,
Синьоры, привѣтствую, благодарю васъ!
И тебѣ привѣтъ мой, нашъ подеста,
Начальникъ града, вождь Пизанскихъ силъ!
Разсѣй и сокруши враждебныхъ силы

И счастье возврати отеческой странѣ.
Благослови тебя Господь — гряди во имя Бога!

СТАРШІЙ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

Привѣтъ Сената графу Уголино!

УГОЛИНО.

Смущенный честью столь внезапной,
Не знаю — должно ль мнѣ благодарить,
Иль поспѣшить на дѣлѣ оправдать избранье...

(*Руджіеру*)

Руку вашу, дайте руку мнѣ, почтенный графъ!

РУДЖІЕРО.

Вотъ вамъ рука и съ нею сердце старика!

(*Сенаторамъ*)

Велите благовѣстить въ колоколъ большой.
Пусть въ храмъ стекаются соборный,
Тамъ совершить законную присягу.
Мы поспѣшимъ потомъ на совѣщанье,
Что предпринять средь тяжкихъ нашихъ бѣдъ...
Но прежде слабый голосъ мой подастъ при-
мѣръ:
Да здравствуетъ графъ Уголино Герардески!

*

ВСѢ.

Да здравствуетъ графъ Уголино Герардески!

РУДЖІЕРО.

И первая моя къ подесту просьба —
Послѣ присяги и совѣта посѣтить мой домъ.
Хочу торжествовать счастливый день —
Ихъ, можетъ быть, немного мнѣ осталось!
Графъ Уголино! я прошу васъ посѣтить мой
замокъ.
Пусть пиръ торжественный всѣмъ возвѣститъ,
Какъ дорого цѣню я дружбу Уголина!
(*Руджіеро и сенаторы уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

УГОЛИНО И ОДИНЪ ИЗЪ СЕНАТОРОВЪ.

СЕНАТОРЪ.

И то, чего съ такимъ трудомъ,
Съ столь давнихъ лѣтъ искалъ ты, Уголино,
Свершилось — ты властитель!

УГОЛИНО.

Самъ не понимаю!
Такъ быстро, такъ мгновенно все свершилось....
Или желѣзо можетъ превратиться въ воскъ,
Рѣка горѣть, свинецъ плыть по водѣ,
Огонь не жечь, и — Уголино примириться,
Съ Руджьеро примириться, и Руджьеро видѣть
Поборникомъ своимъ? Ему.... какъ?... Быть ему одолжену
Верховной властью?....

СЕНАТОРЪ.

Слишкомъ явно
Мнѣ было изумленіе твое. Ты позабылъ
Благодарить его....

УГОЛИНО.

Благодарить!... За что благодарить?
Довольно, что теперь своимъ поступкомъ
Онъ руки мнѣ связалъ — онъ залечилъ тѣ язвы,
Которыя болѣли здѣсь.... Нѣтъ! онъ не залечилъ —
Онѣ болятъ, горятъ!....

СЕНАТОРЪ.

О Уголино!

УГОЛИНО.

Неисцѣльны —
Столѣтнею враждой онѣ нанесены —
Я съ молокомъ всосалъ вражду къ Руджьеру —
Отецъ мой получилъ ее отъ дѣда,
И передалъ мнѣ, какъ наслѣдство,
Какъ драгоцѣнное наслѣдство....

СЕНАТОРЪ.

Если голосъ друга
Быть можетъ сердцу твоему доступенъ —
Помысли, Уголино, вспомни, вспомни
О бѣдствіи отечества....

УГОЛИНО.

Отечества!... Да, но еще есть что-то....

СЕНАТОРЪ.

Уголино!

УГОЛИНО.

Говори!

СЕНАТОРЪ.

Скажи: мы понимаемъ ли другъ друга?

УГОЛИНО.

Или, когда съ ума сошелъ Руджьеро,
И мнѣ сойдти, и будто старой бабѣ,
Отъ ласковыхъ и сладкихъ словъ растаять?
Я ему — не вѣрю!

(Слышны клики за сценою).

Уголино! Уголино!

УГОЛИНО.

О, какъ обольстительны они, вотъ эти клики
Толпы покорной —

(Слышны колокола)

Этотъ колокола голосъ!
Или Пизанская республика не можетъ
Быть герцогствомъ Пизанскимъ?
Великъ и славенъ ты, Миланъ,
А надъ тобой не мнѣ ли равный сталъ владыкой?
Мнѣ равный?... Герардески родъ
Древнѣе и славнѣй Висконти рода!

Тоскана, Лукка, Пиза! что вы
Въ сравненіи съ Миланомъ, а владыкой тамъ
Висконти!...
Да!....
(*Насмѣшливо*)
Пойдемъ и присягнемъ
Хранить ненарушимо нашъ обѣтъ — и жить
И умереть защитникомъ республики Пизанской!
(*Его встрѣчаютъ восклицанія*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Сельское мѣстоположеніе. Налѣво трактиръ. Подлѣ него столъ, за которымъ сидятъ, пьютъ и играютъ **ГОНЗАГО**, **ЛАНФРАНКИ**, **СИСМОНДИ**, **ГВАЛАНДИ**. **НИНО** въ сторонѣ. Направо пляшутъ **ПОСЕЛЯНЕ** и **ПОСЕЛЯНКИ**. **ЯННУАРІО** бѣгаетъ и угощаетъ.

ПѢСНЯ ПОСЕЛЯНЪ.

Играйте, пляшите, друзья!
Веселье, похмѣлье,
Похмѣлье, веселье —
Вотъ счастье, вотъ радость моя!

* * *

Лишь весело день проводить —
Работы, заботы,
Заботы, работы,
Съ виномъ и весельемъ забыть!

* * *

Плясать, да шалить,
Тоску позабыть,
Играть, да любить,
Стаканъ осушить,
Плясать, да шалить!...

* * *

Играйте, пляшите, друзья!
Веселье, похмѣлье,
Похмѣлье, веселье —
Вотъ счастье, вотъ радость моя!

ГОНЗАГО (*играетъ*).

Пять!

ЛАНФРАНКИ.

Десять!

ГОНЗАГО.

Чортъ побери — кончено! Не хочу больше.

Вина вина! Гдѣ ты — эй! Какъ тебя зовутъ, плутъ?

ЯННУАРІО.

Къ вашимъ услугамъ!

ГОНЗАГО.

Не услугъ, а вина!

ЯННУАРІО.

Явится къ вашимъ услугамъ. Эй, Белла. Белла!.... заплясалась! Вина синьорамъ!

ЛАНФРАНКИ.

А дѣвочка-то не дурна, Гонзаго!

ГОНЗАГО.

Я не терплю этихъ деревенскихъ красавицъ, съ ихъ загорѣлыми руками.

ГВАЛАНДИ.

Онъ проигрался и теперь ему ничто не любо.

ЛАНФРАНКИ.

У меня свой вкусъ, и красивую Беллу не

промѣняю я на вашихъ чопорныхъ красавицъ Миланскихъ....

ГВАЛАНДИ (*играетъ*).

Двѣнадцать!

ЛАНФРАНКИ.

Генуэскихъ....

СИСМОНДИ (*играетъ*).

Десять!

ЛАНФРАНКИ.

Венеціянскихъ, Тосканскихъ,—не правда ли, Иппо?

ИППО.

Что такое?

ЛАНФРАНКИ.

Развѣ ты не слышишь, что мы говоримъ о красавицахъ?

ИППО.

Нашли о чемъ говорить!

ЛАНФРАНКИ.

Да, о чемъ же лучше повести рѣчь, если не

о красавицахъ? Онѣ наша радость въ жизни, счастье наше....

НИНО.

Развѣ занятіе отъ нечего дѣлать.

ГОНЗАГО.

Что за глупости говоришь ты, Нино!

НИНО.

Вѣдь я ваше эхо, и только откликаюсь на то, что вы скажете.

ГОНЗАГО.

Слушай, другъ Нино! Любилъ ли ты когда нибудь?

НИНО.

Право, Гонзаго, я не знаю что и сказать тебѣ на это....

ГОНЗАГО.

Да, любилъ ли ты когда нибудь? Знаешь ли ты это чудное чувство, эту зарю счастья, это солнце радости....

НИНО.

Что-то мудрено сказано!

ЛАНФРАНКИ.

Что у него спрашивать! Я по пальцамъ пересчитаю тебѣ съ дюжину такихъ, которые плакали отъ Нино.

ГОНЗАГО.

Да, онъ-то плакалъ ли когда нибудь у ногъ красавицы!

НИНО.

Зачѣмъ же плакать, Гонзаго?

ГОНЗАГО.

Затѣмъ, что такія слезы драгоцѣннѣе жемчужинъ Востока!

НИНО.

Слезы всегда вода....

ЛАНФРАНКИ.

Право, Гонзаго, ты становишься записнымъ стихотворцомъ.... побереги голову!

СИСМОНДИ.

По деньгамъ онъ теперь настоящій стихотворецъ — въ кошелькѣ его хоть выспись!

ЯННУАРІО.

Вино, синьоры, самое лучшее, такое вино, что другой бутылки не найдете въ цѣлой вселенной!

ЛАНФРАНКИ.

Жаль, а намъ надобна цѣлая дюжина.

ГОНЗАГО.

Если роса слезы небесъ, то слезы любви драгоцѣннѣе слезъ небесныхъ....

ЯННУАРІО.

Цѣлая дюжина? Явится къ вашимъ услугамъ.

ЛАНФРАНКИ.

Плутъ! не ты ли говорилъ, что другой бутылки этой дряни въ цѣлой вселенной не найдется?

ЯННУАРІО.

Хе, хе! Мало ли что говорится, синьоръ, а поискать, чего не сыщешь!

ГОНЗАГО.

Взоръ милой — это.... это.... лучъ солнца сквозь тучи жизни.... Ахъ, Нино, Нино!....

НИНО.

Ха, ха, ха! Слушая тебя, Гонзаго, подумаешь, что въ любви ты бывалъ счастливѣе игры!

ГОНЗАГО.

Начать говорить съ вами о томъ, чего вы не понимаете.... право, я сущій дуракъ!

НИНО.

Браво! Стихотворецъ и не лжетъ! Но либо то, либо другое, Гонзаго — правда и поэзія не уживутся вмѣстѣ.

ГОНЗАГО.

Слушай, Нино: въ твои лѣта, въ твоемъ положеніи, такъ черно являются тебѣ свѣтъ и люди — это ни начто не похоже!....

НИНО.

Побѣли ихъ немножко! — Белла миленькая!

БЕЛЛА.

Что угодно, синьоръ?

НИНО.

Что стоитъ твой поцѣлуй? Продай мнѣ парочку поцѣлуевъ.

БЕЛЛА.

Я не синьора — я не торгую ими!

НИНО.

Такъ подари. Какая упрямая!

БЕЛЛА.

Синьоръ!

НИНО.

Что за синьоры! Поди, сядь подлѣ меня.

ЯННУАРЮ.

Синьоръ! моя дочь честная дѣвушка....

НИНО.

Да, вѣдь и мы самые честные, пречестные синьоры. Мы только пьемъ, играемъ, дура-

чимся немножко. Такъ, говорятъ, добрые люди всегда дѣлаютъ съ молоду. А какъ мы постарѣемъ, такъ сдѣлаемся такими же мудрецами, какъ наши премудрые сенаторы, либо такими добродѣтельными людьми — какъ ты.

ЯННУАРІО.

О, синьоръ!

НИНО.

Увѣряю тебя.

ГВАЛАНДИ (*соскакиваетъ*).

Ты бездѣльникъ!

СИСМОНДИ.

Ты плутъ! Ты обманулъ меня!

ГВАЛАНДИ.

Ты смѣешь мнѣ это сказать?

СИСМОНДИ.

Шпага моя докажетъ тебѣ, что я говорю правду!

ГВАЛАНДИ.

О, я докажу тебѣ это прежде!

ВСѢ (*кромѣ Нино*)

Сисмонди! Ланфранки! Синьоры!

ГВАЛАНДИ.

Онъ бездѣльникъ!

СИСМОНДИ.

Онъ плутъ!

НИНО.

Браво, прекрасная надежда отечества! Продолжайте, продолжайте! Чего не простятъ простолюдину, за то вамъ никто и слова не молвитъ.

ГОНЗАГО.

Полноте, полноте, не стыдно ли вамъ, друзья! Стоитъ ли...

НИНО.

Эхъ, Гонзаго! какъ тебѣ хочется вмѣшиваться не въ свое дѣло! Пусть ихъ подерутся. Помнится, великій Гиппократъ почиталъ кровопусканіе лекарствомъ отъ сумасшествія, лучше чемерицы....

ЯННУАРІО.

Уймите ихъ, синьоры — безчестіе моему мирному пріюту веселья — я всегда надѣялся, что мои гости самые честные господа — ссора, драка, убійство удалятъ отъ меня всѣхъ гостей — мы люди смирные, простые....

НИНО.

Не бойся — вѣдь они только поцарапаютъ другъ друга, а за то выпьютъ у тебя лишнюю бутылку.

ГВАЛАНДИ.

Хорошо — мы увидимся!

СИСМОНДИ.

Когда прикажете, синьоръ?

НИНО (*бросаясь среди нихъ*).

И только? Ссора безъ оплеухи и миръ безъ тычка шпагою? Чортъ побери! Что вы за люди, изнѣженное потомство желѣзныхъ Римлянъ! Можно ли послѣ этого положиться на

васъ, ввѣрить вамъ исполненіе какого нибудь великаго дѣла, дѣти Брутовъ и Сципіоновъ?

ВСѢ.

Говори, Нино, говори!

НИНО.

А! торжественная минута настала. Друзья! сюда, ко мнѣ — слушайте — я приглашаю васъ отличиться славнымъ дѣломъ!

ГОНЗАГО.

Ты шутишь, Нино?

НИНО.

Нѣтъ! не шучу! Приглашаю васъ — ха, ха, ха! — выпить все вино, какое заготовлено у нашего хозяина — разбить, чего не выпьемъ, а потомъ мы зажжемъ его домишко, ударимъ набатъ, перепугаемъ нашихъ сенаторовъ — вы знаете, что они собрались теперь умничать и плутовать въ своемъ великолѣпномъ собраніи.

ВСѢ.

Браво! Браво!

ЯНИУАРІО.

Помилуйте, синьоръ! Выпить, перебить!

НИНО.

Я заплачу тебѣ въ трое. Развѣ я спрашивалъ когда нибудь о цѣнѣ, если гуляю съ моими друзьями?

ЯНИУАРІО.

Но жечь — синьоръ, милостивый синьоръ!

НИНО.

Нино Галлури заплатитъ тебѣ за твой курятникъ — слышишь ли? Вотъ тебѣ задатокъ!
(*кидаетъ кошелекъ*).

ЯНИУАРІО.

Но, синьоръ....

НИНО.

Бездѣльникъ! я велю тебя самого прицѣпить вмѣсто фонаря на ворота!

ЯНИУАРІО.

Согласенъ, согласенъ, синьоръ!

НИНО.

Вина — эй! Всѣмъ синьорамъ и не синьорамъ, сколько кому угодно — Нино Галлури угощаетъ всѣхъ!

ВСѢ.

Браво! Браво!

(*Смятеніе; несутъ корзины съ виномъ, пьютъ и шумятъ*).

ГОНЗАГО.

И тебѣ это весело, Нино?

НИНО (*угрюмо садится въ сторонѣ*).

Нѣтъ!

ГОНЗАГО.

Для чего жь ты это дѣлаешь?

НИНО.

Такъ. Пусть дурачатся!

ГОНЗАГО.

Нино! смѣю ли думать, что ты меня сколько

нибудь любишь — смѣю ли надѣяться на твою дружбу?

НИНО.

Не надобно ли тебѣ чего нибудь?

ГОНЗАГО.

Мнѣ?

НИНО.

Ну, да, тебѣ. Съ чего заговорилъ ты о дружбѣ? Обыкновенно, идутъ въ друзья, когда что нибудь надобно выпросить у другаго, а обмануть лѣнь или нѣкогда.

ГОНЗАГО.

Ты ужасный человѣкъ, Нино! Ты мнѣ страшенъ!

НИНО.

Бѣшеный волкъ страшнѣе меня — я не кусаюсь.

ГОНЗАГО.

Не уже ли твое сердце, твое высокое, благородное сердце никогда не будетъ доступно

чувству дружбы? Этотъ проклятый философъ и мудрецъ, который былъ твоимъ учителемъ и наставникомъ....

ПИНО.

Слушай, Гонзаго: я позволяю тебѣ врать что ты хочешь, но есть предметы, о которыхъ намъ съ тобой говорить не должно. Собака жалка, когда ловитъ мѣсяцъ, отраженный въ волнахъ, и лаетъ на него. Моего Клеменціо несмѣй тронуть ни однимъ словомъ. Ни ты, ни я не должны осквернять нашими словами имени этого благочестиваго, великаго человѣка....

ГОНЗАГО.

Да, что такое сдѣлалъ тебѣ этотъ благочестивый, великій мужъ? Наговорилъ всякаго вздору, и когда ты вышелъ на волю, такъ тебѣ кажется, будто все то вздоръ, о чемъ онъ тебѣ не говорилъ. Велика услуга!

ПИНО.

Можетъ быть.

ГОНЗАГО.

Нѣтъ! я всегда спасибо моему отцу, который ни чему другому не училъ меня....

ИППО.

Кромѣ дурачествъ?

ГОНЗАГО.

Дурачествъ?

ИППО.

Ахъ! нѣтъ бишь — поэзіи, въ которой пріобрѣлъ ты обширныя свѣдѣнія!

ГОНЗАГО.

О нѣтъ! этому не учатъ — это даръ неба! Но моего искуства владѣть шпагой и копьемъ, думаю, не похулишь даже и ты. Быть сумасшедшимъ по твоему.... Кстати, Иппо — тебѣ не сносить головы, если ты всегда будешь таковъ въ битвахъ, какимъ бывалъ донынѣ!

ИППО.

Не уже ли мнѣ прятаться въ обозы?

ГОНЗАГО.

Но въ этой ужасной Мелорійской битвѣ, гдѣ непрітельскій корабль.....

НИНО.

Полно, Гонзаго! Богъ далъ намъ два уха, а ротъ только одинъ.

ГОНЗАГО.

Хорошо — я замолчу, но еслибы ты могъ знать истинныя наслажденія въ жизни.... Ну! положимъ, что поэзія тебѣ недоступна, а любовь, любовь!

НИНО.

То есть, хныкать, вздыхать, плакать, пѣть нѣжныя пѣсенки....

ГОНЗАГО.

Какое описаніе святѣйшаго чувства человѣческаго! Вероника, Вероника! еслибы онъ тебя увидѣлъ!....

нино.

Какая Вероника? Это что-то новое. Что у тебя за Вероника?

гонзаго.

Тсъ! Тише! Это небесное существо, слетѣвшее на землю, это дыханіе зефира по полю радости!

нино.

Ты сумасбродишь. Говори просто, кто эта Вероника?

гонзаго.

Развѣ ты ничего не слыхалъ о племянницѣ Руджіеро Убальдини?

нино.

Которая живетъ во Флоренціи у тетки?

гонзаго.

Она здѣсь!

нино.

Здѣсь? Говорили, что она очень не дурна.

гонзаго.

Не дурна! Какое слово! Если есть....

НИНО.

И прочее, и прочее. Ты видѣлъ ее?

ГОНЗАГО.

Видѣлъ и — погибъ!

НИНО.

Гонзаго! я хочу ее видѣть!

ГОНЗАГО.

Это невозможно.

НИНО.

Я хочу.

ГОНЗАГО.

Нельзя! Вероника теперь въ Орландскомъ замкѣ дяди своего.

НИНО.

Это два шага отсюда. Пойдемъ туда.

ГОНЗАГО.

Невозможно! Стража охраняетъ замокъ и Руджіеро не велитъ никого впускать. И для чего видѣть Веронику? Говорятъ, что рука ея уже обѣщана....

НИНО.

Да, вѣдь мы не свататься за нее пойдемъ, а только поглядѣть! Гонзаго, другъ! чего ты хочешь? Подкупай, выдумывай!

ГОНЗАГО.

Да. для чего хочешь ты видѣть Веронику?

НИНО.

Въ самомъ дѣлѣ, для чего?.... Такъ — хочу увѣриться: точно ли люди дали себѣ слово лгать безпрестанно? Мнѣ говорили, что она красавица, что.... что.... Выдумалъ ли ты, Гонзаго, какъ попасть въ замокъ?

ГОНЗАГО.

Могу ли отказать тебѣ, Нино!.. Постой, постой.... Да, планъ превосходный.... явиться переодѣтыми.... поддѣльныя бороды.... платье пилигримовъ....

НИНО.

И во сто лѣтъ лучше не выдумаешь! Поди, ищи, готовь скорѣе бороды!

ГОНЗАГО.

Вспомни, что мы будемъ подъ кинжалами, и — къ чему все это поведетъ?

НИНО.

Давно ли ты сталъ разсуждать, Гонзаго?

ГОНЗАГО.

Въ самомъ дѣлѣ! Еще разъ увидѣть Веронику, еще разъ согрѣться свѣтомъ ея божественныхъ очей!.... Послушай, Нино — вотъ двѣ пѣсни, которыя....

НИНО.

Убирайся къ чорту съ твоими пѣснями!

ГОНЗАГО.

Ну, такъ я разскажу тебѣ, какъ я увидѣлъ ее. Это было такъ нечаянно. Она была....

НИНО.

Она, она — если ты еще станешь медлить...

ЯВЛЕНІЕ 4.

МОРОЗИНИ (*вбѣгаетъ*).

Новости, самыя свѣжія новости!

ВСѢ.

Что такое? Что такое? Говори!

МОРОЗИНИ.

Чудеса, неслыханныя диковинки! Да, дайте сперва промочить горло....

НИНО.

Откуда ты, Франческо?

МОРОЗИНИ.

Изъ города, изъ сената — ха, ха, ха! Хочешь ли ты биться объ закладъ, Нино, что я изумлю тебя моею новостью? Въ эти три дня, пока вы шатались и пьянствовали по окрестностямъ Пизанскимъ, у насъ чудеса надѣлались!

НИНО.

Чудесами насъ не удивишь — выдумывай что нибудь помудренѣе!

МОРОЗИНИ.

Да, ужь мудренѣе того не выдумаешь, что сострадая бѣдствіямъ отечества, «великолѣпный» сенатъ нашъ выбралъ подеста, съ званіемъ генералъ-капитана и властью диктатора — ну, и кого бы ты думалъ?

НИНО.

Да, это въ самомъ дѣлѣ странно! Не сатану ли выбрали они генералъ капитаномъ? Другому съ ними не сладить.

МОРОЗИНИ.

Такъ знай же, что выбрали Уголино!

НИНО.

Моего дядю?

МОРОЗИНИ.

Да, твоего дядю — графа Уголино Герардески.

НИНО.

А! думаю, славная была свалка! Гдѣ дрались? Много ли насчитали народу безъ головъ?

МОРОЗИНИ.

Ни одного человѣка! Всѣ цѣлехоньки и радехоньки. И знаешь ли, кто предложилъ Уголино? — Руджіеро Убальдини!

ВСѢ.

Руджіеро! Ты шутишь!

МОРОЗИНИ.

Совсемъ нѣтъ. Они торжественно помирились....

НИНО.

Помирились! Ха, ха, ха!.... Что жь? Медвѣдь подалъ лапу лисицѣ, чтобы вѣрнѣе задавить ее, или медвѣдя хотятъ заставить таскать каштаны, пока лисица станетъ ѣсть ихъ?

ГОНЗАГО.

Продолжай!

МОРОЗИНИ.

Нечего продолжать. Народъ въ восторгѣ отъ мира Уголина съ Руджіеро, звонъ, крикъ, шумъ, и Сенатъ торжественно объявилъ, что войско должно готовиться къ походу — Уголино самъ поведетъ его....

НИНО.

Скоро же забыли они, какъ чесался у нихъ затылокъ послѣ того, когда онъ водилъ нашихъ барановъ къ Генуѣ!

МОРОЗИНИ.

Что тутъ толковать! Война, война! Опять въ бой, въ походъ — мы заплѣснѣвѣли, засидѣлись!

ВСѢ.

Браво! Походъ, война! Вина! Запьемъ будущія побѣды!

НИНО (*отводя Гонзаго*).

Ну, и мы въ походъ — къ нашей красавицѣ!

ГОНЗАГО.

Ты не раздумалъ?

НИНО.

Я не умѣю раздумывать!

ГОНЗАГО.

Но, слѣдствія.... нашъ приходъ.... Руджіеро такъ подозрителенъ!

НИНО.

Слышишь, что онъ помирился съ дядею. Мы будемъ вѣстниками мира прекрасной затворницѣ.

ГОНЗАГО.

Но теперь, когда всѣ спѣшатъ въ городъ, мы будемъ таскаться по замкамъ и вздыхать о красавицахъ!

НИНО.

Будто они въ городъ спѣшатъ за дѣломъ! И ты смѣешь говорить, Гонзаго, что ты влюбленъ?

ГОНЗАГО.

Я не влюбленъ? Пойдемъ — я бѣгу и все изготовлю!....

(*Убѣгаетъ*).

НИНО (*задумчиво*).

Куда иду я? — Въ когти тигра?
За чѣмъ? Когда же думалъ я: «за чѣмъ?»
И если все стремится подъ знамена,
Меня не будетъ тамъ, среди дружинъ?

*

Тѣмъ лучше, что двумя разбойниками меньше!
Миръ этотъ странное событье.
Судьбой отечества они играть привыкли....
Да, это новая игра кинжалами:
Вѣрнѣй зарѣзать правою рукой,
Когда мы лѣвою къ груди прижмемъ врага.
Миръ! Странно даже слышать это слово!
Мы разучились, какъ его произносить.
Миръ!
Мира нѣтъ, пока мы будемъ люди!...
О, кто бы возвратилъ мнѣ миръ души,
Кто помирилъ меня — хотя съ самимъ собою!
Возмите все и дайте мира мнѣ....
Пойдемъ туда. Что за красавица такая!
А имя — Вероника. Да, такое имя
Не знаю что-то говоритъ мнѣ....
Нино! ты ли женщинъ не видалъ?
Ты ль въ женщинѣ найдешь, хоть что нибудь такое,
Что новой силою велитъ забиться сердцу?

ЯВЛЕНІЕ 5.

Готическая зала въ замкѣ Орландскомъ. Столъ, кресла, арфа.

ВЕРОНИКА И КАЛАБРИТА.

КАЛАБРИТА.

И, полноте, синьора Вероника, какъ не стыдно
Плакать, и объ чемъ? О птичкѣ! Да, Богъ
съ нею!
Другую вамъ поймаютъ. Эка невидаль какая —
Птичка!

ВЕРОНИКА.

Ахъ! она была мнѣ другомъ!
Теперь у меня нѣтъ ужь друга....

КАЛАБРИТА.

Другъ птичка! Хе, хе, хе! Ну, вы не при-
хотливы
На выборъ друга!

ВЕРОНИКА.

И за чѣмъ ей было умирать,
Когда ее любили! Пережить и птичку тяжело...

Ахъ! Калабрита — мнѣ такъ грустно, мнѣ
так скучно....
Мнѣ говорили: Божій міръ прекрасенъ;
На радость человѣка создалъ Богъ,
И всякому веселье на землѣ....
А мнѣ — такъ грустно....

КАЛАБРИТА.

Вотъ ужъ вамъ, синьора, право,
Грѣшно такъ сѣтовать! Чего вамъ недостало?
Пить, ѣсть — чего душа захочетъ только;
Платьямъ драгоцѣннымъ нѣтъ износа;
Есть замки, и дворцы, и слуги, и пажи,
И кони, и подруги....

ВЕРОНИКА.

Гдѣ подруги? Гдѣ? Какія?
Мои прислужницы — онѣ мнѣ не подруги!

КАЛАБРИТА.

А почему бы такъ?

ВЕРОНИКА.

Подруга та, кто равенъ мнѣ во всемъ,
А эти — сѣсть при мнѣ не смѣютъ,

Въ глаза глядятъ, не смѣютъ молвить слова....
Мнѣ скучно съ ними, право, скучно!
И на что вы набрали мнѣ ихъ толпу такую
И въ замокъ заперли скучать?

КАЛАБРИТА.

Вотъ, какъ вы горды,
Синьора! Что вы? Вѣдь онѣ всѣ родовыя,
Почетныя дѣвицы —

ВЕРОНИКА.

Дайте мнѣ простыхъ,
Веселыхъ, милыхъ, тѣхъ, что въ деревняхъ
Такъ весело играютъ и смѣются!

КАЛАБРИТА.

Какъ можно! Вѣдь онѣ простолюдинки,
А вы, вы рода знаменитаго дѣвица —
Восемь замковъ въ вашемъ обладаньи!

ВЕРОНИКА.

Ахъ! этотъ знатный родъ мнѣ надоѣлъ!
Какое-то проклятье этотъ знатный родъ....
Всѣ веселы, смѣются — я приду,

И всѣ умолкнутъ. — «Вы графиня!» говорятъ онѣ.
Я лучше бъ быть хотѣла поселянкой,
И бѣгать по полю и весело играть,
Чѣмъ въ этой каменной тюрьмѣ скучать!

КАЛАБРИТА.

Ну! можно ль вамъ, графинѣ, бѣгать по полямъ?
Тюрьма-то эта замокъ вашъ наслѣдный....

ВЕРОНИКА (*задумчиво садится въ кресла*).

Я не помню дней веселыхъ — я не знала ихъ.
Не лелѣялъ меня голосъ матери родимой....
Помню: мой отецъ, старикъ суровый, мрачный —
Не ласкалъ онъ Вероники!
Жизнь моя въ тоскѣ проходитъ —
Я одна, я сиротой взросла;
День за днемъ бѣжитъ, уходитъ....
Что жь ты, жизнь, мнѣ, что ты принесла?
Говорятъ, что я богата,

Говорятъ, что много золота
Въ обладаніи моемъ,
Камни, перстни дорогіе
И одежды золотыя —
Что мнѣ въ нихъ?
Богъ съ ними — не люблю я ихъ!

КАЛАБРИТА.

Ахъ! пташечка моя! Что ты горюешь?
Вѣдь ты лишь только начинаешь жить.
Красавица ты, первая невѣста;
Счета нѣтъ богатствъ твоихъ безсчетныхъ.
Погоди — настанетъ время — ты увидишь
Прекрасный городъ нашъ, соборы, замки,
И рыцарей могучихъ; на турнирахъ,
Они ударятъ въ копья за твою красу,
И побѣдитель ихъ, красавецъ юный,
Предъ тобою на колѣняхъ станетъ...
О, посмотри, какіе витязи у насъ!

ВЕРОНИКА.

Я ихъ видала, Калабрита, страшныхъ,
Залитыхъ въ золото, закованныхъ въ желѣзо,
На дикихъ коняхъ — и глядѣть на нихъ не
смѣла!

КАЛАБРИТА.

Гдѣ ты видала! Что за рыцари въ Тосканѣ!
Ты посмотри-ко нашихъ — вотъ, такъ молод-
цы!
Оруженосецъ-то у каждаго получше,
И покрасивѣе и побогаче, чѣмъ иной Тоскан-
скій рыцарь!

ВЕРОНИКА (*задумчиво*).

А ты — тебя увижу ль я средь нихъ,
Мой витязь милый? Иль ты былъ мечта,
Созданье сердца моего, и сновидѣньемъ
Ты пролетѣлъ въ моихъ глазахъ?
Ты, можетъ быть, не рыцарь — пажъ
простой:
Ты не былъ въ золото тогда закованъ....
Я помню незабвенный часъ,
Когда, тамъ, въ храмѣ Божіемъ, предъ алта-
ремъ
Молился ты, и взоръ подъемля къ небесамъ,
Ты забывалъ о мірѣ здѣшнемъ!
То не было раскаянье — о небѣ дума то была!
Немногое запало въ думу мнѣ,
Немного радостей, воспоминаній —

Ихъ у меня такъ мало — берегу я ихъ!
Они дороже мнѣ и замковъ и алмазовъ....
Ты здѣсь, мой милый тайный, сердца гость!
Ты здѣсь.... А можетъ быть.... незнатенъ,
Безвѣстенъ ты!...

(*быстро встаетъ.*)

КАЛАБРИТА.

Что это — я не вслушалась — что, что такое
Наговорили вы, синьора? Отвыкайте
Отъ вашей монастырской жизни съ тетушкой старушкой —
Дай Богъ ей вѣчное блаженство!

ВЕРОНИКА.

Скучно мнѣ,
Мнѣ грустно, Калабрита! Что мнѣ дѣлать,
Скажи?

КАЛАБРИТА.

Что дѣлать? Мало ли что дѣлать!
Вотъ арфа, поиграй, спой пѣсенку, утѣшься —
А голосъ твой что соловей — онъ въ душу

Такъ пѣсенкою льется, будто ручеекъ,
Что по травѣ зеленой вьется!
Вотъ арфа —

ВЕРОНИКА.

Надоѣла мнѣ она!

КАЛАБРИТА.

Я позову подругъ, заставлю ихъ плясать
И пѣть —

ВЕРОНИКА.

Веселье по приказу не веселье!

КАЛАБРИТА.

Да, погоди, вотъ скоро дядюшка пріѣдетъ.

ВЕРОНИКА.

Ахъ! я его боюсь — онъ такъ мнѣ страшенъ
что-то...

КАЛАБРИТА.

Ахъ! мать моя! да, что ты это говоришь?
Такой синьоръ почтенный дядя твой!
Съ нимъ множество гостей пріѣдетъ;
Пиры, веселья, праздники начнутся....

ВЕРОНИКА.

Я боюсь ихъ,
Я къ людямъ не привыкла.... Какъ мнѣ по-
явиться?
Что говорить?... Я дядю видѣла два раза,
И слова молвить передъ нимъ не смѣла.
Онъ такъ смотрѣлъ, такъ говорилъ, такъ улы-
бался....

КАЛАБРИТА.

Не плакать же ему!

ВЕРОНИКА.

За чѣмъ, съ любовью
Онъ не прижалъ меня къ груди своей,
И не сказалъ мнѣ ласковаго слова!
И всѣ такъ трепетали передъ нимъ....
(*тихо*).
А съ нимъ пріѣдутъ ли тѣ витязи?

КАЛАБРИТА.

Какіе?

ВЕРОНИКА.

Да.... о которыхъ говорила ты....

КАЛАБРИТА.

О, какъ же!
Съ нимъ графы будутъ, и бароны и князья.
Вотъ то-то попируемъ! Да, опять, моя голубка,
Ты призадумалась.... Ужь это что-то, да не даромъ!
Аль глазъ тебя недобрый изурочилъ?
Спаси тебя, святая Вероника!
Дай я тебя водицей наговорной спрыспу
И три раза съ молитвой обойду!

ЯВЛЕНИЕ 6.

ПАЖЪ *и свита Вероники.*

ПАЖЪ.

Два странника пришли къ намъ въ замокъ.
Они идутъ издалека, и просятъ....

КАЛАБРИТА.

Чего такого просятъ? Побродяги! Ихъ прогнать!

ВЕРОНИКА.

Ахъ! погоди — зачѣмъ ихъ гнать!

КАЛАБРИТА.

Зачѣмъ?
Графъ повелѣлъ намъ никого здѣсь принимать.
Что это за люди? Богъ знаетъ!

ПАЖЪ.

Мы ихъ и не пускали, но они такъ тихо,
И такъ благочестиво говорятъ —
Просили доложить графинѣ.

КАЛАБРИТА.

Вздоръ какой!

ВЕРОНИКА.

Впустите ихъ — я видѣть ихъ хочу!

КАЛАБРИТА.

Но графъ....

ВЕРОНИКА.

Но графа нѣтъ, а безъ него,
Я здѣсь повелѣваю замкомъ!

КАЛАБРИТА.

Но, синьора....

ВЕРОНИКА (*даетъ ей знакъ молчать. Пажъ уходитъ*).

КАЛАБРИТА.

Ну, я не отвѣчаю, и смотрите, если послѣ
Намъ не достанется....

ВЕРОНИКА.

Такъ я не смѣю
И страннику почлега и пріюта дать
Въ моемъ великолѣпномъ замкѣ?
И уголка такого нѣтъ ужь въ немъ,
Гдѣ бъ нищій могъ меня благословить?
На что же онъ построенъ? Что такое онъ?
Тюрьма?

КАЛАБРИТА.

Что это вы, синьора! Да, вѣдь люди
Такіе злые, ужь такіе вѣдь злодѣи,
Что вотъ того и смотрятъ.... О разбойники
Лукавцы! Такъ и ладятъ....

ВЕРОНИКА.

Ты — клевещешь на людей!

ПОДРУГИ ВЕРОНИКИ.

Синьора! Странники!.... Какіе старички?

ЯВЛЕНІЕ 7.

НИНО и ГОНЗАГО (*входятъ, переодѣтые, съ бородами*).

ГОНЗАГО (*измѣняя голосъ*).

Благослови васъ Богъ, прекрасная графиня!
Будь миръ и благодать на здѣшнемъ кровѣ!

ВЕРОНИКА (*ласково*).

Добрый путь тебѣ, старикъ! Скажи,
Откуда вы?

ГОНЗАГО.

Да, мы издалека,
Изъ Іерусалима мы идемъ въ отчизну,
И просимъ васъ позволить отдохнуть

Намъ въ вашемъ замкѣ.

(въ сторону).

Какъ она мила!

Какъ хороша она!

ВЕРОНИКА.

А гдѣ отчизна ваша?

ГОНЗАГО.

Еще далеко.

ВЕРОНИКА.

Много лѣтъ тебѣ?

ГОНЗАГО.

Не столько лѣта, сколько горе и заботы
Мою главу къ землѣ склонили.... Охъ!....

ВЕРОНИКА *(ведетъ его къ креслам).*

Сядь, отдохни!

ГОНЗАГО.

Благодарю!

(въ сторону).

Чортъ побери, а я,

Какъ на пожахъ.... Какія ручки!
(*громко*).
Охъ!....
Чего не испыталъ я на вѣку!

ВЕРОНИКА.

Такъ много горя,
Ты на своемъ вѣку извѣдалъ, старецъ?
За то, чего ты не видалъ! И Палестину,
Іерусалимъ....

ГОНЗАГО.

Да, черезъ бурныя моря
И черезъ степи, среди варварскихъ народовъ
Мы проходили — солнце насъ палило,
Рыкали звѣри по лѣсамъ — томили жажда,
Голодъ, холодъ....

ВЕРОНИКА.

А товарищъ твой —
Онъ не далъ ли обѣтъ молчанія? Скажи,
Ты вмѣстѣ былъ съ нимъ? Видѣлъ также
много?

нино (*онъ стоялъ безмолвный, и какъ будто мгновенно оживаетъ*).

Что я видѣлъ, что я вижу.... Нѣтъ! словами
Того не разсказать, а что слова разскажутъ,
О томъ и говорить не стоитъ!

вероника (*съ трепетомъ, въ сторону*).

Этотъ голосъ —
Этотъ голосъ — онъ знакомъ мнѣ!
Его, мнѣ кажется, когда-то я слыхала....
(*робко Нину*)
Я.... тебя не понимаю, странникъ....

нино.

Не понимай рѣчей моихъ, не понимай....
(*опомнившись*
Да, еслибъ могъ я высказать тебѣ,
Прекрасная графиня, что я видѣлъ....
Но, не видалъ въ моей я жизни
Такихъ блестящихъ глазъ, какъ звѣзды неба,
И не слыхалъ рѣчей столь милыхъ,

Какъ сердцу сына матери привѣтъ....
Теперь я вижу ихъ — я слышу ихъ!
(онъ подходитъ къ Вероникѣ).

ВЕРОНИКА *(отступая).*

Невольный трепетъ!

ГОНЗАГО *(толкаетъ Нино).*

Ты забылся!

КАЛАБРИТА *(въ сторону).*

Что этотъ говорунъ такъ разболтался?
Мнѣ подозрительны они....
(громко)
Послушай, странникъ....

НИНО *(ничему не внимаетъ).*

Въ шумѣ бранныя тревоги,
Сердца въ бѣшеныхъ страстяхъ
Моя юность пролетала,
Счастье я по слуху зналъ!
Но, теперь, какъ новой жизнью,
Грудь моя горитъ, пылаетъ....

ГОНЗАГО (*въ сторону*).

Ну, онъ въ бѣду меня введетъ, того смотри!

КАЛАБРИТА.

Что это говоришь ты, странникъ....

ГОНЗАГО (*поспѣшно*).

Ничего —
Простите мнѣ — вотъ видите — немножко,
Онъ — недавно — помѣшался — онъ — вотъ вдругъ заговоритъ,
Богъ знаетъ что — и вотъ опять молчитъ,
И слова не добьешься отъ него....

ВЕРОНИКА (*въ сторону*).

Уже ли онъ безумный? Отъ чего жь донынѣ
Я не слыхала словъ такихъ — они здѣсь, въ сердцѣ,
Отозвались....

КАЛАБРИТА (*Гонзагу*)

А кто товарищъ твой?

ГОНЗАГО.

Онъ рыцарь былъ,
И грѣшникъ....

ВЕРОНИКА (*тихо*).

Грѣшникъ!

НИНО.

Да, молитесь за меня!
Я грѣшникъ былъ, пока не прилетѣлъ
Небесный гость, душѣ моей отрада,
И не отвѣялъ отъ души моей грѣха!
Не улетай, мой ангелъ милый!
Не оставляй меня въ пустынѣ жизни!

ПАЖЪ (*входитъ поспѣшно*).

Синьора! графъ Руджьеро извѣщаетъ,
Что онъ немедленно прибудетъ въ замокъ.

КАЛАБРИТА.

Вашъ дядюшка! Ахъ, Господи! бѣда,
Бѣда! Скорѣе проводить гостей вотъ этихъ!

ВЕРОНИКА.

Да, странники, теперь я не могу
Вамъ дать пріюта въ замкѣ....
Ступайте съ Богомъ! Добрый путь вамъ!

НИНО (*становясь передъ нею на колѣни*).

Графиня! смѣю ли просить васъ —
Благословите насъ....

КАЛАБРИТА (*пажу*).

Готово ль все къ пріему?
Вѣдь графъ, вы знаете, шутить не любитъ....

НИНО.

Какъ ангелъ Божій, насъ благословите!
Позвольте мнѣ....

(*Онъ схватываетъ и цѣлуетъ руку Вероники; борода его спадаетъ*).

ВЕРОНИКА.

Ахъ! Боже всемогущій!....

(въ сторону.)

Онъ, онъ....

(Нино поспѣшно закрывается плащемъ своимъ).

КАЛАБРИТА.

Какъ? Что такое? Что такое?
Что сдѣлалъ онъ? Эй! люди, люди!
Сюда....

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ — онъ мнѣ ничего не сдѣлалъ!....
Пойдемъ отсюда, Калабрита!

(Онѣ поспѣшно уходятъ. Всѣ, кромѣ Нино и Гонзаго, слѣдуютъ за ними.)

ЯВЛЕНІЕ 8.

ГОНЗАГО И НИНО.

ГОНЗАГО.

О прелестное созданіе,
Ты, струны небесной звукъ!
Разлила очарованіе....

Какъ бы этотъ стихъ мнѣ кончить....
Самъ сатана придумалъ эти риѳмы!

НИНО.

Что это было? Что такое — сонъ, мечта?
Или, и въ самомъ дѣлѣ, на яву видѣнье?
Гдѣ я?

ГОНЗАГО.

Ты въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій!
Надѣнь скорѣе бороду свою....
Съ чего ты вздумалъ такъ дурачиться, скажи?
Ну, еслибъ насъ узнали? Тутъ — плохая шутка....
Вотъ на бѣду завелъ я удальца....
Вѣдь тутъ не Белла.... Нино!

НИНО.

Что тебѣ? Поди....

ГОНЗАГО.

Аль давишній нашъ хмѣль вдругъ одолѣлъ тебя?

Да, ты былъ трезвъ, мнѣ кажется.... Эй, Нино!
Пойдемъ скорѣй — ты слышалъ — Руджіеро....

НИНО.

Гдѣ я?

-•-

ЯВЛЕНІЕ 9.

ПАЖЪ (*входитъ*).

Пойдемъ-те, странники. Графиня
Прислала вамъ, вотъ милостыню — кошелекъ...

НИНО.

Намъ въ милостынѣ нужды нѣтъ пока —
Ты можешь взять ее себѣ, дружокъ!

ГОНЗАГО.

Какъ?

(*въ сторону*)

Право, онъ не въ шутку сумасшедшій!

ПАЖЪ (*смѣется*).

Спасибо, странникъ! Въ самомъ дѣлѣ,

На что вамъ деньги — вы безсребренники-люди.
Пойдемъ-те, я васъ провожу изъ замка.

ГОНЗАГО (*уходитъ*).

Безсребренники! Нѣтъ, меня прошу уволить,
Когда за это кошелькомъ платить....

ДѢЙСТВІЕ II.

—

ЯВЛЕНІЕ 1.

Окрестности замка Орландскаго. Часть замка налѣво. Гонзаго съ мандолиною. Лунная ночь.

ГОНЗАГО (*одинъ*).

О ты, владычица души и сердца,
Прелестная, прекрасная владычица моя!
Скажи: ты видишь ли, что здѣсь, въ тиши ночной,
Тобой плѣненный, я страдаю, и брожу
Вокругъ жилища твоего, въ тѣни деревъ,
При блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца? Скажи:
Ты слышишь ли мой вздохъ, какъ онъ тяжелъ?
И вотъ въ очахъ моихъ дрожитъ слеза —
Какъ серебро чиста она, какъ перлъ безцѣнна —
Она слеза любви.... Немного слезъ такихъ
На жизненномъ пути намъ проливать!

О ты, которую назвать не смѣю,
Прости, что тишину ночей нарушу я,
Здѣсь, пламеннымъ любви напѣвомъ....
Ахъ! еслибъ эти звуки долетѣли,
И легкій сонъ нарушивъ твой,
Мечтой меня тебѣ явили!.... Тише!
(онъ поетъ)

Дѣва, прелесть красоты,
Вероника, Вероника!
Ты души моей владыка,
Ты душа моей мечты!

* * *

Будто солнечнымъ лучемъ,
Освѣти меня привѣтомъ —
Въ полѣ, сумракомъ одѣтомъ,
Проблесни очей огнемъ!

→•←

ЯВЛЕНІЕ 2.

НИНО (*входитъ, закутанный въ плащъ*).

Что это? Кто мурлычитъ тутъ? А, серенада.
Серенада Вероникѣ — ба! Гонзаго,

Гонзаго, нашъ смѣшной поэтъ, при лунномъ
свѣтѣ
Бродитъ и поетъ свои стишонки!

ГОНЗАГО (*поетъ*).

Быстро, быстро пролетаетъ
Время юности живой,
Наше счастье исчезаетъ,
Будто мѣсяцъ молодой!

НИНО.

А онъ поетъ недурно, шмѣль несносный,
Онъ передать умѣетъ въ пѣснѣ чувство —
Его любовь, ничтожная любовь,
Разсчетъ корысти, прихоть сердца,
Умѣетъ говорить.... А я.... Когда вся жизнь
моя,
Когда все бытіе мое.... я не умѣю,
Я не могу промолвить слова....
О, Нино, Нино! бѣденъ ты! Ни слова даръ,
Ни сердца голосъ, ни искуство пѣсни
Мнѣ не даны — молчу, и не умѣю
Говорить....
Кто знаетъ ихъ сердца!
Онѣ такъ суетны, тщеславны.... Часто пѣсня

Красивый шарфъ, уборъ щеголеватый, лесть
Плѣняютъ сердце женщины.... Да, развѣ
Женщина она?
Нѣтъ, нѣтъ! она не женщина,
Она.... то, что душѣ моей въ минуты неба,
Забвенныя минуты, прилетало въ душу....
Онъ все еще жужжитъ тамъ что-то....
Опять его!
Кто здѣсь?

ГОНЗАГО.

Ахъ! Боже мой!
Ты ль это, Нино? Какъ ты испугалъ меня!

НИНО.

За чѣмъ ты здѣсь?

ГОНЗАГО.

А ты за чѣмъ, скажи?

НИНО.

Я.... шелъ своей дорогой....

ГОНЗАГО.

Странно жь ты зашелъ!
Да, здѣсь дороги вовсе нѣтъ?

ИППО.

Есть. Ты здѣсь какъ попалъ?

ГОНЗАГО.

Я какъ попалъ?
О Иппо, Иппо! сердце завлекло меня сюда....
Здѣсь окна комнаты ея!

ИППО.

Чьи?

ГОНЗАГО.

Вероники!
Я счастья жду.... Тамъ бѣленькій платочикъ
Мелькнулъ — все ладится....

ИППО.

Какъ? Что такое?
Что ладится?

ГОНЗАГО.

Да, маленькія шашни!
На пѣсню здѣсь окошко отворялось;
Тамъ также пѣли! Птичка въ клѣткѣ —

22

Ей полетать, какъ не хотѣть! А вся прислуга...
Все куплено.... Ты понимаешь?

НИНО.

Понимаю:
Ты лжецъ, хвастунъ безстыдный!

ГОНЗАГО.

Какъ?

НИНО.

Да, клеветникъ и лжецъ!

ГОНЗАГО.

Ну, ну, немного... Мы поэты —
Какъ не прибавить краснаго словца!

НИНО.

О, если ты отсюда не уйдешь,
Не убѣжишь, какъ заяцъ, если ты
Осмѣлишься явиться подлѣ замка, или въ замкѣ....

ГОНЗАГО.

Ну, что жь такое будетъ, что?

ИППО.

Я запрещаю
Тебѣ о Вероникѣ говорить и думать,
И когда тебѣ во снѣ пригрезится она —
Проснись скорѣе!

ГОНЗАГО.

Ба, ба! что такое?
Да, я вѣдь приглашенъ сегодня въ замокъ
Съ почетными гостями пировать —
Я гость тамъ первый, и кому же танцовать,
И пѣть тамъ, и шутить, когда не мнѣ?

ИППО.

Да, въ самомъ дѣлѣ — онъ въ шуты годится!
И какъ я глупъ: сердиться — на кого!

ГОНЗАГО.

Э, э! пріятель Иппо! полно ты ужь самъ,
Мой нелюдимъ, ужь не влюбился ль ты?
Прекрасно!... Въ самомъ дѣлѣ: онъ здѣсь бро-
дитъ,
Онъ здѣсь мечтаетъ, онъ, онъ.... Ха, ха, ха!
Вотъ случай посмѣяться, разсказать,
Отмстить злодѣю Купидона — онъ влюбился,

*

Онъ видѣлъ только разъ красавицу — и вотъ
Нашъ Ипно.... Ну, скажи жь скорѣе....

ИППО.

Еслибъ точно
Я былъ влюбленъ, такъ я тебѣ
Скажу послѣднему — прощай!

ГОНЗАГО.

Послушай, Ипно,
Оставимъ шутки... Ахъ! оставимъ Веронику...
Ты будешь въ замкѣ съ дядей?

ИППО.

Да,
Я буду.

ГОНЗАГО.

Мнѣ, мнѣ надо съ блескомъ показаться,
Уборомъ отличиться передъ всѣми, а на это
Все деньги надобны, проклятыя!... Нельзя ли
Ссудить мнѣ тысячу дукатовъ?....

ИППО.

Какъ: съ отдачей?
Иль безъ отдачи, такъ, съ запиской на водѣ?

ГОНЗАГО.

И, полно! Все вѣдь общее межъ нами!
Пожалуй, у меня бери — какъ будутъ....
Да, я отдамъ! Вотъ мой Коканскій замокъ
Продастся, а не то, вѣдь вотъ опять война,
Того смотри начнется — мы разбогатѣемъ!
Я буду ждать тебя, мой другъ!

НИНО.

Ступай
Возми.

ГОНЗАГО.

Ахъ! какъ я благодаренъ, и — услуга за услугу —
Влюбляйся въ Веронику — уступаю, ха, ха, ха! — Ахъ! Вероника!
(*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

НИНО (*одинъ*).

И съ этими людьми я жилъ, и имъ
Я позволялъ давать мнѣ имя друга!

Стыдись, о Нино! Бойся, Нино, ихъ,
Какъ змѣй нечистыхъ осязанья,
Какъ дуновенія сирокко на брегахъ
Сициліи благословенной!....
Дядя мой —
Онъ будетъ гостемъ въ замкѣ Убальдини....
Ихъ дружба.... Пусть они коварствуютъ, грызутъ
Другъ друга.... Что до нихъ мнѣ! Мнѣ
За чѣмъ скрываться? Я скажу имъ:
«Она моя, ее отдайте мнѣ;
Мнѣ Богъ ее подругой создалъ,
Она моя, о люди!.... Изъ міра цѣлаго ее одну —
И все вамъ, все вамъ остальное!....»
У нихъ сердца, хоть по преданью, были;
Они мнѣ отдадутъ ее, они мнѣ скажутъ:
«Васъ создалъ Богъ жить сердцемъ вмѣстѣ;
Розно — вамъ жизнь не жизнь!»
Кто здѣсь?
А, если я не ошибаюсь, вотъ кормилица ея,
Дуэнна, нянька, стражъ, драконъ проклятый,
Который зашипѣлъ и выгналъ насъ изъ рая!

→·←

ЯВЛЕНІЕ 4.

КАЛАБРИТА.

Ужъ эти мнѣ синьоры.... Какъ не услужить,
Когда такъ просятъ, молятъ, и — дарятъ....
«Поди, поворожи у той колдуньи,
Что тамъ въ лѣсу, живетъ».... И вотъ одна,
И ночью, лѣсомъ — дѣлать нѣчего — бреду....
А что сказала мнѣ хрычевка? Да, Богъ вѣсть!
Молола что-то.... Счастье и бѣда,
И золото и слезы, смѣхъ и горе....
Да, вѣдь оно всегда и въ жизни такъ —
И смѣхъ и горе!.... Что это? Ахъ! кто-то....
Ужь не разбойникъ ли? Мнѣ надо смѣлой быть.
Кормилица графини Вероники, и такъ близко
Нашъ замокъ....
Что ты, молодецъ, тутъ бродишь?

НИНО.

Я не брожу — тебя я дожидался.

КАЛАБРИТА.

Меня? Да, развѣ знаешь ты меня?

НИНО.

Какъ васъ не знать, синьора — вы
Почтенная подруга молодой графини.

КАЛАБРИТА.

А! Что же надобно тебѣ, скажи?

НИНО.

Есть порученье мнѣ отъ одного синьора.
Позвольте мнѣ.... Вотъ видите.... Онъ видѣлъ
Графиню молодую, и съ тѣхъ поръ
Ему не милъ свѣтъ Божій.... онъ влюбился,
Онъ такъ влюбленъ, такъ любитъ....

КАЛАБРИТА.

Какъ же, дерзкій,
Ты смѣешь о любви его мнѣ говорить?

НИНО.

Помилуйте! онъ знатенъ и богатъ —

КАЛАБРИТА.

А ты — невѣжда!

НИНО.

Быть можетъ — право, въ первый разъ
Я взялъ такое порученье — точно, я невѣжда.
Но, мой синьоръ — онъ графъ!

КАЛАБРИТА.

Что мнѣ за дѣло!

НИНО.

Онъ поручилъ.... бездѣлку вамъ....
(даетъ ей кошелекъ.)

КАЛАБРИТА.

А, а!....
Благодарю, синьоръ!
(въ сторону)
Тутъ что-то много....
(Нино)
Такому милому послу — какъ отказать....

НИНО.

И больше, въ трое, въ десятеро, онъ
Согласенъ дать, но будьте милосерды....

КАЛАБРИТА.

Ну, а имя
Синьора вашего?

НИНО.

Онъ — Нино, графъ Галлури.

КАЛАБРИТА.

Племянникъ Уголино!

НИНО.

Но чего жь бояться?
Вамъ, видно, на него наклеветали что нибудь....
Такой онъ добрый, смирный — онъ такъ любитъ,
И такъ богатъ....

КАЛАБРИТА.

Богатъ-то онъ — я знаю....

НИНО.

Вы сами молоды бывали — вы любили!
Отъ васъ сердца другихъ страдали, вѣрно....
Синьора! будьте добры....

КАЛАБРИТА.

Ну, ну, что ему угодно?

ПИПО.

Ничего — скажите только: Вероника
Не любитъ ли кого?

КАЛАБРИТА.

Дѣвичье сердце —
Какъ разгадать!

ПИПО.

Поговорите ей:
Скажите, что Галлури умираетъ
Къ ней отъ любви!

КАЛАБРИТА.

Да, гдѣ ее онъ видѣлъ?

ПИПО (*раскрывая плащъ и показывая спрятанную бороду*).

Узнаешь ли меня?

КАЛАБРИТА.

Ахъ! Санъ-Дженнаро!
Да, вы тотъ странникъ!

НИНО.

Я, я, графъ Галлури,
Передъ которымъ тысячи вассаловъ
Стоятъ со страхомъ — я передъ тобою
Готовъ стать на колѣни.... Ахъ! увѣрь,
Что сердце Вероники такъ свободно,
Какъ сводъ небесный для полета птички!
Скажи ей.... Нѣтъ! ей ничего не говори,
Не испугай ее моей любовью....
Скажи, что я хотѣлъ ее увидѣть,
Увидѣлъ, и на вѣкъ въ душѣ моей
Остался образъ незабвенный.... Завтра я
Явлюсь къ вамъ съ дядей добрымъ гостемъ —
Не золота тебѣ я подарю — алмазовъ,
Каменьевъ дорогихъ и самоцвѣтныхъ,
И — вотъ тебѣ задатокъ....

(*онъ даетъ ей перстень и поспѣшно уходитъ*).

КАЛАБРИТА (*одна*).

Такъ это графъ Галлури? Какъ не услужить,
Когда такъ просятъ, молятъ, и — дарятъ!
Вѣдь и графинѣ, какъ добра не пожелать?
Да кто и молодъ не бывалъ, самъ не любилъ....

Каковъ же перстенекъ! Ай, графъ Галлури,
Да это чудо, а не графъ! Вѣдь этакъ....
Какого жениха искать другаго?
Вотъ парочка, и вотъ что мнѣ колдунья
Объ рыцарѣ богатомъ говорила!....
Какъ этакой душѣ не услужить!....
Пойдемъ-ка, да сочтемъ, что въ кошелкѣ-то,
много ль....

ЯВЛЕНІЕ 5.

Зала въ Орландскомъ замкѣ.

ВЕРОНИКА И АНДЖЕЛА.

АНДЖЕЛА.

Ахъ! синьора! что за свита съ вашимъ дядюшкой явилась!
Какія лошади! Что за уборы! Что за рыцари такіе —
Всѣ въ золотѣ! Ну, право, да мы прежде не видали
Слугъ столько, сколько здѣсь маркизовъ, графовъ!

Говорятъ, скажите, правда ли, синьора,
Что будутъ въ замкѣ день и ночь веселье,
Пиры, балы, турниры?

ВЕРОНИКА.

Развѣ этому ты рада?

АНДЖЕЛА.

Вотъ — не быть бы раду!

ВЕРОНИКА.

Да, чему же?

АНДЖЕЛА.

Тому, что будетъ весело.

ВЕРОНИКА.

Да, отъ чего жь, скажи,
Тебѣ-то будетъ весело?

АНДЖЕЛА.

Какъ, отъ чего, синьора?

ВЕРОНИКА.

Да, отъ чего?

АНДЖЕЛА.

Да, отъ того, что весело.

ВЕРОНИКА.

И только?

АНДЖЕЛА.

Я что-то васъ не понимаю....

ВЕРОНИКА.

Жаль!

АНДЖЕЛА.

Когда всѣ веселятся, музыка играетъ,
Смѣются всѣ, танцуютъ, разодѣты,
Какъ въ свѣтлый праздникъ — чтожъ? уже ли плакать?

ВЕРОНИКА.

Не знаю. — Помнишь ли былое время,
Когда мы съ тетушкою вмѣстѣ жили....
Тамъ не было ни музыки, ни графовъ,
Ни рыцарей, ни пира, ни турнира — а смѣялись

Мы весело, мы бѣгали, играли — помнишь ли,
бывало,
Какъ мы на берегахъ морскихъ гуляли,
А море зеркаломъ лежало безконечнымъ,
И солнца лучъ въ немъ ярко догаралъ,
И теплилась звѣзда на небѣ, какъ лампада....

АНДЖЕЛА.

Съ чего вамъ вздумалось, синьора, такъ уныло
О прошломъ говорить! То было и прошло....
Когда бы смѣла я сказать....

ВЕРОНИКА.

Чтожь? говори —

АНДЖЕЛА.

Да, вотъ —
Я одного боюсь....

ВЕРОНИКА.

Чего?

АНДЖЕЛА.

Къ вамъ, говорятъ,
Недобрый будетъ гость....

ВЕРОНИКА.

Недобрый гость?
А кто такой?

АНДЖЕЛА.

Синьора! ради Бога — вы
Не говорите, что я вамъ сказала....

ВЕРОНИКА.

Да, говори же: кто недобрый гость?

АНДЖЕЛА (*тихо*).

Графъ Уголино.

ВЕРОНИКА.

Но, чѣмъ же онъ недобрый?

АНДЖЕЛА.

Говорятъ, злодѣй онъ,
Страшный, бородатый — чуть ли онъ
Не ѣстъ людей, а какъ ихъ рѣжетъ — на поваль
Онъ, говорятъ, такую поднялъ бурю,
Когда къ Генуѣ отправлялись наши корабли,
Колдунъ проклятый.... Бѣдный братъ мой!
Ахъ! бѣдный братъ мой! Онъ тогда погибъ....
А все проклятый Уголино....

ВЕРОНИКА.

Да за чѣмъ же
Онъ будетъ къ намъ?

АНДЖЕЛА.

Не знаю, а всего-то хуже —
Съ нимъ пріѣдетъ.... Только слушайте, синьора,
Не испугайтесь, не проговоритесь....

ВЕРОНИКА.

Кто жъ еще съ нимъ будетъ?

АНДЖЕЛА.

Его племянникъ....

ВЕРОНИКА.

Также людоѣдъ?

АНДЖЕЛА.

Вотъ вы смѣетесь... Нѣтъ! его зовутъ Галлури.
Онъ такой богачъ, красавецъ, и такой... такой...

ВЕРОНИКА.

Какой же?

АНДЖЕЛА.

Право, я не знаю, почему
Его всѣ дѣвушки боятся; всѣ у насъ,
Когда услышали, что будетъ здѣсь
Племянникъ Уголино — начали креститься.
Синьора кастелянша запретила даже
И имя намъ его произносить,
А имя, право, не дурное — Нино....

ВЕРОНИКА.

Нино?

АНДЖЕЛА.

Что вы! Полно-те — вѣдь запретили
Намъ называть его по имени! Тихонько
Мнѣ разсказали страшные разсказы.
Говорятъ, есть замокъ на горѣ, и въ этомъ замкѣ
Есть комната, а въ комнатѣ ...
(звукъ трубъ).
Ахъ! Боже мой!
Синьора! убѣжимъ-те!

ВЕРОНИКА.

Что такое?

АНДЖЕЛА.

Вашъ дядюшка, и съ нимъ еще — вонъ, по-
смотрите,
Какой-то страшный, съ черной бородой пре-
длинной,
Не Уголино ли? Вы слышите — трубятъ!
Ахъ! убѣжимъ-те, ради Бога, поскорѣе —
Вамъ надо нарядиться, выходить — пойдемте!
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

РУДЖІЕРО И УГОЛИНО.

РУДЖІЕРО.

Какъ я радъ, любезный графъ, что вижу
Въ моемъ убогомъ домѣ васъ, какъ друга.
И пускай радушіе хозяина замѣнитъ,
Когда онъ васъ достойно угостить не можетъ.

УГОЛИНО.

Къ чему такія изъясненья, Руджіеро?
Великолѣпный замокъ вашъ....

РУДЖІЕРО.

Графъ Уголино!
Позвольте попросить васъ сѣсть.
Простите, что старость силъ меня лишаетъ,
И притомъ хотѣлось вамъ, какъ другу,
Всю душу, сердце все открыть.
Вамъ имя *друга* странно слышать отъ меня?
Признайтесь, будьте откровенны....

УГОЛИНО.

Признаюсь —
Такая перемѣна, Руджіеро ...

РУДЖІЕРО.

Охъ! позвольте —
Проклятый кашель....
Еслибъ сталъ я говорить,
Что бѣдствія отечества, раздоры, брани,
Междоусобія мнѣ старику ужасны —
Когда бы я сказалъ, что я хочу
Омыть раскаяньемъ предъ Богомъ жизнь мою,
Всю проведенную въ мечтахъ самолюбивыхъ,
Потерянную здѣсь и въ небѣ... Вы не повѣрить бы могли. ..

Нѣтъ, нѣтъ! я душу вамъ открою!
Тогда увидите вы искренность мою.
(*помолчавъ*)
Графъ Уголино! настоящій образъ дѣлъ
Не можетъ быть, существовать не можетъ!

УГОЛИНО.

Вы говорите....

РУДЖІЕРО.

Пусть безсмысленная чернь
Въ набатѣ вѣчевомъ, въ собраньяхъ шумныхъ.
Пусть видитъ силу, крѣпость государства.
Къ несчастью люди такъ безсмысленны, ничтожны,
Что даже ихъ счастливыми принудить должно быть,
И тотъ, кто выше всѣхъ стоитъ, тотъ долженъ,
Какъ Провидѣніе, не слушать воплей мѣлкихъ.
Какъ Божій громъ гремѣть....

УГОЛИНО.

Но, васъ ли слышу я?

РУДЖІЕРО.

Меня ли?
Перемѣнимъ рѣчь.
Теперь вы властью
Верховною отъ всѣхъ облечены:
Скажите: что вы хотите дѣлать? Неужели
Вы станете еще совѣты собирать
И слушать болтовню пустую?

УГОЛИНО (*недовѣрчиво*).

Уваженье всѣмъ правамъ, но — дѣло
Моею думою рѣшаться будетъ, графъ.
Я мечъ врагамъ противоположу,
Я войско поведу на брань, о мирѣ
Я буду говорить — я самъ!

РУДЖІЕРО.

Но, вы забыли,
Съ кѣмъ будете имѣть вы дѣло.
Вамъ *все* начать позволятъ — *ничего*
Окончить не дадутъ. Ихъ страсти, ихъ же-
ланья,
Ихъ выгоды шумѣть, кричать умѣютъ,
И если голосомъ ума имъ говорить,

Что выйдетъ въ этой башнѣ Вавилонской?
Разноголосица?.... Гдѣ семь прислужницъ
Дитя кривое тамъ бываетъ.... Ну, а мы
Не семь, а сотни двѣ, три ихъ имѣемъ....
Поняли ль меня вы, графъ?

УГОЛИНО.

Почти.... но, вы....

РУДЖІЕРО.

Что я! Старикъ безсильный.... Еслибъ два-
дцать лѣтъ
Мнѣ меньше было, еслибъ я имѣлъ дѣтей,
Я самъ бы *сдѣлалъ* то, о чемъ вамъ *говорю* —
Да, графъ, я *сдѣлалъ бы*.... Что можетъ
Противиться уму и сильной волѣ?
Графъ!

(*тихо*)

Настоящій образъ дѣлъ — нелѣпость!
Республикамъ въ Италіи не быть...
Незнаю, какъ у Римлянъ, какъ у Грековъ
Могли онѣ существовать.... хоть впрочемъ,
Были ли и тамъ онѣ.... Народъ шумѣлъ,
А кто былъ поумнѣй, тотъ дѣлалъ дѣло,

И чѣмъ же все кончалось всюду, чѣмъ?
(*на ухо Уголину*)
Единовластьемъ!
И что ходить далеко — поглядите: неужели
Республики въ Тосканѣ и въ Миланѣ?

УГОЛИНО (*забывшись*).

Нѣтъ!

РУДЖІЕРО.

И здѣсь республикѣ не быть, и здѣсь
Владыкой долженъ быть....

УГОЛИНО.

Кто?

РУДЖІЕРО (*усмѣхаясь*).

Уголино.

УГОЛИНО (*въ замѣшательствѣ*).

Вы хитро испытать меня хотите....
Вы вывѣдать мои хотите мысли....

РУДЖІЕРО.

О, Боже сохрани! на что?
Я — знаю ихъ.

УГОЛИНО (*вскакиваетъ*).

Старикъ! а ты что будешь, если герцогскій вѣнецъ
Чело украситъ Уголино — что ты будешь?

РУДЖІЕРО.

А! насилу вы заговорили такъ,
Какъ должно! Что я буду? — Графъ!
А сколько лѣтъ мнѣ? Долго ли мнѣ жить?

УГОЛИНО.

Нѣтъ! властолюбія проклятый огнь
Горитъ и надъ могилой — все, все потухаетъ
Съ годами — все проходитъ, но ему
Нѣтъ истребленья!.... Ангелы имъ пали
И человѣкъ ничтоженъ передъ нимъ!

РУДЖІЕРО.

Вы позабыли, графъ, еще одно

Одно неугасимое для сердца чувство — мщенье!

(*встаетъ*)

Оно тебѣ мой голосъ подарило,
Оно тебѣ на герцогскій вѣнецъ
Указываетъ.... Да, рука моя дряхла,
А люди есть, которыхъ пережить
Такъ сладко будетъ.... Уголино, Уголино!
Мои враги твоими будутъ ли? Скажи,
Клянись мнѣ — вотъ одно: имъ *смерть,*
Вѣнецъ тебѣ, отчизнѣ.... *счастье....*
О проклятый кашель!...

УГОЛИНО.

Только?

РУДЖІЕРО.

Да, увы! родъ славный Убальдини
Со мною кончится — вѣтвь безъ плода растетъ
На гробѣ праотцовъ.... ей скоро увядать!
Мое богатство, замки я передаю
Моей племянницѣ....

(*тихо*)

Миланской герцогинѣ!
Родъ Убальдини царствовать въ ней будетъ,

И герцогскимъ вѣнцомъ я кончу родословье,
А вкругъ моей гробницы ты поставишь
Враговъ моихъ гробницы — ты за упокой от-
служишь имъ!

УГОЛИНО.

Старикъ! клянись мнѣ Богомъ,
Клянись — мы здѣсь одни — клянись,
Что есть святаго, драгоцѣннаго на свѣтѣ....

РУДЖІЕРО.

Не лучше ль клятвъ порукой за меня
Все, что я говорилъ?
(*въ сторону*)
А, кровожадный тигръ!
Ты мнѣ попался!

УГОЛИНО (*въ сторону*).

Онъ хитритъ, лукавитъ!

РУДЖІЕРО (*вынимая свер-
токъ*).

Вы руку знаете ль Висконти? Прочитайте.

УГОЛИНО (*читая свертокъ*).

Что вижу я!

РУДЖІЕРО.

Взаимный договоръ.
Что, искрененъ ли я? Что, вамъ добра
Желаю ль я?
Графъ! руку вашу
И вѣчное молчанье!

УГОЛИНО.

Да!
(*Онъ подаетъ руку Руджіеру и читаетъ свертокъ снова*).

РУДЖІЕРО (*въ сторону*).

И вотъ какъ совершаются дѣла,
Въ которыхъ глупость видитъ и Богъ знаетъ
что —
Судьбу, величье, славу, благо....
Два нищіе лоскутья дѣлятъ —
Два графа дѣлятъ земли и людей,
А вѣдь предъ Богомъ все одно — лоскутья,
Тщета мірская, суета пустая!

Нѣтъ! кто сталъ выше, тотъ не можетъ
Не презирать и міръ сей, и его дѣла!
(*Уголину*)
Я слышу звуки трубъ — готово все
Къ торжественному вашему пріему.
Позвольте, графъ.... другъ — такъ ли?

УГОЛИНО.

Вотъ моя рука —
Названье мы пріищемъ послѣ....

РУДЖІЕРО (*улыбаясь*).

На досугѣ?

ЯВЛЕНІЕ 5.

Входятъ СЕНАТОРЫ, СИСМОНДИ, ЛАНФРАНКИ, ГВАЛАНДИ, ГОНЗАГО, *двое дѣтей Уголина, свита.*

РУДЖІЕРО.

Привѣтствую, синьоры, васъ съ пріѣздомъ.
Добро пожаловать! Графъ Уголино,
Прошу меня представить, и гостей

Увѣрить, что хозяинъ замка радъ ихъ видѣть,
Имъ радости, веселья отъ души желаетъ.

УГОЛИНО.

Графъ! мы должны просить васъ — извинить...,

РУДЖІЕРО.

Синьоры! между тѣмъ, какъ бурно загремитъ
Труба военная, повеселиться, право,
Не худо воину. Жизнь коротка....
Веселье также не бываетъ долговѣчно.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Съ одной стороны входитъ НИНО, *съ другой* ВЕРОНИКА *съ* КАЛАБРИТОЮ *и свитою.*

РУДЖІЕРО.

Позвольте мнѣ представить, графъ, хозяйку,
Мою племянницу, властительницу замка.
На завтрашнемъ турнирѣ ей царицей быть,
И побѣдителя ей увѣнчать.

УГОЛИНО.

И мнѣ,
Позвольте вамъ представить двухъ сыновъ,
И мой племянникъ Нино....

ВЕРОНИКА (*быстро взглядывая на Нино*)

Боже всемогущій!
(*въ сторону, съ трепетомъ*)
Онъ!
(*общее изумленіе*)

РУДЖІЕРО.

Какъ? что такое? И чего жь, скажи,
Ты испугалась?

ВЕРОНИКА.

Я.... я....

КАЛАБРИТА.

Милая синьора,
Что съ вами?

ВЕРОНИКА.

Ничего.

РУДЖІЕРО (*въ сторону*).

Здѣсь тайна есть

Какая-то....

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ — право, ничего....

(*въ сторону*)

Онъ — рыцарь мой!

РУДЖІЕРО (*Уголину*).

Графъ! извините робости дѣвичьей.
Она взросла въ уединеніи, у тетки,
Почти въ монастырѣ; ей въ первый разъ
Являться привелось въ такомъ собраньи,
Гдѣ взоры ослѣпляютъ блескъ и слава
Именъ великихъ. — Какъ сердечно радъ я,
Что вижу здѣсь всѣхъ, кто былъ разлученъ
Враждою прежде — всѣхъ насъ дружба соединяетъ.

УГОЛИНО.

Забудемъ прошлое, и я увѣренъ,
Что каждому здѣсь радостно увидѣть
Въ лицѣ хозяина того, чье имя
Извѣстно мудростью совѣта.

РУДЖІЕРО.

Вѣрьте мнѣ,
Что душу бы мою готовъ я вамъ раскрыть,
Чтобъ видѣлъ каждый изъ моихъ гостей,
Мое усердіе вамъ дружбу доказать!
Графъ Нино! въ первый разъ я васъ встрѣчаю,
Какъ друга, но повѣрьте, юноша, повѣрьте,
Что имя Нино я давно любилъ, какъ имя
Того, кто въ будущемъ великое готовитъ
Отчизнѣ знаменитой, и теперь, когда
Насъ ангелъ благодати миромъ осѣнилъ,
Я васъ прошу — мое поставьте имя
На сердцѣ вашемъ, вмѣстѣ съ славнымъ,
Великимъ именемъ отца втораго, Уголино.

НИНО.

Какъ бы я желалъ вамъ разсказать,
Почтенный графъ, все то, чѣмъ сердце полно.
Но бѣдны чувства, если мы умѣемъ
Ихъ выражать словами! Я клянусь отнынѣ
Вамъ посвятить мой мечъ и руку — нѣтъ!
Я не привыкъ скрывать сердечныхъ чувствъ.
Воспитанный въ бояхъ, я не привыкъ таить

Ни ненависти, ни любви, и — для чего таить?
Жизнь воина единый день — быть может,
На завтра бой, и — нѣтъ его!
Графъ Руджіеро!
Теперь, когда васъ дружба съединяетъ
Съ моимъ почтеннымъ дядей — смѣло я
Вамъ предлагаю укрѣпить ее сильнѣе!
Позволите ли мнѣ, какъ воину, вамъ прямо
Все высказать единымъ словомъ?

РУДЖІЕРО.

Юный другъ!
Чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ больше будетъ
Мнѣ наслажденія васъ слышать. Говорите!

НИНО.

Когда раздоры и вражды погибли
Въ союзѣ вашемъ съ дядею моимъ,
Пусть родъ вашъ знаменитый съединится
Съ тѣмъ родомъ, что донынѣ былъ врагомъ,
Гонителемъ всѣхъ графовъ Убальдини!

РУДЖІЕРО.

Что говорите вы?

УГОЛИНО.

Чо это значитъ, Нино?

НИНО.

Быть можетъ, предложеніе мое не кстати;
Быть можетъ, надобно какимъ нибудь обрядомъ,
Приличіемъ его облечь.... Прочь всѣ обряды,
Когда душа заговорила!
Графъ Руджьеро!
У васъ въ рукахъ и жизнь моя и смерть —
Осмѣлюсь ли просить у васъ?

РУДЖІЕРО.

Чего просить?

НИНО.

Согласья вашего на бракъ
Съ племянницею вашей Вероникой.

ВЕРОНИКА (*въ сторону*).

Ахъ! что я слышу!

УГОЛИНО (*въ сторону*)

Адскій демонъ!

ГОНЗАГО (*въ сторону*).

Вотъ-те на —
Зарѣзалъ!

РУДЖІЕРО.

Что такое? Чей бракъ?

ПИНО.

Я предлагаю
Ей руку, и любовь и жизнь мою....

УГОЛИНО (*едва скрывая бѣшенство*).

Но.... прежде,
Мнѣ кажется.... ты долженъ испросить
Мое согласье....

ПИНО.

Ваше?.... Не уже ли
Вы несогласны будете, мой дядя?

РУДЖІЕРО.

Такъ неожиданно мнѣ ваше предложенье,
Графъ Пино.... Посмотрите — все собранье
Вы привели въ смущенье вашимъ словомъ.

НИНО.

Но отъ чего, скажите, вамъ смущаться?
Я въ правѣ предложить союзъ родства,
Когда въ васъ вижу друга.

РУДЖІЕРО.

Такъ.... но....

НИНО.

Я ненавижу ваши *но* — скажите: *да*,
Иль *нѣтъ!* Вотъ тѣ слова, которымъ должно
Въ устахъ быть человѣка, если онъ
Хитрить или губить не хочетъ!

РУДЖІЕРО.

Но самое согласіе невѣсты.... Въ первый разъ
Ее вы видите....

НИНО.

Нѣтъ! я не въ первый разъ
Теперь ее увидѣлъ!

РУДЖІЕРО.

Какъ не въ первый разъ!
Когда же? Гдѣ?

НИНО (*въ сторону*).

Я позабылся.

РУДЖІЕРО (*въ сторону*)

Хмъ! понимаю — сплетни! О, проклятый бабій
родъ!
Смиренница! Она дрожитъ, потупила глаза.
(*Нину*)
Графъ Нино! чувства ваши....

НИНО.

О, какія чувства....
Какъ этимъ словомъ называть, когда душа моя
Когда и рай и адъ въ одномъ слились,
Когда любовь моя....

РУДЖІЕРО.

Позвольте, графъ, позвольте
Напомнить вамъ, что дѣвушкѣ такія рѣчи слы-
шать,
Въ присутствіи другихъ, когда ея рука....

НИНО.

Договорите!

РУДЖІЕРО.

Слушать.... неприлично....

НИНО.

Неприлично? —
Когда о дружбѣ вы своей такъ громко,
Такъ пышно говорили намъ — зачѣмъ же,
Зачѣмъ же о любви моей вамъ не сказать?
Будь прокляты приличія, какими,
Какъ бы змѣей шипящей, вы обвили
Всѣ ваши чувства, мысли и слова!

УГОЛИНО (*съ гнѣвомъ*).

Ты ль смѣешь....

РУДЖІЕРО.

Графъ, почтенный другъ! остановитесь.
Мнѣ даже лестно слышать этотъ смѣлый голосъ,
Мнѣ даже радостно увидѣть эту пылкость,
Я откровенностью моей готовъ платить....

НИНО.

Ахъ! говорите, говорите!

РУДЖІЕРО.

Мнѣ подумать должно....

НИНО.

О чемъ подумать?

УГОЛИНО.

Для чего же не сказать открыто,
Почтенный графъ....

НИНО.

О, ради Бога, все скажите!

УГОЛИНО.

Узнай же, что рука графини Вероники
Давно уже обѣщана другому.

НИНО.

Какъ? Другому?
Но гдѣ же онъ? Кто онъ?

УГОЛИНО.

Миланскій Герцогъ!

ВЕРОНИКА.

Что слышу!

(*лишается чувствъ*).

ВСѢ.

Боже мой! Графиня! Вероника!

РУДЖІЕРО.

Ничего!
Такъ, маленькій испугъ....

(Калабрита и свита уводятъ Веронику).

Не безпокойтесь,
Почтенные синьоры — ничего!
Графъ Пиппо!
Мнѣ жаль, что съ первой встрѣчей съ вами,
Я васъ такъ огорчаю, но оставимъ это.
Позвольте мнѣ подумать, дайте время,
Увидимъ мы — еще не кончено — увидимъ —
А между тѣмъ — мнѣ дружбу вашу!

ПИППО *(безмолвный среди общаго смятенія).*

Въ самомъ дѣлѣ,
Простите, графъ, я долженъ вамъ казаться
Смѣшнымъ.... Глупецъ, мальчишка!
Я не зналъ приличій, смѣлъ вамъ говорить,
Все, что подсказывали сердце и душа....

РУДЖІЕРО.

Помилуйте! Племянникъ друга моего,
Племянникъ Уголино.... Мы увидимъ,
Любезный юноша! поговоримъ....
Синьоры,
Графъ, гость любезный! всѣхъ прошу васъ
Пожаловать за мной — убогимъ угощеньемъ
Не оскорбитесь....

(всѣ, кромѣ Нино и Гонзаго, уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ 9.

НИНО И ГОНЗАГО.

ГОНЗАГО.

Какъ ты хочешь говори,
А это, напрямки, безумство! Разъ увидѣть,
Влюбиться и съ ума сойдти, и съ первымъ словомъ
Просить руки — все разболтать — на что это похоже?

И во первыхъ, Веронику я не уступлю,
А во вторыхъ, старикъ давно ужь обѣщалъ....
Да, ты не слышишь ничего... Эй, Нино, Нино!

НИНО.

Что надобно тебѣ?

ГОНЗАГО.

Я говорю, что ты....

НИНО.

Насъ звали, кажется, на угощенье?....
Пойдемъ — напьемся пьяны....

ГОНЗАГО.

Нѣтъ! о Вероникѣ....

НИНО.

О Вероникѣ? Слушай ты, глупецъ,
Ты, попугай, сорока-щебетунья! если ты
Еще осмѣлишься хоть слово
Сказать о Вероникѣ, имя произнесть ея,
Объ ней подумать — я клянусь тебѣ, что я...

ГОНЗАГО.

Вы забываетесь, графъ Нино! Я Гонзаго,
Я дворянинъ, хоть и не графъ...

НИНО.

Я забываюсь? Я сказалъ тебѣ...

ГОНЗАГО.

Ахъ! Санъ-Джьованни! помѣшался онъ, рях-
нулся
(*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10.

НИНО (*одинъ. Онъ долго стоитъ задумчивый*).

Да, они смирились на злодѣйство! Демонъ злобы
Въ нихъ страшно угнѣздился — въ каждомъ
взорѣ ихъ,
Онъ, онъ сверкалъ своими адскими очами!
А я, безумецъ, имъ повѣрилъ, я заговорилъ
Такъ съ ними, какъ бы ангелы могли

Съ другими только ангелами говорить!
Нѣтъ! я не уступлю имъ — нѣтъ! она моя,
И Богъ свидѣтель мнѣ, что прежде
Холодный трупъ мой ляжетъ на помостѣ храма,
И только черезъ трупъ мой, Вероника,
Съ другимъ ты подойдешь къ святому алтарю!
Нино, падшій ангелъ! ты, донынѣ
На человѣка только образомъ похожій,
Ты, славою разврата изумлявшій,
Ты ль смѣешь думать, чтобъ она, невинный ангелъ,
Тебѣ свою судьбу и душу отдала!
А если Вероника.... Нѣтъ! въ ея небесномъ взорѣ
Ея душа моей душѣ сказалась!
Вероника!
Кого ты сыщешь въ мірѣ, кто бы такъ любилъ
Чье сердце было бы тебя достойнѣй
Любовью чистой! Демона жилище —
Ты въ храмъ святой любви преобразила!
Я долженъ видѣть, говорить тебѣ — все, все сказать,
И — страшно, страшно.... ежели меня отвергнутъ!

Я разтерзаю — ее, себя, весь міръ — я изу-
млю злодѣйствомъ!
Тѣни ада содрогнутся, и — покойники въ гро-
бахъ
«Спасибо» скажутъ, что успѣли умереть.... Къ
ней, къ ней!
Старуха эта, кормилица, за золото мое
Дастъ средство мнѣ ее увидѣть, и хоть разъ
На что нибудь оно, проклятое, годится....
Они идутъ — *друзья* и *люди!*.... Нѣтъ!
Они насмѣшка на людей и на друзей!
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

УГОЛИНО И РУДЖІЕРО.

РУДЖІЕРО.

Вы огорчаетесь, почтенный другъ. — Я вижу,
Вы такъ не веселы....

УГОЛИНО.

Прискорбно мнѣ,

Что мой племянникъ сумасшедшій
Васъ оскорбилъ при первой встрѣчѣ....

РУДЖІЕРО.

Да, это точно было странно нѣсколько — од-
накожь,
Зачѣмъ же огорчаться?

УГОЛИНО.

Я вамъ долженъ откровенно
Сказать, что нравъ его неукротимый былъ
Источникомъ мнѣ скорби и печалей;
Онъ росъ, какъ львенокъ; страсти огневыя
Въ груди его кипѣли буйно; при его богатствѣ,
При бѣшеномъ характерѣ его,
Онъ идоломъ и страхомъ черни сталъ безумной
И молодыхъ друзей своихъ, ему подобныхъ.

РУДЖІЕРО (*усмѣхаясь*).

Я — знаю нѣсколько его....

УГОЛИНО (*мрачно и недо-
вѣрчиво*).

Мнѣ непонятна

Любовь его — гдѣ, какъ, когда онъ могъ увидѣть
Графиню Веронику?....

РУДЖІЕРО.

Право, я не знаю.

УГОЛИНО.

И почему онъ вздумалъ предложенье,
Мнѣ не сказавши, такъ торжественно изречь,
Какъ будто яблоко хотѣлъ раздора бросить?
Графъ! какъ вы думаете, что причиной было
Такихъ поступковъ?

РУДЖІЕРО.

Право, я не знаю.

УГОЛИНО.

И я не понимаю....

РУДЖІЕРО.

Молодость и пылкость
Едвали не причиною всему.

УГОЛИНО.

И вы
Не огорчаетесь?

РУДЖІЕРО.

Мы послѣ объяснимся.
Пойдемъ-те, мой любезный гость!

УГОЛИНО.

Пойдемъ-те.
(въ сторону)
И если хитрости твои таятся
Въ его безумін — напрасно ты хитришь!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Садъ замка Орландскаго. Ночь.

ВЕРОНИКА И КАЛАБРИТА.

КАЛАБРИТА.

Куда жь спѣшите вы, синьора — тише — такъ темно!

ВЕРОНИКА.

Ты мнѣ сказала — здѣсь онъ ждетъ меня.

КАЛАБРИТА.

Вотъ то-то дѣвушки!.... Охъ, вы, синьора!
Такая скромница — а все до человѣка,
До молодаго, ловкаго синьора, первой встрѣчи
Съ такимъ, котораго и сердце выбираетъ,
Который же притомъ и молодецъ собой,
Уменъ, красивъ, богатъ....

ВЕРОНИКА (*въ сторону*).

Презрѣнная старуха!
Что говоритъ она! Какъ вѣситъ
На золото святыя чувства сердца!

ЯВЛЕНІЕ 13.

НИНО (*робко подходитъ*).

Вероника! я смѣлъ ли думать.... О, позвольте
мнѣ
Стать на колѣни передъ вами, ангеломъ небес-
нымъ!

Но вы дрожите — вы меня боитесь, вы.... Одно лишь слово—
Я удалюсь....

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ! я васъ не боюсь....

КАЛАБРИТА.

Что жь васъ бояться,
Синьоръ?

НИНО.

Ахъ! ангелъ благодатный! Нѣтъ ни словъ,
Ни выраженій — разсказать вамъ все, что здѣсь таится,
Что бурнымъ моремъ мнѣ колеблетъ грудь....
Ахъ! Вероника!

ВЕРОНИКА.

Нино!

НИНО.

«Нино!».... Повтори еще,
Скажи еще мое мнѣ имя, Вероника!
Мнѣ кажется, что рѣчь твоя, что голосъ твой,

Какъ пламень, очищаютъ это имя,
Презрѣнное, грѣхомъ униженное имя....

ВЕРОНИКА.

Нино!

НИНО.

О, дайте мнѣ слова — о, дайте рѣчи мнѣ,
Которыми умѣлъ бы я сказать,
Все, что внушилъ мнѣ взоръ ея небесный!
Было время то, когда я, чистъ душею,
Любилъ людей, какъ братьевъ — имъ добра
желалъ,
Для нихъ всемъ жертвовалъ — какъ платы,
Ихъ требовалъ любви, и — страшно заплатили
Они обманомъ, ненавистью мнѣ!
Прости мнѣ, Вероника — я возненавидѣлъ ихъ;
Мнѣ сладко было унижать ихъ — да, смѣяться
Надъ ихъ разсчетами, страстями,
Игрушками ихъ честолюбія слѣпаго,
Корыстными восторгами любви
И позолоченой ихъ дружбой — презиралъ я
ихъ,
И въ цѣломъ мірѣ я не находилъ

Такого сердца, съ кѣмъ хотѣлъ бы подѣлиться,
Такой руки, которую хотѣлъ бы,
Какъ руку брата, къ сердцу прижимать —
Я выросъ сиротой!

ВЕРОНИКА.

И я!

НИНО.

Ни братьевъ не знавалъ я, ни сестры....
Мрачной бездной мнѣ казался міръ —
Я освѣтить его хотѣлъ страстей пожаромъ —
И въ немъ моя сгорѣла вѣра въ сердце!

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ! ты остался чистъ душею, Нино!
Ахъ! я не полюбила бы тебя....

НИНО.

Ты любишь
Меня! Святые ангелы! внимайте! Вероника!
Позволь мнѣ плакать предъ тобою,
Какъ плакалъ праотецъ, изгнанникъ рая!
Но я — я нелюблю тебя — нѣтъ! это слово
Выдумано человѣкомъ — потемнѣно оно....

Скажи мнѣ, какъ у васъ на небѣ говорятъ?
Да, тамъ не говорятъ!
Я въ первый разъ постигнулъ
Весь этотъ рай души, все чувство неба на землѣ,
Когда тебя узналъ — жить тобою началъ, Вероника!
Міръ Божій просвѣтлѣлъ моимъ очамъ....
Скажи мнѣ, Вероника, говори:
Чего ты хочешь — жизни, смерти?
Ты видѣла, какъ смѣло я сказалъ
Презрѣннымъ людямъ этимъ — я сказалъ имъ,
Что ты моя, моею быть должна....
Они меня отвергли съ посмѣяньемъ!
Они осмѣлились меня отвергнуть —
Располагать тобой они дерзаютъ!
Вероника! знаешь ли кто твой женихъ?
Уродливый старикъ, Миланскій Герцогъ —
Чудовище, поставившее власть
На трупахъ, на потопахъ крови!
Тебя ему передадутъ рабыней,
Какъ куплю совершатъ союзъ сердецъ!

ВЕРОНИКА.

Нино! спаси меня!

Ни людей, ни свѣта я не знаю,
Но тебя я знаю такъ давно!
Когда услышала я голосъ твой —
Онъ былъ родной, знакомый сердцу моему;
Когда я встрѣтила твой взоръ горящій —
Онъ былъ звѣздою счастья моего!
Ты мнѣ родной, ты братъ мнѣ....

НИНО.

Твой супругъ!
Насъ сочетали тайныя судьбы —
Не разорвать союзъ нашъ человѣку!

ВЕРОНИКА.

Въ чудныхъ сердца сновидѣньяхъ
Твой видала образъ я!
Грусть, тоска меня терзали,
Ныло сердце, грудь тѣснилась —
И такъ весело мнѣ стало,
Такъ мнѣ радостно, легко,
Съ той поры, когда я, Нино,
Средь толпы людей мнѣ чуждыхъ,
Распознала образъ твой!

НИНО.

Вероника! пусть другимъ богатство, слава —
Мнѣ одну тебя, одну мнѣ Веронику....
Убѣжимъ — насъ ждетъ святой алтарь!
Удалимся далеко — въ пустыни;
Убѣжимъ на дикій берегъ моря —
Дальше, дальше отъ людей мы убѣжимъ!
Душно, тяжко здѣсь — легко, свободно тамъ.

Тамъ одни, одни мы будемъ,
Тамъ весь міръ мы позабудемъ —
Жизнь мгновеньемъ промелькнетъ....

ВЕРОНИКА.

А за гробомъ, Нино, Нино!
Вѣчность тамъ любви святой!....

НИНО.

Безъ вѣры нѣтъ любви —
Ты вѣришь ли мнѣ, Вероника,
Если я тебѣ не буду клясться?
Клятва — преступленья тѣнь....
Будь моею, ангелъ, будь моею!....

ВЕРОНИКА (*въ его объятіяхъ*).

Я твоя!

ИНИО.

Вероника! зачѣмъ не умремъ мы съ тобою въ это блаженное мгновеніе — я боюсь — оно пролетитъ....

ДѢЙСТВІЕ III.

—

ЯВЛЕНІЕ 1.

Прежняя зала въ замкѣ Орландскомъ.

РУДЖІЕРО (*одинъ*).

Все къ лучшему. Что можетъ наша мудрость?
Я вѣрилъ такъ всегда, что половина дѣлъ
Зависитъ отъ ума — другая.... Отъ чего?
Богъ знаетъ! Такъ, ни отъ чего. Пусть люди
Зовутъ случайностью, удачею, судьбою,
А *что-то* есть на свѣтѣ лучше нашего ума,
И хорошо, какъ это «что-то» намъ дружитъ...
Да, непріятно! Что заговорятъ, что скажутъ?
Что жь — ничего не скажутъ — пусть ихъ говорятъ.
Тѣмъ лучше, если есть на драку языкамъ
Какая нибудь сплетня; пусть она закроетъ

То, знать чего другимъ не надобно, чего не
смѣемъ мы
Своей подушкѣ довѣрять. Теперь осталось
Воспользоваться.... Ей за нимъ не быть!
Племянникъ съ дядей перессорятся, а рыбу
Въ водѣ ловить ловчѣе мутной.... Да,
Мнѣ кажется синьоръ Гонзаго
На это дѣло годенъ — онъ довольно глупъ,
Довольно знатенъ, промотался, былъ влюбленъ
немножко....
Прекрасно!....

ЯВЛЕНІЕ 2.

РУДЖІЕРО И ГОНЗАГО (*входитъ*).

РУДЖІЕРО.

Здравствуйте, синьоръ Гонзаго!
Извините — я васъ звать къ себѣ велѣлъ.

ГОНЗАГО.

Почтенный графъ!

РУДЖІЕРО.

Садитесь-ка поближе.

Я старъ и дряхлъ — глухъ становлюсь.... Охъ!
старость....

ГОНЗАГО.

Чѣмъ дряхлѣе тѣло, тѣмъ свѣтлѣе умъ.

РУДЖІЕРО.

Ахъ! да, вѣдь вы поэтъ, синьоръ Гонзаго!
Я съ молоду самъ писывалъ стихи —
Плохіе — потому и пересталъ писать,
Но все стихи люблю и слушать радъ.....

ГОНЗАГО.

Угодно ль
Вамъ, графъ, прослушать....

РУДЖІЕРО.

Съ радостью, но — послѣ.
Признаюсь, мнѣ съ вами откровенно
Поговорить хотѣлось бы — отъ васъ услуги
Потребовать....

ГОНЗАГО.

Скажите, графъ!

РУДЖІЕРО.

Я знаю,
Вы мою племянницу любили—не скрывайтесь!
Зачѣмъ скрывать святое чувство?

ГОНЗАГО.

Да,
Я такъ ее любилъ, какъ нимфа Геро
Любима не была Леандромъ, и какъ Дафну
Любить не могъ золотовласый Аполлонъ!

РУДЖІЕРО.

Вотъ видите, мнѣ это было ясно,
И даже часто думалось, что родъ Гонзага
Могъ породниться съ родомъ Убальдини.
Промежду многихъ молодыхъ людей,
Я видѣлъ одного, который счастье
Племянницы составить могъ....

ГОНЗАГО.

Какъ, графъ,
Вы даже думали?

РУДЖІЕРО (*вздыхая*).

Что было, то прошло!

ГОНЗАГО.

Проклятый Нипо! ты мое разрушилъ счастье!
О, гибелью тебѣ, да будетъ каждый шагъ....

РУДЖІЕРО.

Да, можно ль было ожидать, скажите,
Чтобы она, такая скромная дѣвица,
Такого знатнаго происхожденья....

ГОНЗАГО.

Съ такой душею!....

РУДЖІЕРО.

Да, съ такой душею —
Могла....

ГОНЗАГО.

Съ такимъ небеснымъ взоромъ!

РУДЖІЕРО.

Да, съ такимъ небеснымъ взоромъ —
Могла предаться буйному повѣсѣ,

Забыть и родъ, и санъ свой — убѣжать,
Позоромъ голову мою покрыть сѣдую....
Горе, горе старику!

ГОНЗАГО.

Всѣмъ горе,
Всѣмъ, кто любилъ ее, а кто же,
Кто не любилъ ее?

РУДЖІЕРО.

Синьоръ Гонзаго!
Извините — это не безчестье,
Когда случается, что знатный родъ
Нуждается въ бездѣлицахъ наружныхъ....
Я знаю — предки ваши вамъ немного
Оставили, и это... Ну! кто молодъ не бывалъ...
(*усмѣхаясь*)
Вы не оставите въ наслѣдство дѣткамъ!

ГОНЗАГО.

Синьоръ!....

РУДЖІЕРО.

Мое усердье говоритъ....
Могу ли предложить вамъ, такъ, какъ другу?
Мой кошелекъ — къ услугамъ вашимъ.

ГОНЗАГО.

Графъ!

РУДЖІЕРО.

Вы были молоды. Настало время
Вамъ за дѣла приняться. Если только вы
Согласны слушаться моихъ совѣтовъ —
Я полюбилъ васъ — душу вамъ открою:
Средь буйной этой, наглой молодежи
Мой взоръ давно васъ отличилъ, давно....
Вамъ многаго надѣяться возможно.

ГОНЗАГО.

Графъ! если я могу —

РУДЖІЕРО.

Довольно — болѣе ни слова,
И первое условье наше будетъ —
Довѣренность и тайна!

ГОНЗАГО.

Я клянусь вамъ Богомъ,
Клянусь моей безсмертною душею....

РУДЖІЕРО.

А денегъ, ежели вамъ нужно, хоть теперь.

ГОНЗАГО.

Немного, графъ....

РУДЖІЕРО.

Хоть много....

ГОНЗАГО (*въ сторону*).

Что за счастье!
Да, я ему готовъ служить!

РУДЖІЕРО (*въ сторону*).

Идетъ на уду!
(*Гонзагу*)
Хмъ! Тутъ.... вотъ, какъ бы это... вотъ въ чемъ дѣло:
Побѣгъ племянницы меня безславитъ —
Я долженъ воротить ее въ отцовскій домъ,
И разорвать союзъ, столь беззаконный,
Безславный! Можете ль принять вы на себя:
Открыть убѣжище ихъ, отыскать —

ГОНЗАГО.

Потомъ?

РУДЖІЕРО.

Рука племянницы свободна будетъ.

ГОНЗАГО.

Я слышалъ....

РУДЖІЕРО.

Я могу отдать ее тому,
Кто мнѣ понравится. Я очень понимаю....
Исторія побѣга? У нея вѣдь восемь замковъ,
И мужъ ея мнѣ другомъ будетъ; золота довольно
Есть въ кладовыхъ ея отца. Былъ слухъ,
Что я готовилъ женихомъ ей — Богъ знаетъ кого....
Неправда! Я искалъ лишь только человѣка
Мнѣ по сердцу — будь герцогъ онъ, будь чѣмъ угодно....

ГОНЗАГО.

Но, графъ....

РУДЖІЕРО.

Да, разумѣется, ея любовь, побѣгъ....
Но женщины любовь что вѣтеръ:

*

Сегодня дулъ оттуда, завтра будетъ дуть
Отсюда, а побѣгъ ... ужь ли бояться
Молвы пустой? Что смѣютъ намъ сказать,
Когда мы золотомъ залить имъ горло можемъ?

ГОНЗАГО.

Графъ! правы, во всемъ вы правы!.... Боже
мой!
Тутъ даже есть поэзія въ рѣчахъ, въ сужденьяхъ вашихъ....
Но — вотъ что....

РУДЖІЕРО.

Говорите.

ГОНЗАГО.

Ипно —
Такой ужасный человѣкъ!...

РУДЖІЕРО.

А Уголино
Его немного поужаснѣй!.... Знаете-ль, что дядя
Взбѣшенъ, и мечется, какъ сумасшедшій?
Если только мы откроемъ и узнаемъ

Убѣжище любовниковъ счастливыхъ,
И Уголину вы туда найдете путь,
И доведете къ нимъ....

(*Гонзаго изумляется*).

Ужъ ль могли вы вѣрить,
Что мы на вѣки помирились съ нимъ?
Миръ стоитъ до ссоры, ссора до другаго мира.
Мой родъ пусть лучше истребится,
Чѣмъ съ родомъ Герардески породнится!
Племянникъ не уступитъ дядѣ — онъ злодѣй,
А этотъ Уголино — такъ онъ руки размахнулъ,
Что друга зашибить ошибкой можетъ.
Благоразуміе велитъ остерегаться... Тотъ
Все выиграетъ, кто тихонько, сидя
На берегу морскомъ, погоды будетъ ждать....
(*въ сторону*)
Что я навралъ ему такое?

ГОНЗАГО.

Понимаю,
Графъ! понимаю — вы великій человѣкъ,
Вы Юлій Цезарь, вы Филиппъ, Периклъ, Октавій....

РУДЖІЕРО.

Тише — сюда идутъ — подите въ комнату мою
По переходу этому — тамъ васъ не пустятъ —
Вотъ перстень мой — его лишь только покажите....
Я къ вамъ приду, и мы поговоримъ еще ...

(Гонзаго уходитъ).

Изрядно!.. . Глупая овечка эта тигра
Къ добычѣ доведетъ — они передерутся
И Нино будетъ мой... Однимъ ударомъ
Двухъ змѣй я зашибу. Ну, а Миланскій герцогъ,
Онъ не такой дуракъ, чтобъ началъ дорожить
Любовью первой — нѣтъ! онъ и второй доволенъ будетъ.
Онъ человѣкъ почтенный, умный — что ему любовь?
А, Уголино! Онъ бѣжитъ! Я понимаю:
Тамъ, видно, шевелятся наши горожане;
Имъ горькой показалась та пилюлька,
Какую я, кой какъ, изъ Уголино сдѣлалъ....

ЯВЛЕНІЕ 3.

УГОЛИНО И РУДЖІЕРО.

УГОЛИНО.

Графъ! страшныя дѣла....

РУДЖІЕРО.

Что? Новости?

УГОЛИНО.

А слухи
Еще страшнѣе!

РУДЖІЕРО.

Въ самомъ дѣлѣ?

УГОЛИНО.

То совсемъ не новость,
Что заманивши на богатый пиръ,
Врагъ, примирившійся наружно,
Подноситъ чашу яда старому врагу....

РУДЖІЕРО.

Ужь ли бываетъ это?

УГОЛИНО.

То совсемъ не новость,
Что насъ изъ-за угла, въ домахъ друзей,
Нерѣдко ждетъ кинжалъ убійцы....

РУДЖІЕРО.

Ахъ! Господи!

УГОЛИНО.

И то совсемъ не новость,
Что хитрый умъ, стараясь насъ опутать
Сѣтями, самъ запутается въ нихъ!

РУДЖІЕРО.

Къ чему всѣ эти рѣчи, графъ?

УГОЛИНО.

Я изумился —
Я изумлялся, глупецъ, когда увидѣлъ
Любовь и связь между племянникомъ моимъ
И вашею племянницей.... Прекрасно
Вы прикрыть умѣли вашу хитрость, и побѣгомъ
Всѣ подозрѣнья отдалить.

РУДЖІЕРО.

Позвольте....

УГОЛИНО.

Нѣтъ! мнѣ позвольте!.... Кто, скажите, слухи
Сенату передалъ, что я стремлюсь
Стать надъ толпою дураковъ, и скоро
Санъ герцога верховный принимаю?
Кто возмутилъ противъ меня народъ,
На площадяхъ кричать его заставилъ,
И всѣ намѣренья мои, всѣ планы
Открылъ?

РУДЖІЕРО.

Когда ужь стали говорить
И буря зашумѣла вамъ на встрѣчу —
Теперь-то, мой почтенный другъ,
Явитесь мужемъ — прямо къ бурѣ, прямо,
И грудью вынести ее!

УГОЛИНО.

А средства гдѣ?

РУДЖІЕРО.

Гдѣ средства?

(указывая на голову, карманъ и кинжалъ)

Здѣсь, и здѣсь и здѣсь.

Мы дружно съ вами....

УГОЛИНО.

Стой, змѣя сѣдая,
Пока ты не раздавлена моей пятой!
Скажи, кто въ комнату мою, въ твоемъ здѣсь замкѣ,
Прокрался тайно, всѣхъ пажей перепоилъ,
Снялъ стражу, и похитилъ всѣ бумаги,
Бумаги важныя, и ихъ сенату
Поспѣшно передалъ? И чьимъ навѣтомъ
Оставили меня всѣ молодые
Друзья племянника, и тамъ соединились
Съ народомъ буйнымъ? Ты, да, ты,
Старикъ коварный, обаялъ меня и выдалъ
Всѣ тайны, всѣ переговоры, всѣ сношенья
Съ Генуею, Тосканою и Луккой!
Твой родъ проклятый съ родомъ Герардески

Ты сочеталъ! Скрываться поздно мнѣ,
Иду на смерть или погибель, но — коварный
врагъ,
Не радуйся — ты, ты въ моихъ рукахъ!

РУДЖІЕРО.

Къ чему жь и мнѣ скрываться.... Что жь?
Ужели вы полагали,
Графъ Уголино, будто въ самомъ дѣлѣ я
Вамъ другомъ буду? Полноте! Не на землѣ
искать
Такихъ затѣй ребяческихъ.... А, право, жаль
мнѣ,
Что мы не поняли другъ друга, и на что
Мнѣ грѣхъ чужой навязывать: родъ Убальдини
Родствомъ съ тобой безславить я не сталъ бы
За цѣну рая, и небесъ и ада!
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! все другое, но не это!
Своею дряхлою рукой отродье ихъ,
Когда имъ милосердый Богъ его даруетъ —
Хоть и грѣшно, да надобно сказать —
Я расшибить готовъ о камень.... Нѣтъ!
Безъ умысловъ моихъ племянникъ твой
Похитилъ дочь, племянницу мою!

(*усмѣхаясь*).

А ежели друзья его теперь возстали
Противъ васъ, графъ, и этотъ смѣлый сонмъ
ихъ
Ко мнѣ идетъ — я радъ, что случай такъ
устроилъ....
Что жь? извините!

УГОЛИНО.

Онъ смѣется! Онъ дерзаетъ....
Смердящій червь! Нѣтъ, нѣтъ! со мной раз-
счеты
Ты кончишь въ сей же мигъ, и будь что бу-
детъ,
Ты съ мѣста не сойдешь....

РУДЖІЕРО.

Графъ! извините!
Кинжаломъ я владѣть еще не разучился.
(*вынимаетъ кинжалъ*)

УГОЛИНО (*вырывая у него
кинжалъ*).

Презрѣнный старичишка!

РУДЖІЕРО.

Вы забыли, графъ,
Что вы въ моихъ владѣньяхъ!

УГОЛИНО.

Нѣтъ!
Гдѣ сильный можетъ смѣлою рукой
Повелѣвать — тамъ все его владѣнье!
Мнѣ руку замарать твоею кровью стыдно —
Сюда, друзья, сюда!
(входятъ воины Уголина)

РУДЖІЕРО.

О, если такъ....
Насиліе!.... На всякій случай мѣры
Мной приняты — кричать я громко не могу.
Но все еще позвать защитниковъ смогу!
(хлопаетъ въ ладоши; входятъ его воины).

УГОЛИНО.

Возмите графа Руджіеро!

ВОИНЫ РУДЖІЕРО *(обнажая мечи).*

Прочь!

РУДЖІЕРО.

Графъ Уголино!
Меня не выдадутъ, повѣрьте — такъ на что же
Кровь проливать напрасно? Вамъ счастливый
путь —
Вы можете изъ замка ѣхать безопасно.
На угощеньи не взыщите, ради Бога —
А мы увидимся, и скоро — но не здѣсь — про-
стите!
(онъ кланяется и уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ 4.

УГОЛИНО И ВОИНЫ.

И я далъ обмануть себя — ему — скелету,
Чуть живому старичишкѣ.... О позоръ
Безславье! Онъ успѣлъ узнать всѣ тайны....
Теперь одна надежда — смѣло, туда,
Въ толпу безумцовъ, и мечемъ,
Заставить покориться....
Еслибъ самый адъ
Мнѣ средства далъ — я ада бы не струсилъ

И съ демономъ вступилъ въ переговоры!....
Готово ль все къ отъѣзду?

ОДИНЪ ИЗЪ ВОИНОВЪ

Все готово.
Мы ждемъ лишь васъ, синьоръ....

→•←

ЯВЛЕНІЕ 6.

ГОНЗАГО (*входитъ*).

Позвольте, графъ,
Мнѣ слова два сказать вамъ....

УГОЛИНО.

Говори.

ГОНЗАГО.

Но безъ свидѣтелей желалъ бы я....

УГОЛИНО.

А кто ты?
Убійца....

ГОНЗАГО.

Видите — я безоруженъ — вы меня забыли?

УГОЛИНО.

А, въ самомъ дѣлѣ — это вы, синьоръ Гонзаго,
Другъ моего племянника! И что жь угодно
вамъ?

ГОНЗАГО.

Я знаю, графъ, какъ тяжко
Вамъ было все, что здѣсь произошло —
Побѣгъ Галлури съ Вероникой....

РУДЖІЕРО.

Что же вы, смѣяться
Пришли?

ГОНЗАГО.

Нѣтъ! средства вамъ доставить
Расторгнуть ихъ союзъ!.... Я знаю,
Гдѣ скрылись Нино съ Вероникой.

УГОЛИНО.

Что жь мнѣ въ этомъ?
Въ какомъ нибудь они сокрылись замкѣ,
Гдѣ тысячи мечей ихъ окружаютъ....

ГОНЗАГО.

Нѣтъ!

Вы развѣ вашего племянника не знали?
Онъ обезумѣлъ отъ любви, онъ околдованъ,
Онъ ни въ одинъ свой замокъ не поѣхалъ;
Онъ скрылся въ хижинѣ съ своей подругой,
Одѣлся пастушкомъ, одна любовь на стражѣ...

УГОЛИНО.

И вы меня провесть къ нему беретесь?

ГОНЗАГО.

Прямо проведу я васъ!

УГОЛИНО.

Что жъ вамъ за это?

ГОНЗАГО.

Мнѣ — ничего!

УГОЛИНО.

Какой же дьяволъ васъ
Такъ поджигаетъ противъ друга? Или дѣти
У насъ, своихъ отцовъ, учиться стали?

ГОНЗАГО.

Я тайну вамъ открою. Да, онъ былъ мнѣ дру-
гомъ,
Но — я любилъ ее — руки ея искать,
Ей жизнь хотѣлъ отдать, и вдругъ Галлури
Разрушилъ счастье, жизнь, любовь....

УГОЛИНО.

Довольно —
Я вамъ ее отдамъ, пожалуй, эту чародѣйку,
И возвращу любовь и жизнь, но только путь
Мнѣ укажите къ ихъ убѣжищу, а въ добавокъ,
Я золота, чиновъ вамъ, замокъ дамъ!
Скорѣе въ путь, синьоръ Гонзаго!.... Но,
Когда вы умыслы такіе злые,
Когда измѣну вы осмѣлились задумать....

ГОНЗАГО.

Какая тутъ измѣна.... Боже мой!
Онъ счастье, онъ мечты мои разрушилъ....

УГОЛИНО.

О, еслибъ могъ я, Руджіеро,
Сказать тебѣ, куда иду.... Пойдемъ-те!

ГОНЗАГО.

Поспѣшимъ —
Я все вамъ объясню путемъ-дорогой.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Уединенное мѣсто въ Аппенинскихъ горахъ; кое-гдѣ хижины пастуховъ; на право красивый домикъ; на лѣво дерновая скамья.

КЛЕМЕНЦІО, И НИНО, *одѣтый крестьяниномъ.*

КЛЕМЕНЦІО.

Прощай, Нино! Мое благословеніе на тебѣ, сынъ мой!

НИНО.

Отецъ! ты посѣтишь насъ еще, ты еще придешь порадоваться на наше счастье?

КЛЕМЕНЦІО.

Не знаю. Дни старика изочтены. И если я не приду — мои желанія, мои обѣты будутъ

сопровождать тебя — на смертномъ одрѣ моемъ буду я молиться за тебя.

Иппо, мой сынъ! добрая жена даръ неба благаго. Ты былъ достоинъ своего счастія и такого дара безцѣннаго. Сынъ мой! цѣни его — да будетъ это послѣднимъ завѣтомъ старика — можетъ быть, мы не увидимся болѣе въ здѣшнемъ мірѣ — цѣни его, Иппо!

ИППО.

О, скорѣе развалится небо и потухнутъ на немъ звѣзды пламенныя, нежели измѣнится любовь моя!

КЛЕМЕНЦІО.

Вѣрю, знаю тебя и вѣрю. Ты видѣлъ съ какою радостью благословилъ я бракъ твой. Я не освятилъ бы благословеніемъ небесъ союза вашей любви, еслибы не видѣлъ, что самъ Богъ соединилъ васъ.

ИППО.

И теперь эта любовь жизнь моя — больше, нежели жизнь: я вѣрю въ ея безсмертіе; безъ нея за гробомъ была бы мнѣ пустыня....

КЛЕМЕНЦІО.

Но, любовь....

НИНО.

А что же еще мнѣ надобно?

КЛЕМЕНЦІО.

Прости мнѣ, Нино — я боюсь за твои пылкія, необузданныя страсти. Ты пламененъ, Нино, какъ небо нашей Италіи; ты буренъ, какъ вихри нашихъ Апенинскихъ горъ Такъ нѣкогда вырывалъ я изъ рукъ твоихъ книги — ты съ презрѣніемъ бросилъ ихъ потомъ; такъ ринулся ты въ міръ, а теперь — ты ненавидишь его. Такъ храбрость твоя въ бояхъ была безуміемъ.

НИНО.

Если и любовь моя теперь безуміе, то я самый счастливый сумасшедшій.

КЛЕМЕНЦІО.

Но неужели ты цѣлый вѣкъ хочешь прожить въ этомъ уединеніи?

НИНО.

А зачѣмъ мнѣ оставлять его? Среди моихъ добрыхъ пастуховъ, среди этихъ дикихъ горъ въ первый разъ узналъ я, что я живу и что есть блаженство и на нашей грязной землѣ.

КЛЕМЕНЦІО.

Твой знатный родъ, твое богатство призываютъ тебя не здѣсь умереть.

НИНО.

Здѣсь хочу умереть я съ моею Вероникою, и если придутъ сюда люди — я убѣгу отъ нихъ еще далѣе въ горы! Одна только дорога осталась мнѣ для выхода отсюда — въ ту обитель, гдѣ живешь ты. Но — помоли Бога, отецъ мой, чтобы мнѣ не пришлось идти по ней.... Я приду къ тебѣ, когда осиротѣю въ мірѣ, и ангелъ сопутникъ мой оставитъ меня здѣсь сиротою.... Тогда — въ твою обитель....

КЛЕМЕНЦІО.

Но твое отечество....

ИНИО.

Развѣ эта пещера кровожадныхъ звѣрей мое отечество? Развѣ услуга тѣмъ, которые тамъ терзаютъ другъ друга, услуга отечеству? И они не отдавали мнѣ Вероники!.. Горе имъ, если я возвращусь туда! Пусть лучше пожелаютъ они, чтобы небесный огонь упалъ на ихъ великолѣпный городъ, отуманенный проклятіемъ небеснымъ, нежели чтобы Инно возвратился къ нимъ....

(*молчаніе*)

КЛЕМЕНЦІО.

Я приду еще къ тебѣ, Инно.... О Боже! возми остатокъ дней моихъ за счастіе моего Инно! — До свиданія!

(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

ИННО (*одинъ*).

Мнѣ опять туда? Никогда, никогда! Онъ ушелъ? И одна мысль о возвратѣ туда, къ нимъ,

наводитъ на меня такую тяжкую думу, что я не слыхалъ даже послѣдняго *прости* моего друга!

О Клеменціо! зачѣмъ расшевелилъ ты гнѣздо змѣй, которыя заснули здѣсь! Пусть бы спали онѣ непробуднымъ сномъ!

Да, мнѣ надобно еще кончить мою работу.

(*Садится на скамью и плететъ корзинку*).

Эта корзинка для Вероники.

Когда прежде за горсть золота я могъ купить все, и пыталъ мою душу, чтобы она сказала мнѣ, что еще могу купить я — какъ бѣденъ я былъ! А теперь, эта ивовая корзинка, сплетенная моими руками....

ЯВЛЕНІЕ 9.

ВЕРОНИКА (*въ крестьянскомъ одѣяніи*).

Я принесла тебѣ завтракъ, милый Нино! Извини: не мастерская работа, но я сама пекла этотъ хлѣбъ, мой милый другъ!

НИНО.

А я кончилъ мою работу и жду твоего поцѣлуя. Посмотри — вѣдь и это не мастерская работа, но я самъ плелъ эту корзинку!

ВЕРОНИКА.

Какая миленькая! А! ты заслужилъ поцѣлуй!

(*цѣлуетъ его*).

НИНО.

И только?

ВЕРОНИКА.

Какой прихотникъ!

НИНО.

Я не требую, а умоляю.

ВЕРОНИКА.

Такъ развѣ такъ умоляютъ? Вы, синьоръ, слишкомъ горды для роли нѣжнаго любовника! Но я васъ прощаю. — Вотъ вамъ награда.... довольно, довольно!

НИНО.

Вероника! счастлива ли ты?

ВЕРОНИКА.

Ахъ! Нино! тебѣ ли спрашивать!

НИНО.

Знаю, и все еще сто разъ въ день хотѣлось бы мнѣ спросить у тебя — слышать отъ тебя безпрестанно!

ВЕРОНИКА.

На что слова, милый другъ?

НИНО.

Неуже ли ни разу не пришла тебѣ мысль о прошедшемъ, ни разу не взволновалась грудь твоя вздохами сожалѣнія?

ВЕРОНИКА.

О чемъ же, милый Нино?

НИНО.

О томъ что было, о томъ что ты для меня оставила, бросила, презрѣла....

ВЕРОНИКА.

Я не знаю, что такое прошедшее. Да, развѣ

я оставила что нибудь? Мнѣ кажется, что я родилась только тогда, когда мы переселились сюда съ тобою. Было что-то прежде.... я не помню....

Помню я одно — тотъ вечеръ, дивный вечеръ,
Когда послѣдній солнца лучъ цвѣтныя стѣны храма
Раззолотилъ, и по стѣнамъ сверкая, догарая,
На сводахъ и столпахъ, какъ радугой блисталъ.

Там, близъ алтаря, былъ юноша прекрасный,
Мой Нино былъ тамъ — онъ молился,
Онъ ангеломъ прекраснымъ мнѣ казался,
Онъ не видалъ меня, но мнѣ съ тѣхъ поръ,
Какъ призракъ милый счастья онъ остался —
Его мечтала голосъ слышать я,
Его искала, и — нашла его. — онъ *мой!*
Онъ не дикимъ мнѣ воителемъ,
Не въ турнирахъ побѣдителемъ —
Онъ мнѣ странникомъ предсталъ смиреннымъ
И — его узнала я!

Опъ такъ смѣло сталъ передъ людской толпою,
Опъ сказалъ ей, изумленной, будто Божьимъ
громомъ:

Опа — моя!»

Вотъ все, что *было* для меня.... Ахъ! да ужь сколько разъ пересказывала я тебѣ объ этомъ!....

ппно (*обнимая ее*).

Мечтательпица!

ВЕРОПИКА.

Если это сопъ, если ты чародѣй — пе разрушай моего спа и твоего очарованія, пе говори что это сопъ, а пе жизнь!

ПИПО.

И ты готова здѣсь, здѣсь провести всю жизнь свою?

ВЕРОПИКА.

А развѣ ты опять хочешь идти къ этимъ страшнымъ людямъ?

НИПО.

Избави Боже! Но, мнѣ кажется, Вероника,

иногда грусть можетъ закрасться въ твое сердце. Здѣсь лишена ты всѣхъ радостей прежней твоей жизни, всей роскоши, всей нѣги, къ какимъ привыкла ты.... Ты изнуряешь твои миленькія ручки работой....

ВЕРОНИКА.

Ахъ, злой Нино! Ты хочешь заставить меня увѣрять и плакать! Ты, видно, по себѣ судишь — видно, ты самъ недоволенъ, видно, я перестала тебѣ нравиться.... Тебѣ опять хочется видѣть твои замки, твоихъ друзей, рыцарей, коней, слугъ, вассаловъ — ты не можешь забыть городскихъ красавицъ.... Я не красавица, не такъ умна, какъ онѣ, но я люблю тебя, Нино, такъ люблю.... Ты мое богатство, красота, счастье мое — все, все ты для меня! Не покидай твоей Вероники, не уходи туда, не уводи меня туда...

НИНО.

Я ворочусь туда? Я пойду опять къ нимъ? Зачѣмъ, Вероника? Чего стану я искать у нихъ? Ты моя, и я не позавидую властителю цѣлаго міра! Иногда только хотѣлъ бы я сказать лю-

дямъ: «Вотъ она, Вероника, и она моя, моя здѣсь и за могилой! Отбейте ее, испытайте отнять ее у меня, когда Богъ мнѣ далъ ее!» Скажи, Вероника: хочешь ли ты вѣнцовъ и коронъ? Я пойду и украшу прекрасное чело твое вѣнцомъ герцогини, королевы....

ВЕРОНИКА.

Сплети мнѣ вѣночикъ изъ незабудокъ.

ПИПО.

Хочешь ли ты, чтобы вся Италія, весь свѣтъ сказали, что ты первая въ мірѣ красавица? Я вызову на бой всю Италію, объѣду весь свѣтъ.... Рука моя была вѣдома въ битвахъ — съ твоею любовью она непобѣдима — мои вассалы привлекутъ къ ногамъ твоихъ побѣжденныхъ мною!

ВЕРОНИКА.

Милый Пипо!

ПИПО.

Скажи, потребуй жертвъ — я страшусь обладать тобою, не искупивши блаженства моего чѣмъ нибудь!

ВЕРОНИКА.

Только любви твоей, только любви твоей, Нино. Съ тобой для меня свѣтитъ, ссеребрится мѣсяцъ, горятъ звѣзды небесныя. Ты увелъ меня отъ людей — попроси только Бога, чтобы никто изъ нихъ не заглянулъ въ рай нашъ— я боюсь, что дыханье ихъ заразитъ его....

НИНО.

Вероника! скажи: смертная ли ты, или духъ небесный, ниспосланный Богомъ для моего блаженства? Зачѣмъ прячешь ты свои крылушки — брось ихъ навсегда — ты улетишь отъ меня, злая Вероника!

КАЛАБРИТА (*выходитъ*).

Синьора! прикажете ли.... Не слышитъ! Синьора — да, полно-те цѣловаться-то — какъ вамъ не надоѣстъ!.... Синьора....

ВЕРОНИКА.

Что ты, Калабрита?

КАЛАБРИТА.

Прикажете ли полить ваши цвѣточки? Вы забыли полить ихъ — они вянутъ.

ВЕРОНИКА.

Ахъ! какая вѣтренность.... какая жалость! Нино! ты разлюбишь меня, что я такая дурная хозяйка.... Цвѣточки мои!....

НИНО.

Вотъ еще какое горе! Пойдемъ, посмотримъ, польемъ вмѣстѣ.

(Онъ и Вероника уходятъ).

КАЛАБРИТА *(одна).*

У этихъ синьоровъ конца нѣтъ прихотямъ, и вотъ что называется — дурачиться отъ нечего дѣлать! Признаться — промахнулась я, когда согласилась потакать ихъ любви. Первый синьоръ, молодъ, богатъ — сыпалъ золотомъ, и вотъ я думала, что и сама сдѣлаюсь — хоть кастеляншею какого нибудь изъ его богатыхъ замковъ, да скоплю золотца — и

вѣкъ прожить и душу помянуть. Анъ, смотри пожалуй! Убѣжали, ускакали, забрались въ эту проклятую пустыню приморскую, куда прежде воронъ костей синьорскихъ не занашивалъ.... Смѣшное дѣло: тысячи у нихъ вассаловъ, деньгамъ счета нѣтъ, а они живутъ себѣ въ этомъ домишкѣ! Ну, не глупость ли? Синьоръ пріѣхалъ въ эту деревню, привезъ отъ самого себя письмо, назвался управителемъ и запретилъ мнѣ сказывать, кто онъ. Плохо, да и куда плохо! И что имъ тутъ за утѣха? Вскарабкаются на гору, смотрятъ, какъ солнце садится, какъ море колышется — экая невидаль!.... И съ этими дураками, пастухами, своими вассалами, обходиться за панибрата.... Стыдно смотрѣть-то даже....

ПІЕТРО (*входитъ*).

Здравствуй, бабушка!

КАЛАБРИТА (*въ сторону*).

Бабушка! Невѣжда — мнѣ, кормилицѣ графини Убальдини, смѣетъ такъ говорить!

ПІЕТРО.

Гдѣ синьоръ Бассано?

КАЛАБРИТА.

Не знаю.

ПІЕТРО.

Онъ обѣщалъ идти со мной за гору, къ сосѣду, старику Калисту. Я жду его.

(*входятъ крестьянки съ цвѣтами*)

Вотъ мы принесли вамъ нашихъ цвѣтовъ.

КАЛАБРИТА (*въ сторону*).

Стоило нести эту дрянь!

ВЕРОНИКА И НИНО (*выходятъ*).

ВЕРОНИКА.

Ахъ! дѣдушка Піетро!

НИНО.

А, мой добрый старина!

ПІЕТРО.

Здравствуйте, синьора! Здравствуйте, синьоръ Бассано!

НИНО.

Полно чиниться, старикъ — надѣвай шляпу. Вѣдь мы, кажется, друзья съ тобою.

ПІЕТРО.

Доволенъ вашею милостью, и вотъ дѣвки наши принесли вамъ цвѣтовъ.

ГОНЗАГО (*является вдали на горѣ*).

Э! вотъ они, мои Аркадскіе, нѣжные любовники! Насилу-то я до нихъ добрался. Да, это они — посмотрю!

КРЕСТЬЯНКИ (*поднося цвѣты*).

Поздравляемъ васъ съ праздникомъ!

ВЕРОНИКА.

Благодарю, благодарю, мои милыя, и постараюсь сама отдарить васъ.

ПІЕТРО.

А вы, Бассано, не забыли вашего обѣщанія?

*

НИНО.

Идти къ старику Калисту, поздравить его съ днемъ рожденія? Я готовъ.

ПІЕТРО.

Такъ пойдемъ-те. Вѣдь идти черезъ гору, и будетъ добрыхъ съ полъ-мили....

ВЕРОНИКА.

Ты идешь, Нино?

НИНО.

Да, милый другъ, но я тотчасъ ворочусь.

ГОНЗАГО.

Чортъ возми! Какъ хороша она въ этой одеждѣ!

ВЕРОНИКА.

И оставишь меня? Я что-то боюсь....

НИНО (*смѣется*).

Чего?

ВЕРОНИКА.

Сама не знаю, но боюсь. Не ходи!

НИНО.

Что за ребячество! Не привидѣлся ли тебѣ дурной сонъ?

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ, но сердце у меня что-то такъ заныло, словно, выскочить хочетъ отъ тоски!

ПІЕТРО.

Что такое, синьоръ?

НИНО.

Она боится остаться одна.

ПІЕТРО.

Хе, хе! Среди бѣлаго-то дня! Да, чего вы боитесь? Разбойники въ наши горы не зайдутъ, да и не зачѣмъ, а обидѣть насъ, вассаловъ графа Галлури, никто не посмѣетъ. Вѣдь знаете, что такое нашъ графъ! О, за нимъ мы безопасны, какъ за каменною стѣною....

ВЕРОНИКА.

Не уходи, Нино!

ГОНЗАГО.

Она цѣлуетъ его!... Дьяволы! помогите моему демону — я приведу его сюда полюбоваться.... (*скрывается*).

НИНО (*смѣясь*).

Будь спокойна, синьора Бассано. Дайте мнѣ шляпу — прощай! — Да, вотъ и онѣ останутся съ тобою, пока мы пойдемъ съ Піетро. Дождитесь насъ здѣсь, дѣвушки, а ты угости гостей своихъ. Ты, дѣдушка, вѣдь съ нами обѣдаешь?

ПІЕТРО.

Коли милости вашей не противно.

ВЕРОНИКА.

Ахъ! Нино....

НИНО.

Что это? Ты плачешь? Я пейду....

ВЕРОНИКА.

Ахъ! Нѣтъ, нѣтъ! Это такъ — иди, иди! Я жду тебя — буду ждать, вотъ тутъ, на горѣ.

НИНО.

Прощай, душа моя!

ВЕРОНИКА.

Да не замѣшкайтесь!

(Нино и Піетро идутъ на гору. Нино останавливается, прощается знаками. Уходятъ).

ВЕРОНИКА.

Ушли! О, Боже мой! какъ будто кто нибудь у меня сердце оторвалъ....

(садится на скамью).

КРЕСТЬЯНКИ *(окружаютъ ее).*

Что съ тобой? Что такое?

ВЕРОНИКА.

Ничего, ничего! — Сядьте, успокойтесь, мои милыя....

(Гонзаго и Уголино показываются на горѣ).

ГОНЗАГО.

Вотъ она, графъ!

УГОЛИНО.

Гдѣ, гдѣ?... Она!

ВЕРОНИКА.

Если тайный голосъ сердца
Не обманъ, а предвѣщанье
Намъ таинственной судьбы —
Горе сердце мнѣ вѣщуетъ!

УГОЛИНО.

А, наконецъ я нашелъ тебя, проклятое отродье Убальдини — послѣдній змѣенышъ злодѣйскаго рода....

ГОНЗАГО.

Графъ! безопасность Вероники — надѣюсь...

УГОЛИНО.

Разумѣется! Въ тюрьмѣ человѣку всего безопаснѣе.... Кажется, вблизи никого нѣтъ? Онъ ушелъ, говорите вы? Женщины не посмѣютъ шумѣть....

ВЕРОНИКА.

Свѣтелъ день и солнце ясно,
Дышатъ радостью живой.
Отъ чего же въ грудь закралась
Грусть, унынье и тоска?

ОДНА ИЗЪ КРЕСТЬЯНОКЪ.

Посмотрите, синьора! Какіе-то воины....

ВЕРОНИКА.

Воины! Гдѣ?

КРЕСТЬЯНКА.

Какіе-то синьоры....

ВЕРОНИКА.

Великій Боже! кого я вижу.... Ахъ!

КРЕСТЬЯНКА.

Чего испугались вы, синьора? Не разбойники ли это?

ВЕРОНИКА.

А, ты оправдалась, злодѣйка, тоска моя!.... Ради Бога, милыя, бѣгите, зовите моего мужа, зовите людей....

УГОЛИНО (*сходитъ съ горы*).

Никто не смѣй тронуться! Тотъ погибнетъ, кто пошевелится съ мѣста!

Мы едва отыскали васъ, графиня!

ВЕРОНИКА.

Что вамъ угодно, графъ? Мужа моего нѣтъ дома....

УГОЛИНО (*яростно*).

Твоего мужа, несчастная, твоего мужа....

ВЕРОНИКА.

Онъ тотчасъ воротится....

УГОЛИНО (*хладнокровно*).

Мнѣ не нуженъ онъ. Здѣсь, вблизи, готовы лошади. Вы отправитесь съ нами.

ВЕРОНИКА.

Какъ?

УГОЛИНО.

Очень просто — на лошадяхъ.

ВЕРОНИКА.

Графъ!

УГОЛИНО.

Ни слова, или не будетъ предѣловъ моему гнѣву!

ВЕРОНИКА.

По какому праву.... меня....

УГОЛИНО.

По какому праву? Женщина развратная, бѣглянка, обольстительница, колдунья....

КРЕСТЬЯНКИ.

Колдунья!

УГОЛИНО.

Бойтесь ее — она самая злая ворожея! Развѣ вы этого не знали? — Слѣдуй за мною!

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ! я не пойду съ вами!

УГОЛИНО.

Еще одно слово....

ВЕРОНИКА.

Защитите меня, подруги милыя! Онъ разбойникъ, онъ клевещетъ на меня....

КРЕСТЬЯНКИ.

Синьоръ! помилуйте.... Мы просимъ васъ!

УГОЛИНО.

Прочь! Гоните это бабье!

(Крестьянки бѣгутъ и прячутся въ разныя стороны).

ВЕРОНИКА.

Остановитесь, графъ! Вы робости во мнѣ,
Ни просьбъ, ни слезъ, ни страха не найдете.
Дочь графа Убальдини и супруга Нино
Васъ не боится. Что угодно вамъ?

УГОЛИНО (*изумляясь*).

Что мнѣ угодно?

ВЕРОНИКА.

Да, вы, какъ разбойникъ,
Пришли, подкрались. Еслибъ былъ мой мужъ,
Мой Нино здѣсь — онъ отвѣчать умѣлъ бы вамъ.
На женщинъ слабыхъ вы напали,
Но вспомните, что Нино живъ, что онъ
Вамъ не отдастъ въ обиду Вероники!

УГОЛИНО.

Лебедка! какъ она поетъ! Мы разочтемся,

Послѣ разочтемся, а теперь — иди за мной,
Не смѣй противиться!....

ВЕРОНИКА.

Нѣтъ! лучше смерть!
О Нино, Нино, Нино!

УГОЛИНО.

Смерть — одно лишь слово!

ВЕРОНИКА.

Гдѣ, гдѣ ты, Нино!.... О великій Боже!
Графъ! есть ли сердце въ васъ?

УГОЛИНО.

Нѣтъ сердца у меня!

ВЕРОНИКА (*умоляя его*).

Ахъ! ради Бога!.... Можетъ быть, тебѣ
Когда нибудь придется за дѣтей просить,
Какъ я прошу тебя, безчеловѣчный!

УГОЛИНО.

Нѣтъ!

ГОНЗАГО.

Графъ! позвольте....

УГОЛИНО (*яростно*).

Прочь!....

ВЕРОНИКА.

Я не пойду съ тобой!
Нино, Нино! гдѣ ты?....
(*убѣгаетъ въ хижину*).

УГОЛИНО.

Убѣжала! Смерть и адъ!

ВЕРОНИКА (*за сценою*).

Нино, Нино!

УГОЛИНО (*въ неистовствѣ*).

Кровь моя кипитъ....
Въ глазахъ темно.... Она.... На смерть иль жизнь!....
(*Онъ бѣжитъ за Вероникою въ хижину*).

ГОНЗАГО.

Чортъ побери однакожь — дѣло плохо....
Онъ въ бѣшенствѣ....
(*слышенъ пронзительный крикъ Вероники*).

Ахъ! сердце замерло мое!
(продолжительное молчаніе).

УГОЛИНО *(внѣ себя, выбѣгая изъ хижины).*

Что это было?

ГОНЗАГО.

Что такое, графъ? Что съ вами?
(Съ ужасомъ увидя въ рукѣ Уголино кинжалъ).

Кровь на кинжалѣ!

УГОЛИНО *(почти шопотомъ).*

Я — убилъ ее!

ГОНЗАГО.

Убили!.... Боже мой!....

УГОЛИНО.

Убилъ. Тамъ трупъ ея —
Ударъ былъ мѣтокъ....

ГОНЗАГО.

Что теперь намъ дѣлать!

УГОЛИНО (*дико*).

Что? Демоны помогутъ — скрой, не говори.
Не выдавай лишь только человѣку тайны!
Успѣха вѣрнаго достигли мы....
И въ чемъ ты обвинишь меня, скажи?....
Я не хотѣлъ ее зарѣзать — такъ судьба велѣла!

(*тихо Гонзаго*)

Я раздѣлю съ тобою все — и здѣсь, и тамъ.
Богатство, почесть, адскій пламень — дружно раздѣлю!

(*съ яростью*)

Клянись, что твой языкъ во вѣки не дерзнетъ
Открыть кровавой тайны — да, клянись мнѣ!

ГОНЗАГО (*трепеща*).

Клянусь вамъ, графъ....

УГОЛИНО.

И я тебѣ клянусь
Осыпать почестьми тебя и златомъ —
Ты одинъ свидѣтель!....

КАЛАБРИТА (*выбѣгая изъ хижины*).

Пресвятая Дѣва!....
Моя синьора!... Ахъ! разбой, разбой, разбой!...
(*Увидѣвъ Уголино, въ ужасѣ останавливается*).
Графъ Герардески....

ГОНЗАГО.

И еще свидѣтель!

УГОЛИНО (*схватывая Калабриту и поднимая кинжалъ*).

Я ее заставлю замолчать...

КАЛАБРИТА (*на колѣняхъ*).

Великій графъ, свѣтлѣйшій синьоръ! пощадите, ради Господа, пощадите!

ГОНЗАГО (*останавливая его*).

Графъ! довольно и одного убійства!

уголино (*бросаетъ кинжалъ*).

Ухъ! довольно — много!.... Сюда кто нибудь!

(*подходитъ одинъ изъ воиновъ его*).

Возмите эту старуху и дожидайтесь насъ. (*Воины удаляются*) Поспѣшимъ!

(*молчаніе*).

Кажется, никого больше нѣтъ? — Посмотрите, Гонзаго, не спрятался ли кто нибудь тамъ, въ хижинѣ....

гонзаго.

Посмотрите сами.

уголино (*съ ужасомъ*).

Я не пойду туда — тамъ трупъ ея! Выдумай, выдумай поскорѣе, какъ увѣрить, что это не я.... Люди повѣрятъ — они и не тому вѣрятъ... Я не хотѣлъ убить ее.... Преступленіе невольное....

гонзаго.

Поспѣшимъ отсюда, графъ. Несчастіе совершилось.... Нино можетъ возвратиться....

УГОЛИНО.

Говори же, что я не убилъ ее! Эта старуха ничего не скажетъ — мы запремъ ее въ тюрьму на вѣки....

ГОНЗАГО.

Но, графъ....

(Онъ подымаетъ и разсматриваетъ кинжалъ, брошенный Уголино)

Ахъ! какая счастливая мысль — этотъ кинжалъ....

УГОЛИНО *(хочетъ вырвать кинжалъ)*.

Закинь, закинь его дальше!

ГОНЗАГО.

Избави Богъ!.... Этотъ кинжалъ наше спасеніе.... Вѣдь это кинжалъ Руджіеро? Вотъ гербъ его....

УГОЛИНО *(въ недоумѣніи)*.

Да, это его кинжалъ.

ГОНЗАГО.

Чудо! Мы сложимъ вину на Руджіеро —

вотъ улика его!.... Бросьте этотъ кинжалъ туда, въ хижину — пусть самъ Пипо найдетъ его.

УГОЛИНО (*съ дикою радостью*).

Ха, ха, ха! Въ самомъ дѣлѣ!.... Спасибо тебѣ, демонъ! ты славно помогаешь намъ!.... И знаешь ли? Это можетъ еще обратиться къ лучшему.... Да, да, да! Пойдемъ, пойдемъ отсюда — преступленіе дастъ намъ такіе плоды, какихъ доброму дѣлу не дождаться во вѣки вѣковъ....

(*Онъ спѣшитъ и тащитъ за собою Гонзаго*).

ДВѢ КРЕСТЬЯНКИ *робко сходятся съ разныхъ сторонъ*.

ПЕРВАЯ.

Паулина!

ВТОРАЯ.

Стефана!

1-я.

Гдѣ ты?

2-я.

Здѣсь.

1-я.

Ушли ли они?

2-я.

Ушли. — Ахъ! Санта-Мадонна! Что это такое было? — Видно, это разбойники? Я слышала крикъ. Они увели ее!

1-я.

Гдѣ наши? Какъ будто нарочно, никого нѣтъ!

2-я (*заглянувши въ хижину*).

Ахъ! Паулина! Спаси насъ, Санъ-Дженнаро! Вѣдь они убили ее — посмотри!

1-я.

Ахъ! Санта-Мадонна!.... Убѣжимъ!.... Ахъ! бѣдная синьора Бассано.... Такая хорошенькая, молоденькая.... Ахъ! разбойники....

2-я.

Что теперь будетъ съ ея бѣднымъ мужемъ!...

1-я.

Мнѣ страшно здѣсь — убѣжимъ....

(*Онѣ бѣгутъ поспѣшно*).

ПИПО И ПІЕТРО (*показываются на горѣ*).

ПИПО (*весело*).

Какова обманщица! Хотѣла дожидаться здѣсь на горѣ?

(*сходятъ съ горы*).

Ты усталъ, дѣдушка?

ПІЕТРО.

Да, нечего сказать!

(*садится на скамью*).

ПИПО.

За то мы славно пообѣдаемъ, разопьемъ бутылку вина, а хозяйка споетъ намъ веселую пѣсенку — вотъ ту, что ты любишь:

Выходите, братцы, въ поле,
На рабочій красный день!

ПЬЕТРО.

Хорошо, хорошо, синьоръ Бассано. Признаться, вашему счастью не грѣхъ позавидовать.

НИНО.

Да, дѣдушка, я такъ счастливъ, что иногда даже боюсь за свое счастье!

ПЬЕТРО.

И, полно-те! Васъ Богъ награждаетъ за добродѣтель. Давно ли вы у насъ, а васъ уже всѣ любятъ и не нахвалятся вами.

НИНО.

Однако жь — гдѣ наша хозяйка? Не спряталась ли она гдѣ нибудь здѣсь — она такая шалунья и рѣзвая.... А, понимаю, она въ садикѣ.... Садись, дѣдушка — я посмотрю....

(*Онъ уходитъ въ хижину*).

ПЬЕТРО (*одинъ*).

Да, это достовѣрно, что такимъ людямъ

Богъ посылаетъ счастье; конечно, въ примѣръ другимъ, чтобы и другіе видѣли, что добродѣтель и здѣсь награждается. Оно, если разсудить....

нино (*выбѣгаетъ*).

Старикъ, старикъ! что это такое? Поди, посмотри — она спитъ, кажется!

ПІЕТРО.

Такъ что жь? Поцѣлуйте ее — она проснется!

НИНО.

Да, знаешь ли, старикъ? Мнѣ показалось, что она (*съ дикимъ воплемъ*) — умерла!

ПІЕТРО.

Съ нами всѣ святые! Что вы бредите!

НИНО.

Умерла!

(*толкаетъ его въ хижину*)

Поди, поди — ты меня старше, опытнѣе, больше видалъ — больше видалъ умиравшихъ...

ПІЕТРО (*возвращается въ страхѣ*).

Санта-Мадонна! Она убита, зарѣзана!

НИНО.

Убита? Ты лжешь, старикъ, ты лжешь! Она сей часъ была жива, здорова, весела.... Развѣ ее ужалила змѣя? развѣ тутъ водятся у васъ ядовитыя змѣи?

ПІЕТРО.

Не змѣя ужалила, а человѣкъ ее зарѣзалъ! О бѣдная, добрая синьора....

НИНО.

Да, откудажь тутъ взялись люди? А, да, да! Вѣдь мы, кажется, оставили съ ней кого-то.... Гдѣ Калабрита?

(*Онъ бѣжитъ въ хижину и возвращается*)

Ха, ха, ха! Она умерла, точно умерла! Она

убита.. Ты, старикъ, живъ, и я живъ, а она... А! ха, ха, ха!... Она... Вероника, Вероника...

(падаетъ безъ чувствъ).

ПІЕТРО.

Онъ помѣшался... О, Господи! что это такое — и никого нѣтъ!...

ГОНЗАГО (*прибѣгаетъ*).

Я слышу крикъ!

ПІЕТРО.

Синьоръ! посмотрите, что это сдѣлалось?

ГОНЗАГО.

Царь небесный! Графъ Нино! Другъ мой....

ПІЕТРО.

Что вы говорите? Графъ Нино Галлури!

ГОНЗАГО.

А развѣ ты не знаешь? Это онъ!

ПІЕТРО.

Санкта-Санктиссима! А синьора?

ГОНЗАГО.

Супруга его.

ПІЕТРО.

Графиня Галлури!... Она... Синьоръ! она убита!

ГОНЗАГО.

Какъ?.... И я не успѣлъ предупредить несчастія!

НИНО (*подымаясь*).

Что такое сдѣлалось?

ГОНЗАГО.

Развѣ ты не узнаешь меня?

НИНО.

Не помню. А ты знаешь ли, что ее убили?

ГОНЗАГО.

Онъ съ ума сошелъ!

НИНО.

Лжешь ты — я не сошелъ съ ума, а она точно убита — пришелъ кто-то и убилъ ее,

убилъ!.... Какая жалость — убилъ! Да, лейтесь же мои слезы.... Она умерла — ее нѣтъ больше — мы никогда ее не увидимъ!....

ГОНЗАГО.

Ахъ! какъ я терзаюсь твоею горестью.... Я спѣшилъ къ тебѣ....

НИНО (*яростно*).

А! такъ ты убилъ ее?

ГОНЗАГО.

Ты безумствуешь!.... Я Гонзаго....

НИНО.

Да, да, ты Гонзаго, дуракъ поэтъ, а дураку легко сдѣлаться подлецомъ и злодѣемъ!

ГОНЗАГО.

Что ты, что ты! Знаешь ли ты, что дядя твой простилъ тебя, благословилъ твой бракъ?

НИНО.

Ему что за дѣло?

ГОНЗАГО.

Онъ, и всѣ мы, друзья твои, старались отыскать твое убѣжище, спасти тебя отъ злобы Руджіеро, который никакъ не хотѣлъ простить тебѣ побѣга племянницы и отправилъ за вами тайныхъ убійцъ — я спѣшилъ, и — несчастный другъ! я поздно пришелъ....

НИНО.

Какъ? Такъ Руджіеро убилъ Веронику?

ГОНЗАГО.

Посмотри, что это? Тамъ кинжалъ лежитъ... Ахъ! Боже мой — (*онъ поднимаетъ кинжалъ*) это кинжалъ Руджіеро! Онъ, вѣрно, самъ былъ здѣсь — вотъ и гербъ и имя его!

НИНО (*схватывая кинжалъ*).

Дай, дай, дай мнѣ его!.... Да, этотъ гербъ, это имя.... Одинъ ударъ избавилъ отъ жизни Веронику — другой избавитъ меня....

ГОНЗАГО.

Что ты дѣлаешь, Нино!

НИНО.

Въ самомъ дѣлѣ! Я зарѣжу себя, а онъ останется живъ — нѣтъ! его зарѣзать надобно!.... Крови мнѣ, крови злодѣя моего! Сюда! Тащите его сюда, растерзать его, разорвать на части, псамъ раскидать кости его, воронью на завтракъ; изъ жилъ его свить веревки, перепилить его ими; пить его кровь.... Гонзаго! веди меня — гдѣ, гдѣ онъ? Въ аду, на землѣ.... А, чудовище, братоубійца! что ты сдѣлалъ? Каинъ проклятый! что ты сдѣлалъ?.... Демоны! войте — пиръ вамъ, разгулъ — страшное дѣло совершилось, и еще страшнѣе будетъ — раздолье-то вамъ какое!

ПІЕТРО.

Милостивый синьоръ! простите....

НИНО.

Ты не виноватъ — нѣтъ! не ты убилъ ее, а Руджіеро, графъ Руджіеро, и за то хочу я

зарѣзать его, убить, растерзать.... Вотъ такъ схвачу я его, и размечу кости его по полю!

ПІЕТРО.

Боже мой! ожидалъ ли я увидѣть моего повелителя въ такомъ страшномъ положеніи!

НИНО (*мрачно*).

Горе, горе тебѣ, земля, людей жилище,
Гдѣ братъ на брата возстаетъ! Грѣхи отяготѣли,
Туманомъ на сердца легли, тлетворнымъ ядомъ
Проникли въ души, паромъ ядовитымъ
Затмили солнце и любви и счастья!
(*слышны трубы*).

ГОНЗАГО.

Твой добрый дядя самъ спѣшитъ сюда....

НИНО.

Добро пожаловать — я гостю радъ —
Хозяйки нѣтъ — что дѣлать? — я не виноватъ!
(*садится на скамью*).

УГОЛИНО (*входитъ*).

Несчастный Нино! мнѣ извѣстно все!
Съ надеждой счастья я къ тебѣ спѣшилъ,
И что я вижу, что я слышу....

(*съ трепетомъ указывая на дверь хижины*).

Затворите дверь —
Оттуда вѣетъ холодомъ могильнымъ....
Нино! дай мнѣ руку, и отнынѣ —
На мщенье съединимся мы!

НИНО (*хладнокровно*).

Ты хочешь мстить ему?

УГОЛИНО.

Мстить, страшно мстить! Старикъ коварный,
Онъ возмутилъ противъ меня сенатъ,
Умѣлъ оклеветать меня передъ народомъ,
Тебя лишилъ подруги милой —
И власть мою похитить хочетъ!

НИНО.

А гдѣ онъ?

УГОЛИНО.

Онъ среди Пизанскаго народа,
Крамолы сѣетъ и вражду, кинжалы
Убійцъ готовитъ тайныхъ....

НИНО (*встаетъ*).

Дай мнѣ руку!
Не знаю, знать я не хочу твоихъ затѣй,
За что его ты любишь, иль не любишь.
Будь герцогомъ, будь графомъ, добрымъ,
злымъ —
На *смерть* его — я твой, я твой, пока
Я кровью не упьюсь его, пока онъ, умирая,
Не будетъ проклинать рожденья часъ!....
Ты видишь ли кинжалъ? Вотъ этимъ
Кинжаломъ онъ зарѣзалъ Веронику....
Ты содрогаешься, трепещешь?.... Ничего!
Его мы кровью смоемъ эту кровь!

(*становится на колѣни*)

Прими же клятву, мой усопшій ангелъ!
Клянусь....
Нѣтъ! я не буду клясться....
Прости! мы не надолго разстаемся —

Смерть такъ близка на каждомъ шагѣ.
И неужли ея не встрѣчу я,
Когда свершу обѣтъ отмщенья?

Прости! мы не надолго разстаемся....
А какъ я счастливъ былъ....
Пойдемъ!
Могила здѣсь, а мы еще живые....

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Военскій лагерь. Влѣво палатка Уголино. Лѣсь, и вдали, на неприступныхъ скалахъ, Орлиное гнѣздо, замокъ Руджіеро.

УГОЛИНО (*одинъ*).

Да, это успокоило меня. Тосканцы на походѣ,
Миланъ готовъ, и Лукка... Два, три дня —
И ты *республика* — ты *герцогство* мое,
И Уголино твой властитель!
Что я слышу —
Опять стенанье.... Нѣтъ! мнѣ показалось,
Мнѣ такъ мерещится — *она* преслѣдуетъ меня!
Эй! кто нибудь! Послать ко мнѣ Гонзаго!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ГОНЗАГО *входитъ.*

УГОЛИНО.

Скажи: не говорятъ ли? Нѣтъ ли подозрѣнья?

ГОНЗАГО.

Въ чемъ подозрѣнья?

УГОЛИНО.

Въ томъ.... въ томъ.... будто вы
Не знаете!

ГОНЗАГО.

А! въ смерти Вероники!

УГОЛИНО.

Тише!
Мнѣ кажется, когда я шелъ — вонъ тамъ,
Стоялъ тамъ кто-то, въ бѣломъ весь,
И на меня указывалъ рукой....

ГОНЗАГО.

Помилуйте! что за мечты пустыя!
Счастливѣе придумать невозможно,

Какъ это все устроилось. А Нино —
Онъ молодецъ — не правда ль, графъ, скажите?
Едва явился онъ, и весь народъ
Вступился за него. Руджьеро хитрый
Не зналъ что дѣлать, убѣжалъ, и вотъ
Запрятался въ свое Орлиное гнѣздо,
И все пошло за нами къ этому гнѣзду....
Ему недолго удержаться....

УГОЛИНО.

Да, недолго, но, однакожь....

ГОНЗАГО (*смѣясь*).

Вотъ, говорятъ, нѣтъ чувства у людей!
Едва услышали, что онъ причиной
Погибели племянницы своей —
Онъ изгнанъ былъ, лишенъ и званія и правъ,
И голову едва унесъ отъ казни....

УГОЛИНО (*съ ужасомъ*).

Кто, кто?

ГОНЗАГО.

Руджьеро. Что такое съ вами, графъ?
Вы не внимаете моимъ рѣчамъ.

Богъ знаетъ что вы говорите!
Ужли вамъ въ первый разъ случилось
Отправить на тотъ свѣтъ....

УГОЛИНО (*грозно*).

Гонзаго!

ГОНЗАГО.

Я ничего не говорю.

УГОЛИНО (*въ сторону*).

Онъ пьянъ,
Мнѣ кажется.

ГОНЗАГО (*въ сторону*).

Онъ сумасшедшій!

ЯВЛЕНІЕ 3.

УГОЛИНО, ГОНЗАГО, СЕНАТОРЫ, ВОИНЫ, *и послѣ всѣхъ* НИНО.

СЕНАТОРЪ.

Графъ Уголино!

УГОЛИНО.

А, добро пожаловать!

СЕНАТОРЪ.

Мы къ вамъ
Поспѣшно присланы отъ имени сената.

УГОЛИНО.

Что жь васъ встревожило, скажите?

СЕНАТОРЪ.

Вѣсти странныя тревожатъ насъ.
Вы знаете, когда мы извѣстились
О страшной гибели....

УГОЛИНО.

Я знаю, знаю....

СЕНАТОРЪ.

Забыты были всѣ дѣла; всѣ устремились
За вами и за графомъ Нино — мстить
Убійцѣ Вероники!

УГОЛИНО.

Какъ убійцѣ?.... Да....

СЕНАТОРЪ.

Онъ убѣжалъ, укрылся въ замокъ свой;
Вы окружили въ замкѣ Руджіеро,
И вотъ проходитъ столько дней безплодно....

УГОЛИНО.

Чтожъ дѣлать, если замокъ неприступенъ?
Придумайте намъ крылья на гору взлетѣть.

СЕНАТОРЪ.

Сенатъ опредѣлилъ убійцѣ казнь —

УГОЛИНО.

Казнь!

СЕНАТОРЪ.

Да, вы исполняете велѣнія сената,
Но между тѣмъ отвсюду вѣсти
Такія грозныя приходятъ....

УГОЛИНО.

Но какія жь?

СЕНАТОРЪ.

Внезапное вторженіе Тосканцовъ —
Войско ихъ вступило въ нашъ предѣлъ;

Въ Генуѣ слышать не хотятъ о мирѣ,
И Лукка....

УГОЛИНО.

Лукка что, ничтожный городишко!

СЕНАТОРЪ.

Графъ! мы къ вамъ присланы съ велѣньемъ:
Осаду снять, спѣшить скорѣй на встрѣчу
Тосканскимъ войскамъ, оградить предѣлы.
Мы готовимъ флотъ нашъ....

УГОЛИНО.

Кто же смѣетъ
Приказывать мнѣ среди войска моего?

СЕНАТОРЪ.

Такія рѣчи, графъ....

УГОЛИНО.

Такія рѣчи
Вы слышать не привыкли? Но вы сами власть
Мнѣ отдали — я вашъ властитель,
И никто не смѣетъ указать,
Что дѣлать мнѣ, чего не дѣлать!

Что знаете вы тамъ, въ сенатѣ вашемъ
Сидя, и толкуя безъ толку о дѣлахъ?

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Графъ Уголино....

УГОЛИНО.

Хорошо. Я къ вамъ явлюсь,
Сниму осаду....

НИНО.

Нѣтъ! я не пойду отсюда,
Пока убійцѣ казнь не совершится!

УГОЛИНО (*въ сторону*).

Опять!

(*Гонзагу*)

Гонзаго! кто-то стонетъ тамъ!

ГОНЗАГО (*тихо*).

Опомнитесь!

УГОЛИНО.

Вина, вина!

Что спорить!
Такъ ли, не такъ ли — все равно!

Что наша жизнь, и стоитъ ли она
Заботы?

(*приносятъ вино*).

За здоровье ваше! Пейте за мое....
Еще....
Ты, Инно, что не пьешь?

ИНИО.

Не пью — я не хочу.

УГОЛИНО.

Напрасно.
Полно хмуриться, синьоры, перестаньте!
Дѣла до завтра — я васъ приглашаю
Сегодня пировать со мною!

СЕНАТОРЪ.

Намъ поручено,
Еще о важномъ дѣлѣ вамъ напомнить....

УГОЛИНО.

О какомъ?

СЕНАТОРЪ.

Мы замѣчаемъ въ войскѣ безпорядки.

Солдаты ваши пьянствуютъ и грабятъ.
У васъ самихъ пиры такъ часто происходятъ...

УГОЛИНО.

Да, какъ же вы хотите, чтобъ солдатъ
Не веселился, если завтра смерть быть може-
жетъ?
Ужли у васъ намъ спрашиваться должно,
Когда намъ пировать или поститься?
Ну, полно ссориться, синьоры — по рукамъ!
Друзьями будемъ, и за дружескою чашей....

СЕНАТОРЪ (*въ сторону*).

О Боже! что съ нимъ сдѣлалось такое?
Не узнаю я Уголино....

УГОЛИНО.

Да, за чашею вина
Рѣшать и споры и дѣла отрадно!
Гонзаго! приготовить все къ веселью
Велите. — Ну, а ты, угрюмый Нино,
Веселье съ нами раздѣли хоть разъ!

НИНО.

Нѣтъ! Но сегодня вамъ веселье кстати.

Велите освѣтить огнями таборъ,
Играть, плясать, пѣть пѣсни — больше шуму.
Чтобъ непріятель видѣлъ насъ безпечныхъ,
А между тѣмъ готовьтесь въ битву —
Я знакъ подамъ условный — замокъ будетъ
нашъ —
Я средство вѣрное нашелъ къ побѣдѣ!

ВСѢ.

На пиръ и въ бой!

УГОЛИНО.

Почтенные синьоры!
Что, этихъ ли винить вамъ удальцовъ?
На пиръ, какъ въ бой, за то и въ бой, какъ
въ пиръ!

ВСѢ.

Да здравствуетъ графъ Уголино!

УГОЛИНО.

О, за мной
Они пойдутъ куда угодно....
(*тихо, съ ужасомъ*).
Мой Создатель!

Тотъ бѣлый призракъ снова!
Эй, вина, вина!
Запойте громче пѣсни, громче трубы!

(*Онъ и всѣ за нимъ уходятъ*).

ИНИО (*одинъ*).

Развратъ и гибель, будто братъ съ сестрой,
Ихъ дѣлятъ жизнь — презрѣнную ихъ жизнь.
Зачѣмъ еще я медлю здѣсь?.... За мщеньемъ,
За страшнымъ мщеньемъ, и оно свершится въ
эту ночь!
Тамъ, между скалъ, гдѣ лѣсомъ заросли
Утесы горъ, тамъ я нашелъ тропинку.
Съ немногими по ней пройду я въ замокъ,
И мы въ Гнѣздо Орлиное войдемъ,
Когда по знаку таборъ весь возстанетъ
И отвлечетъ вниманіе враговъ....
Тогда-то будетъ пиръ роскошный мнѣ,
Когда увижу я въ огнѣ врага жилище,
И вопли умирающихъ злодѣевъ
Побѣду пропоютъ мнѣ и покой во гробѣ —
А до тѣхъ поръ — ты дорога мнѣ жизнь!

ЯВЛЕНІЕ 4.

Два пьяныхъ солдата тащатъ назади сцены Калабриту.

1-й СОЛДАТЪ.

Ступай, ступай, старая вѣдьма!

КАЛАБРИТА.

Спасите меня!

2-й СОЛДАТЪ.

Еще вздумала визжать!.... Слушай, товарищъ! Чѣмъ тащить ее, такъ не вздернуть ли просто повыше, вонъ туда, на дерево?

КАЛАБРИТА.

Ведите меня къ графу Нино!

НИНО.

Знакомый голосъ.... О какія воспоминанья!
Да, это голосъ Калабриты!

1-й СОЛДАТЪ.

Вотъ еще куда! Что за знакомство
У старой вѣдьмы съ графомъ молодымъ!

ПИПО.

Кто здѣсь? Стой!

КАЛАБРИТА (*бросается къ нему*)

Графъ Пипо!
Ахъ! мой синьоръ, спасите!

ПИПО.

Прочь,
Прочь, негодяи!

1-й СОЛДАТЪ.

Виноваты, генералъ. Она шаталась
Тутъ по лѣсу, и мы ее почли
Лазутчицей....

ПИПО.

Прочь — съ глазъ моихъ долой.
Развратный пьяница!

(*солдаты убѣгаютъ*)

Ты ль это, Калабрита?

КАЛАБРИТА.

Я, синьоръ. Позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку.

ПИПО.

Несчастная! гдѣ ты была до сихъ поръ? гдѣ ты скрывалась?

КАЛАБРИТА.

Чего и перетерпѣла я, синьоръ — только одинъ Господь видитъ — холоду и голоду! Каждую минуту такъ близка была я къ смерти....

ПИПО.

Гдѣ скрывалась ты до сихъ поръ?

КАЛАБРИТА.

Меня бросили они въ самую страшную тюрьму, въ то время, когда наша милая синьора....

ПИПО.

О, не договаривай, не договаривай!

КАЛАБРИТА.

Я молчу, синьоръ.

ПИПО.

Такъ они бросили тебя въ тюрьму?

КАЛАБРИТА.

Да, они боялись, чтобы черезъ меня не открылось ихъ злодѣйство.

НИНО.

А Богъ развѣ не видалъ ихъ злодѣйства? А камни развѣ не могли завопить? И они боялись тебя, дряхлой старухи!

КАЛАБРИТА.

Они бросили меня въ тюрьму, гдѣ едва свѣтъ дневной доходилъ до меня. Вчера пьяный тюремщикъ забылъ запереть дверь — я ушла, бродила по лѣсу, меня схватили солдаты и вы спасли меня. Но, милостивый синьоръ, если дядюшка вашъ меня увидитъ — онъ убьетъ меня!

НИНО.

Мой дядя? Мнѣ кажется, ты помѣшалась отъ страха, старуха. За что онъ убьетъ тебя?

КАЛАБРИТА.

Какъ же? Вѣдь я одна была тамъ, и онъ

чуть было не изволилъ меня убить, скрывая злодѣйство свое.

ИНHО.

Какое злодѣйство?

КАЛАБРИТА.

Вы не велѣли мнѣ напоминать....

ИННО.

Говори!

КАЛАБРИТА.

Смерть моей доброй синьоры, супруги вашей.

ИННО.

Ты что-то бредишь, старуха. Хорошо. Ты здѣсь безопасна — отдохни.

КАЛАБРИТА.

Я не брежу, синьоръ, а говорю правду, какъ передъ Страшнымъ Судомъ Божіимъ....

ИННО.

Да, какъ же ты не бредишь? Ты говоришь, что ее убилъ....

*

КАЛАБРИТА.

Дядя вашъ.

НИНО.

Какой дядя?

КАЛАБРИТА.

Графъ Уголино.

НИНО.

Что такое? Уголино?

КАЛАБРИТА.

Да, и я, и еще тотъ молодой синьоръ, который былъ вашимъ другомъ, мы были притомъ, мы видѣли....

НИНО.

Какъ? Да, развѣ не Руджіеро?

КАЛАБРИТА.

Что вы это вздумали, синьоръ!

НИНО.

Боже мой! если мнѣ суждено лишиться раз-

судка, оставь мнѣ еще его, только на одну минуту!.... Какой ужасный свѣтъ освѣщаетъ меня.... Слова, поступки Уголино, и его внезапная дружба съ Гонзаго... Да, нѣтъ, нѣтъ!...

КАЛАБРИТА.

А вотъ идетъ и этотъ злодѣй, другъ вашъ....

НИНО.

Спрячься здѣсь. (*скрываетъ ее*) Гонзаго? Онъ!

ЯВЛЕНІЕ 6.

ГОНЗАГО, *идетъ пьяный.*

ГОНЗАГО (*поетъ*).

Веселье и бой
Мирятся съ солдатомъ,
И чарка со мной
Живетъ панибратомъ!

ИППО.

Гонзаго! остановись, остановись, Гонзаго!

ГОНЗАГО.

Что надобно тебѣ? Тамъ ужь идетъ
Разгульный пиръ — и моя доля — я
Другимъ ее оставить не намѣренъ!

ИППО.

Кто умертвилъ, отвѣтствуй, Веронику?

ГОНЗАГО (*смущаясь*).

Кто? Что за вопросъ такой? Къ чему? Ты
знаешь самъ!

ИППО.

Кто умертвилъ ее?

ГОНЗАГО.

Не кстати, Иппо....

ИППО (*схватывая его*).

Твоя послѣдняя минута наступила —
Молись и кайся — говори, кто?

ГОНЗАГО.

Отпусти меня!

Ты знаешь — Руджіеро!

КАЛАБРИТА (*выбѣгаетъ*).

Нѣтъ, нѣтъ! ты и Уголино!

ГОНЗАГО.

Ахъ! что я вижу!

(*вырывается и бѣжитъ*).

НИНО.

Стой! Усилья тщетны!

ГОНЗАГО (*обнажая шпагу*).

Какъ смѣешь ты, безумецъ?

НИНО.

Биться!

Ты биться, презрѣнный, дьявола добыча!

(*Онъ вырываетъ у него шпагу*)

Кто былъ убійца?

(*душитъ его*)

ГОНЗАГО.

Нино! ради Бога....
Мой другъ — я умираю — злодѣй!... О Боже мой!

НИНО.

Говори, чудовище, кто?

ГОНЗАГО.

Уголино!

НИНО.

Уголино!
А Руджіеро?

ГОНЗАГО.

На него вину сложили мы....
Онъ не причастенъ былъ убійству... Нино!
И я невиненъ, не участникъ я.... Оставь мнѣ жизнь!
Клянусь, что я раскаяньемъ терзаюсь....
Я убѣгу въ пустыню, каяться я буду....
Но только жизнь оставь мнѣ....

(*бросаясь на колѣни*)

Жизнь!

ИНО.

Жизнь? Презренный! я дарю ее тебе,
Но, прочь — исчезни!
(Гонзаго убегает).

КАЛАБРИТА.

Видите ль, синьоръ,
Я правду вамъ сказала.

ИНО.

Да, ты правду мне сказала,
Такую правду, отъ которой застываетъ кровь,
И кости гнутся и трещатъ, какъ будто
Ихъ гложутъ демоны зубами....
Туда теперь, въ Орлиное гнездо,
Туда, туда!

КАЛАБРИТА.

Синьоръ, а я?

ИНО.

Тебя я скрою —
Ты безопасна будешь — сберегать тебя я стану,
Какъ драгоценный мой алмазъ въ короне граф-
ской!
(Онъ ведетъ ее).

→•←

ЯВЛЕНІЕ 7.

Великолѣпная зала въ обширномъ шатрѣ Уголино. Освѣщеніе, столы, приготовленіе къ пиру. — Слуги бѣгаютъ, заботятся; несутъ столъ съ блюдами и кубками.

ПЕРВЫЙ СЛУГА.

Ну! скорѣе столъ сюда!

ВТОРОЙ СЛУГА.

Зажгите свѣчи.

(*они выходятъ впередъ и разговариваютъ*).

1-й.

Правду молвить, нашъ синьоръ вздурился.
Терпѣть немогъ онъ прежде веселиться,
Былъ строгъ къ солдату, чуть лишь пьянаго
увидитъ,
Ну, а теперь разгулье всякій день,
Да и солдаты, дѣлай что хотятъ!

2-й.

Пора за умъ! Ты знаешь, говорятъ....

1-й.

Что?

2-й.

Проболтаешься!

1-й.

Ну, право, нѣтъ!

2-й.

Женится хочетъ онъ на старости.

1-й.

Кой чортъ!

2-й.

Да, вѣдь на комъ? На дочери какого-то султана....

1-й.

На бусурманкѣ?

2-й.

Ну, а ты и вѣришь, дурачина?

1-й

А развѣ кто уменъ, тотъ никому не вѣритъ?

2-й.

Да, разумѣется!

1-й.

Ну, хоть женѣ....

2-й.

О, ей-то пуще всѣхъ!

1-й.

А я, такъ цѣлый вѣкъ моей Христинѣ вѣрилъ.

2-й.

За то каковъ твой лобъ!

1-й.

Что лобъ? Да, ничего!

ЯВЛЕНІЕ 8.

УГОЛИНО, МНОЖЕСТВО ГОСТЕЙ И СЛУГЪ, ДѢТИ УГОЛИНО, СЕНАТОРЫ, НАЧАЛЬНИКИ ВОЙСКА.

УГОЛИНО.

Вотъ и солдатскій ужинъ нашъ готовъ.

Прошу безъ мѣстъ и безъ чиновъ. Вина!
Кто пѣсню намъ споетъ? Начните пляски!
Я не люблю въ полсыта веселится....

(*садятся за столъ*).

ПѢСНЯ.

Кубокъ въ руки, пей до дна
Благодатное похмѣлье,
Съ нимъ и радость не скучна,
Безъ него что за веселье?
Какъ янтарное вино
Закипѣло, зашумѣло,
Какъ заискрилось оно,
Свѣжей розой заалѣло!

(*пляски и разгулье*).

УГОЛИНО (*сенатору*).

Синьоръ! что жь вы не пьете?

СЕНАТОРЪ.

Благодаренъ,
Я не охотникъ.

УГОЛИНО.

Вздоръ! Тотъ умыслы таитъ,

Кто пьянымъ быть не смѣетъ — да, тотъ
умыслы таитъ
И злое помышляетъ!

СЕНАТОРЪ.

Я не ожидалъ....

УГОЛИНО.

А я такъ ожидалъ
Всего отъ васъ. Я знаю: подозрѣнья
Большія на меня, что вашу я гнилую
Подрыть хочу республику, и снова
Построить зданіе такое, чтобъ на вѣки
Оно осталось, и потомство бы дивилось
И мудрости и славѣ Уголино!

СЕНАТОРЪ.

Зачѣмъ высказывать, графъ Уголино,
Чего намъ знать не надо?.... Я молчу.

УГОЛИНО.

А я молчать не буду. Да, пора, пора
За старые грѣхи вамъ расплатиться,
За все, что мы отъ васъ видали, да, за все,
за все!

СЕНАТОРЪ.

Когда вамъ такъ угодно угощать гостей,
Позвольте отказаться намъ отъ хлѣба-соли!

(Онъ и его товарищи встаютъ).

УГОЛИНО.

Вотъ вы и осердились — что за вздоръ!
Ну, мало ли что говорится.... Пустяки!
Все отъ того, что вы не пьете — вы забыли:
Вино веселье человѣку!

СЕНАТОРЪ.

И оно же
Съ ума насъ сводитъ.

УГОЛИНО *(вскакивая съ яростью).*

Что? Такъ развѣ я безумный?

(Ему подносятъ кубокъ. Онъ съ ужасомъ его отталкиваетъ).

Что ты мнѣ подалъ? Это кровь!

СЛУГА.

Нѣтъ! это красное вино.

УГОЛИНО.

Кровь! Развѣ я не вижу! —

ЯВЛЕНІЕ 9.

СИСМОНДИ *входитъ поспѣшно.*

СИСМОНДИ.

Графъ! вѣсти важныя.

УГОЛИНО.

Какія?

СИСМОНДИ.

Флорентійцы
Ближайшій городъ заняли.

УГОЛИНО.

Ну?

СИСМОНДИ.

Я не смѣю продолжать....

УГОЛИНО.

Не смѣешь? Точно ль городъ заняли они?
И что еще такое? Говори!

СИСМОНДИ.

Они провозглашаютъ ваше имя —
Васъ герцогомъ Пизанскимъ именуютъ.
Вотъ грамата.

УГОЛИНО.

А! «Герцогу свѣтлѣйшему».... Теперь,
Синьоры! честь имѣю васъ поздравить —
Республики Пизанской больше нѣтъ!

ВСѢ.

Какъ нѣтъ?

УГОЛИНО.

Да, кончено — моей рукою,
Я лѣтопись республики окончилъ!
Друзья! не всѣ ли мы давно страдали
Отъ прихотей презрѣннаго сената?

Не всѣхъ ли тяготила власть его?
Не вы ли вопіяли, что вамъ надо
Такого повелителя....

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Какъ Уголино!

УГОЛИНО.

Тысячу дукатовъ тому, кто это слово произнесъ!

ВСѢ (*кромѣ сенаторовъ*).

Да здравствуетъ нашъ герцогъ Уголино!

УГОЛИНО.

Такъ всѣмъ вамъ, всѣмъ по тысячѣ дукатовъ.
Пойдемъ-те въ городъ, насъ Тосканцы ждутъ,
Какъ добрые союзники и братья,
И изъ Милана, не сегодня, завтра,
Союзное придетъ къ намъ также войско.
Мы въ Пизу поспѣшимъ. Имѣнье
Сенаторовъ я отдаю въ добычу войску!

ВСѢ.

Да, здравствуетъ!

УГОЛИНО (*сенатору*).

Преступный замыслъ
Вашъ обнаруженъ. Развѣ я не зналъ,
Что привезли съ собой вы повелѣнье
Смѣнить меня, а въ случаѣ борьбы
Снять голову мою и привезти ее
Сенату вашему?

ВСѢ (*кромѣ сенаторовъ*).

Какъ? Нашего вождя?

УГОЛИНО.

Схватите, обыщите ихъ!
(*Сенаторовъ окружаютъ и отнимаютъ у нихъ бумаги*)
Вотъ, вотъ оно,
Сената повелѣнье! Что, друзья? Меня ли,
Меня ли отдадите имъ на жертву?

ВСѢ (*кромѣ сенаторовъ становятся на колѣни*).

Будь герцогъ нашъ!

УГОЛИНО (*сенаторамъ*).

А вы колѣнъ не преклонили?
Ко льву въ пещеру вы придти дерзнули —
Плохая вамъ игра въ его когтяхъ!
Покорность или смерть!

ВСѢ.

Смерть, смерть!

УГОЛИНО.

Еще мгновенье,
И вы головъ своихъ не сыщете на плечахъ!

СЕНАТОРЪ (*на колѣняхъ*).

Прими же наше поздравленье, герцогъ,
И пощади намъ жизнь, имѣнье наше!

УГОЛИНО.

А! преклонились вы!.... И такъ передо мной
Преклонятся и Лукка и Тоскана,
Генуя и Миланъ!
Да, Уголино,
Ты совершилъ великій подвигъ твой!
(*указывая на дѣтей*)
Вотъ дѣти герцога — почтенье имъ!

ВСЪ (*кланяясь*).

Почтенье дѣтямъ герцога!

УГОЛИНО (*Анзельму*).

Мой сынъ!
Тебѣ я приготовилъ доброе наслѣдство,
Тебѣ и братьямъ! Что жь? Ты будешь ли подобенъ
Отцу? Великъ ты будешъ ли, какъ онъ?

АНЗЕЛЬМО.

Я буду герцогомъ великимъ, знаменитымъ.
Я всю Италію возму и завоюю,
И выберу женой красавицу такую,
Какой на свѣтѣ лучше нѣтъ!

ГАДДО.

А я такъ, папенька, я буду рыцарь славный,
Я завоюю Грецію, и въ Царѣградѣ
Такой построю замокъ, чтобы въ цѣломъ свѣтѣ
Такого замка не было другаго — золотой,
Серебряный, а лошадей моихъ
Кормить шафраномъ стану дорогимъ,
Какъ въ сказкѣ говорится!

УГОЛИНО.

Видите ль, друзья,
Надежду нашу въ будущемъ на славу!

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ герцогъ и съ дѣтьми!

→•←

ЯВЛЕНІЕ 10.

ВѢСТНИКЪ *входитъ.*

ВѢСТНИКЪ.

Графъ!

УГОЛИНО (*устремляясь на него съ мечемъ*).

Герцогъ! смѣешь ли меня ты унижать,
Несчастный!

ВѢСТНИКЪ (*на колѣняхъ*).

Пощадите!

УГОЛИНО (*въ сторону*).

Какъ? Опять убійство,

Когда еще не смыта кровь съ поганыхъ рукъ
моихъ!
(*спокойно*)
За чѣмъ ты, говори?

ВѢСТНИКЪ.

Тамъ, на горѣ, замѣтно
Движенье. Кажется, что воины идутъ.
Ночь темная....

УГОЛИНО.

А, смѣлый Нино! ты
Пробрался въ пору... Что же въ самомъ замкѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Тихо,
Безмолвно все!

УГОЛИНО.

Однимъ ударомъ, и двухъ цѣлей
Я достигаю!.... Ну, друзья, вина! Здоровье
ваше!
На бой готовы будьте!

ВСѢ.

Въ бой, за герцога, на битву!

ЯВЛЕНІЕ 8.

ЛАНФРАНКИ *вбѣгая.*

ЛАНФРАНКИ.

Изъ замка поданъ знакъ!

(*слышна тревога*).

УГОЛИНО.

Вотъ наступаетъ часъ!
Клянитесь биться, воины, вожди, на славу....

(*съ ужасомъ въ сторону*).

Она, опять она.... отрава счастья, жизни!

ВСѢ.

Да здравствуетъ нашъ герцогъ!

(*Видѣнъ пожаръ, среди смятенія и тревоги*).

УГОЛИНО.

Что такое?
Пожаръ!

ЯВЛЕНІЕ 12.

МОРОЗИНИ (*поспѣшно*).

МОРОЗИНИ.

Погибель намъ! Ворвался непріятель!
Они подкрались тихо.... Пьяные солдаты
Въ бой не были готовы!

УГОЛИНО.

Гдѣ же Нино?

МОРОЗИНИ.

Онъ самъ ведетъ враговъ и Руджіеро съ нимъ.
Дружины Нино пристаютъ къ нему;
Они идутъ и громко восклицаютъ:
«Отмстите гибель Вероники!»

УГОЛИНО.

Вероники!
Или она изъ гроба къ намъ явилась
И тайну страшную открыла!
(*съ ужасомъ*)
Да, она, она,
Вотъ, вотъ она! Прочь, страшное видѣнье!

Зачѣмъ ты изъ могилы къ намъ пришла?

(*вынимаетъ въ бѣшенствѣ мечъ*)

Туда, врагамъ на встрѣчу!

(*всѣ неподвижны*)

Что жь, вы медлите еще?

МОРОЗИНИ.

Графъ....

УГОЛИНО.

Герцогъ!

ГОЛОСЪ ИНИО.

Вероника! Вероника!

УГОЛИНО (*роняетъ мечъ*).

Иль громъ небесный загремѣлъ изъ-за могилы!
Но я пойду противу неба и земли —
Отчаянію нечего терять!
Кто, кто за мной?

(*всѣ неподвижны*)

СЕНАТОРЪ (*выступая впередъ*).

Никто. — Ты видѣлъ
Рабовъ, прислужниковъ себѣ, когда

Насиліе тебѣ давало власть.
Я, именемъ отчизны и закона, объявляю
Тебя лишеннымъ званія вождя —
Измѣнникомъ того, кто слѣдуетъ тебѣ!

УГОЛИНО.

Пока я живъ, не торжество — погибель вамъ,
Рабы измѣнники! Мое возстанетъ войско!

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЮ.

Да здравствуетъ графъ Руджіеро!

УГОЛИНО (*хладнокровно*).

А, теперь всему конецъ!

→·←

ЯВЛЕНІЕ 10.

НИНО И РУДЖІЕРО, *входятъ съ толпою воиновъ.*

РУДЖІЕРО (*Уголину*).

Здравствуйте, почтенный графъ! Вотъ Богъ привелъ
Опять увидѣться!

УГОЛИНО (*сложивъ руки на груди*).

Скажи, что жь ты такое,
Ты, гордый замыселъ человѣка? Что?
Игра слѣпая случая слѣпаго!
Твой конченъ жребій, Уголино, конченъ!
И въ то мгновеніе, когда твоя рука
Вѣнца касалась — ты погибнуть долженъ,
И все, что куплено такъ тяжко, цѣлой жизнью,
Ты въ мигъ одинъ продашь, и купишь эшафотъ
и адъ!
Мой приговоръ я вижу въ вашихъ взо-
рахъ.
Рѣшайте! Не унижусь оправданьемъ,
Ни предъ тобой, непримиримый врагъ,
Ни предъ тобой, измѣнникъ Нино,
Ни предъ тобой, сенатъ, ни передъ вами,
Рабы мои!

(*обнимая дѣтей*)

Сюда, въ объятія отца,
О дѣти!.... Для чего теперь лишь узнаю,
Какъ тяжко разставаться съ вами будетъ!

(*садится въ сторонѣ*).

СЕНАТОРЪ.

Онъ приговоръ свой произнесъ. — Въ измѣнѣ
Его мы обвиняемъ, и суду сената
Преступникъ долженъ быть представленъ.

РУДЖІЕРО.

Гонитель мой немилосердый! Онъ меня,
Отчизны сына, столь усерднаго, оклеветалъ;
Онъ на отечество привелъ враговъ....

ВСѢ.

Судъ Уголину, судъ и казнь ему!

НИНО.

Умолкните! Никто здѣсь голоса возвысить
Не смѣй — ни вы, преступные вожди,
Ни ты, сенатъ, ничтожный и хвастливый,
Ни ты, старикъ безсильный! Только голосъ
мой
Возвысится, и брата матери моей
Здѣсь обвинитъ, осудитъ, изречетъ
Ему такой ужасный приговоръ,
Который соразмѣренъ будетъ преступленью.
Судъ Неба здѣсь свершится надъ злодѣйствомъ!

УГОЛИНО (*вскакивая*).

Нѣтъ! всѣмъ врагамъ моимъ, сенату, Руджіеро,
Мой жребій предаю — лишь только не ему!

НИНО.

Не мнѣ? — А, понялъ ты, что родъ прокля-
тый Герардески,
Во тмѣ грѣха позорно умирая,
Во мнѣ всю злость свою соединилъ!
Что сдѣлалъ ты, братъ матери моей?
Еще не вѣрю я — скажи: твоя ль рука
Убила Веронику? Скажи — не я! Ты чело-
вѣкъ,
Злодѣй, но человѣкъ — не человѣкомъ
Долженъ быть убійца Вероники!

УГОЛИНО.

Когда могу тебя признаньемъ растерзать,
Внимай мнѣ, Нино: я ее убилъ!
(*общій ужасъ*)
Ни слезъ ея, ни просьбъ не слушалъ я.
Она звала тебя на помощь тщетно!
Она минуты жизни умоляла —
Я не далъ даже помолиться ей предъ смертью!

НИНО.

Ему ли судъ? Нѣтъ! казнь изобрѣтите,
А приговоръ сената утвержденъ.

(*Руджіеру*)

Ну, поверни умомъ, старикъ! Теперь
Твоя приходитъ очередь. Придумай,
Изобрѣти ему такую казнь, которой
Еще не знаютъ люди....

РУДЖІЕРО.

Что изобрѣсти!
Все такъ давно придумано на-свѣтѣ....
Да, еще два слова: если слабый мой умишко
Хоть что нибудь изобрѣтетъ — клянись
Исполнить, что скажу я!

НИНО.

Понимаю.
Ты думаешь, что передъ страшной казнью
Я содрогнусь, почую въ сердцѣ жалость?
Нѣтъ! прахомъ Вероники въ томъ клянусь!

(*содрогаясь*)

Изобрѣтай!

РУДЖІЕРО (*усмѣхаясь*).

Трудненько. — Что изобрѣсти!
Да, правда, да,
И это будетъ, хоть немного, ново....
Есть башня старая, тамъ на распутьи, гдѣ
Семь сходятся дорогъ, и есть преданье,
Что мужъ ревнивый тамъ преступную жену
Замуровалъ живую. Говорятъ, что долго
Преступница томилась, и донынѣ,
Въ ужасный часъ полуночи, тамъ бродитъ,
воетъ,
И путника пугаетъ въ отдаленьи
Своимъ стенаньемъ, воплями своими,
И Башней Голода зовутъ всѣ эту башню.

НИНО.

Ты хочешь только уморить въ ней Уголино?

РУДЖІЕРО.

Оно не то что уморить, а пять разъ будетъ онъ
Томительною смертью умирать —
Съ нимъ посадить его дѣтей!

УГОЛИНО.

Всѣхъ?

РУДЖІЕРО.

Всѣхъ.

УГОЛИНО.

Руджьеро!
Терзай, жги, мучь меня, но.... дѣти!....

РУДЖІЕРО.

Въ рай пойдутъ!

УГОЛИНО (*простирая руки*).

Нино, Нино....

НИНО.

Клятву далъ я....

УГОЛИНО (*падаетъ на колѣни*).

Милосердуй!
Пощади!....

НИНО.

А ты щадилъ ли, ты.... когда....
(*закрываетъ лицо руками*).

АНЗЕЛЬМО.

Ахъ! братецъ Нино!
Я въ башню не пойду!

ГАДДО.

И я! Тамъ страшно,
Мы тамъ умремъ — я мертвецовъ боюсь!....

СЕНАТОРЪ.

Графъ Руджіеро....

РУДЖІЕРО.

Что еще такое?
Мнѣ кажется, что казнь изрядная, и лучше
Мнѣ не придумать.... да!

ИНПО.

Спасибо, графъ!
Ты клятву взялъ съ меня не даромъ.... безъ того....
(*поспѣшно*)

Исполнить приговоръ! Кто станетъ
Противиться, тотъ вѣдайся со мной!
Я утверждаю приговоръ. Тосканцы близко,
Миланъ и Лукка движутся на насъ;
Намъ битвы предстоятъ, но я отъ битвъ и браней
Отказываюсь здѣсь, и отнимаю

От войска всѣхъ моихъ вассаловъ, если
Не подтвердится приговоръ!

(Общее безмолвіе. Обращаясь къ Руджіеру)

Исполните.... Другіе не посмѣютъ....

(Дѣти Уголино бросаются къ Нино)

НИНО.

Прочь!.... Ни слова!
Трубите сборъ — на битву, на Тосканцовъ!

ВСѢ.

Веди насъ, Нино!

НИНО *(Уголину)*.

До свиданья — тамъ!....
Скажи отцамъ, что дѣти ихъ достойны;
Что путь грѣхамъ и преступленію широкій,
Просторный путь готовимъ къ аду мы!....

(бѣжитъ вонъ)

Коня мнѣ! Трубите сборъ!

(Всѣ спѣшатъ за нимъ; остаются немногіе. Руджіеро и Уголино долго смотрятъ другъ на друга безмолвно).

*

УГОЛИНО.

И ни когтей, и ни хвоста,
А что ты демонъ — въ этомъ я увѣренъ!
Въ аду мы оба будемъ, и мѣстечко
Я теплое тебѣ тамъ приготовлю....

РУДЖІЕРО.

Ведите ихъ!

УГОЛИНО (*схватывая въ объятія дѣтей*).

О дѣти, дѣти, дѣти!
Зачѣмъ не задушилъ я въ колыбели васъ!

ДѢЙСТВІЕ V.

—

ЯВЛЕНІЕ 1.

Воинскій лагерь. Впереди сцены великолѣпная палатка. Полки идутъ вдали торжественнымъ маршемъ, который постепенно умолкаетъ. Ночь.

НИНО (*сходитъ утомленный, и задумчиво смотритъ на проходящіе полки*).

Какъ эти звуки мнѣ знакомы!
Какъ прежде кровь моя кипѣла
При этихъ звукахъ — билось сердце,
Пламенемъ горѣли очи.... Ты, мечта пустая,
Ты, слава, призракомъ летала предо мной,
И среди стона умирающихъ собратій,
И въ дикомъ ржаніи коней,
И въ завываніи трубы военной —
Безсмертья голосъ слышалъ я....
Безумство!....
Страшно все разоблачилось —

Темна, пустынна ты, земля,
Могилъ обитель, гробъ на гробѣ,
Развалины мечтаній, змѣй жилище —
Нѣтъ! не змѣй, людей — чудовищъ,
Облеченныхъ въ образъ столь прелестный,
Скелетовъ, тѣломъ, кожею прикрытыхъ
И разрумяненныхъ.... Прочь, прочь отъ нихъ!
На что я имъ и мнѣ они на что?
Еще орудіемъ быть злобы ихъ,
Еще усыпать пепломъ городъ, два, три, и внимать,
Какъ въ радости безумной торжествуютъ
Они погибель братій, и дерутся
За бѣдную добычу грабежа — горсть золота,
За обгорѣлые остатки труповъ,
И гибнутъ сами, растерзавъ другъ друга?
Прочь ты, орудье злобы ненавистной,
Прочь, пагубный подарокъ адскихъ силъ!....
(*схватывая мечъ свой*)
Нѣтъ, мечъ мой, нѣтъ, товарищъ добрый!
Ты не разстанешся со мной такъ грустно....
О, еслибъ могъ я передать тебя рукѣ достойной....
Мой мечъ! ты мертвецу не нуженъ,

А я — мертвецъ!....

(Онъ цѣлуетъ мечъ свой, и кладетъ его къ сторонѣ).

Мертвецъ?.... Да, Нино,
Еще ли жить? Когда въ бою кровавомъ
Я смерти не нашелъ, такъ здѣсь она....

(вынимаетъ ядъ)

Добро пожаловать, любезный гость!
Ты не красивъ, за то ты вѣренъ человѣку....

(Останавливается, и вдругъ поспѣшно)

Не размышляй, о Нино! Слабость человѣка
Опять тебя, быть можетъ, увлечетъ
Надеждой, страхомъ.... Часъ, день, годъ еще
влачиться!...
Эй!

ЯВЛЕНІЕ 2.

ПАЖЪ *входитъ.*

НИНО.

Чарку золотую.

ПАЖЪ.

А вина какого?

НИНО.

Вина?.... какого хочешь.

(*Пажъ приноситъ чарку*)

Никого не допускать
Ко мнѣ, кто бъ ни пришелъ.

ПАЖЪ.

Хотя бы графъ?

НИНО.

Хоть самъ бы сатана изъ ада!

(*Пажъ уходитъ*)

А ему
Явиться кстати.... Да!.... Самоубійца....
Жизнь—смерть.... двѣ капли яда—вѣчность...
Мученій вѣчность....
Размышлять и думать
Опять, опять — когда ты сотню разъ
Въ грѣхѣ, въ развратѣ, въ преступленьи,
Съ страстями грѣшными, на бой ходилъ....

Тогда ты думалъ ли о жизни за могилой?
Тогда не адская ль ты былъ добыча?
А теперь....
Да судитъ Богъ!....
Когда бъ я могъ молиться....
Дайте мнѣ молиться силу!....
Нѣтъ! я не могу!....

→•←

ЯВЛЕНІЕ 3.

НИНО И КЛЕМЕНЦІО.

НИНО.

Кто смѣетъ? Кто здѣсь?

КЛЕМЕНЦІО.

Я.

НИНО.

Ты?

КЛЕМЕНЦІО.

Да, мой сынъ.
Я поспѣшилъ къ тебѣ....

НИНО.

Благодарю.

КЛЕМЕНЦІО.

Мое дитя!

НИНО.

Я не дитя и не твое дитя. Мнѣ говорили,
Что графъ Галлури былъ моимъ отцомъ.

КЛЕМЕНЦІО.

Нѣтъ! я право полное имѣю — сыномъ
Назвать тебя. Пусть графъ Галлури
Былъ твой отецъ — младенцомъ
Тебя я принялъ на руки мои;
Тебѣ внушалъ я добродѣтель, вѣру,
А кто ихъ въ сердцѣ нашемъ насаждалъ,
Тотъ право пріобрѣлъ надъ нами....

НИНО.

Можетъ быть —
Тутъ что-то мудрено и непонятно....

КЛЕМЕНЦІО.

Нино! или я потерялъ ужь власть

Надъ сердцемъ сына моего? О Нино!
Напомнить ли тебѣ, какъ послѣ Нисской битвы,
Я къ смертному одру притекъ къ тебѣ
И жизнью подарилъ тебя?

НИНО.

Напрасно.

КЛЕМЕНЦІО.

Ты самъ просилъ, ты умолялъ меня —
Жизнь для тебя казалась драгоцѣнна....

НИНО.

Я былъ дуракъ. Напрасно ты исполнилъ прось-
бу.

КЛЕМЕНЦІО.

Я не приходилъ къ тебѣ на пышные пиры,
Не приходилъ ласкать твоимъ страстямъ.
Пришелъ благословить тебя на счастье,
Но если это счастье, волей Бога,
Разрушено судьбой его неисповѣдной,
И бѣдствій дни тебѣ настали — я съ тобой!

НИНО.

Благодарю.

КЛЕМЕНЦІО.

Безмолвіе, отчаянье твое....

НИНО.

Скажи скорѣй: чего ты хочешь?

КЛЕМЕНЦІО.

Сердце укрѣпить твое,
Святою вѣрою его утѣшить,
Въ страданьи указать тебѣ отраду....

НИНО.

Поздно ты пришелъ.

КЛЕМЕНЦІО.

Всегда есть время
Для дружбы и любви.

НИНО.

Любви?.... Несчастный!...
Не утѣшай меня — хоть въ этомъ сжалься —

Всѣ ваши утѣшенія такъ глупы....
Прощай!

КЛЕМЕНЦІО.

Мой сынъ, мой Нино!

НИНО.

Что еще такое?
Можешь ли ты мертвыхъ воскрешать?

КЛЕМЕНЦІО.

Что говоришь ты, Нино! не безумствуй!

НИНО.

Прочь же,
Прочь, бѣдное созданье, прочь, ничтожное тво-
ренье,
Замаранный грѣхами остовъ,
Мой врагъ, злодѣй!

КЛЕМЕНЦІО.

Я!

НИНО.

Ты — ты больше всѣхъ другихъ!

Ты былъ мой первый врагъ: ты сказками
прельщалъ
Мою неопытную младость; говорилъ,
Что міръ прекрасенъ, что для счастья въ мі-
рѣ мы,
Что есть какія-то тутъ добродѣтель, честь,
Что люди братья.... Лжецъ! ты голову мою
Зажегъ несбыточной мечтой, и посмотри —
Вотъ слѣдствія пожара — я сгорѣлъ,
И только силы мнѣ остались произнесть
Проклятіе тебѣ, коварный пустомѣля!
И для чего ты лгалъ мнѣ небылицы,
Глупецъ обманутый или обманщикъ злой?

КЛЕМЕНЦІО.

Нино!

НИНО.

Болѣе ни слова.

КЛЕМЕНЦІО.

Не уже ли до того
Тебя печаль и скорби растерзали,
Что вѣру ты отвергъ и въ жизнь и въ радость?

НИНО.

Вѣру въ жизнь? И что сказалъ ты: «въ радость?»
Или смѣяться ты пришелъ?

КЛЕМЕНЦІО.

Нѣтъ! не смѣяться.
Но если міръ такъ растерзалъ тебя —
Есть на землѣ обитель и могила,
А за могилой жизнь! Перенеси
Туда свои надежды....

НИНО.

Очень благодаренъ
За твой совѣтъ.

КЛЕМЕНЦІО.

Я самъ испытанъ былъ
Терзаніями жизни. Испыталъ я страсти,
И много перенесъ, страдалъ, и грустно
Укрылся въ тихую обитель....

НИНО.

Что ты перенесъ?
Рожденный нищимъ, голодъ развѣ?

Рожденный жить — трусливо
Ты скрылся съ боя! Развѣ ты живешь,
Несчастный? Ты живешь? Не говори со мной!
Ты не поймешь меня, смѣшной мудрецъ.
Поди, сиди за книгой — мудрости ищи....
Поди и плачь —

(указывая на чарку съ ядомъ)

Я кончилъ!

КЛЕМЕНЦІО.

Иппо! Боже!

ИППО.

Видишь ли? я кончилъ!

КЛЕМЕНЦІО.

Ядъ!

ИППО.

Да, философскій камень!
Алхимія его давно уже искала,
А я нашелъ его, и черезъ нѣсколько мгновеній
Я буду счастливъ!

КЛЕМЕНЦІО.

Иппо!... Иппо, Иппо!

Размысли, ради Бога, не губи души....
Весь міръ не стоитъ этихъ капель страшныхъ,
Которыми ты губишь душу — образъ Бога!
Иппо! смотри: старикъ, твой другъ, смотри
У ногъ твоихъ!

(*онъ бросается на колѣни*)

Давно не плакалъ я — я плачу!
Ахъ! сжалься....

ИППО.

Ты смѣшонъ мнѣ.

КЛЕМЕНЦІО.

Иппо, Иппо!

ИППО.

Уже ль перемѣнить мое рѣшенье хочешь ты
Наборомъ словъ пустыхъ?

КЛЕМЕНЦІО (*бросаясь къ чаркѣ съ ядомъ*).

Я отниму твой ядъ!

ИППО.

Пролей его, возми, самъ выпей, если хочешь

Но люди запасли его довольно —
И отравить и отравиться есть запасъ!
Ты побѣдить моей не можешь воли:
Одно осталось мнѣ надежно — умереть!
Я властенъ умереть и умереть хочу.

КЛЕМЕНЦІО.

И такъ, не другъ, не пѣстунъ твой —
Служитель Бога будетъ говорить
Съ тобой, самоубійца, грѣшникъ!
Ты мыслишь показать мнѣ мужество свое,
Когда дерзаешь наложить кровавый грѣхъ
Душѣ безсмертной? — Трусъ! бѣжишь ты съ боя,
И смѣешь хвастать мужествомъ своимъ!
Добыча ада! ты ужасенъ мнѣ —
Ты мнѣ не жалокъ: какъ безумца я,
Тебя спасти бы долженъ — не хочу —
Губи себя.... Прощай на вѣки!....
Нино!....
Такъ ли намъ разстаться?.... Мнѣ одно осталось —
Молиться за тебя, да отвратитъ Господь
Ужасныя намѣренья твои!

О Иппо!....
(въ сторону).

Онъ въ размышленьи.... Подкрѣпи его, Спаситель!

Да убѣжитъ со страхомъ Искуситель!
Спаси его!.... Здѣсь человѣкъ не властенъ:
Онъ затворилъ Надеждѣ дверь — Любовь исчезла
И Вѣра сиротѣющая плачетъ!

(тихо удаляется).

ЯВЛЕНИЕ 4.

ИППО *(одинъ, долго стоитъ задумчивый).*

Онъ правду говорилъ.
Я эту правду знаю!
За чемъ же убѣжденья нѣтъ въ душѣ,
И всѣ слова, всѣ думы такъ скользятъ по ней,
Какъ вѣтеръ легкій по зѣрцалу водъ —
Чуть ихъ поверхность онъ волнуетъ,
А глубь — бездонная и мрачная — тиха,

Безвѣстна и страшна, таинственна, и чуды
Такія бродятъ въ ней, къ которымъ человѣкъ
И приступить не смѣетъ!....

(садится къ столу).

Тихо,
Безмолвно все.... Ночь темная страшна,
А адъ темнѣе и страшнѣе.... Здѣсь
Онъ, здѣсь — онъ жжетъ, палитъ меня....
И тяжкимъ сномъ на сердце налегаетъ....

(склоняетъ голову).

ЯВЛЕНІЕ 5.

Слышны тихіе звуки арфъ. Нино засыпаетъ. Задняя сторона сцены облекается туманомъ, и въ легкомъ свѣтѣ видна воздушная тѣнь Вероники. Она летитъ, поетъ и весело манитъ Нино.

ПѢСНЯ ВЕРОНИКИ.

О милый другъ! изъ-за могилы
Узнай мой голосъ, мой привѣтъ!
Есть жизнь за гробомъ, другъ мой милый,
И для сердецъ разлуки нѣтъ!

О

Спѣши ко мнѣ — я жду свиданья,
Тебя съ любовью жду святой!
Спѣши изъ области страданья —
Сюда, сюда, другъ милый мой!

НИНО (*во снѣ*).

Вероника! Вероника!

ПѢСНЯ ВЕРОНИКИ.

Цѣпи въ прахъ! Оковы тлѣнья
Распадутся предъ тобой....
Но туманомъ преступленья
Потемненъ взоръ свѣтлый твой....

Поспѣши же примиреньемъ,
Цѣпи скорби разорви,
И съ небеснымъ наслажденьемъ
Вѣчность ждетъ тебя любви!....

(*все исчезаетъ*).

НИНО (*вскакивая*).

Вероника, милый другъ, Вероника! Гдѣ же ты? Я слышалъ твой голосъ, я видѣлъ тебя! Къ ней, къ ней! Какая свѣтлая надежда проникла въ душу мою... Слезы текутъ изъ глазъ

моихъ и не жгутъ моей груди. Я молиться могу!,...

Боже! благодарю тебя!.... Какъ? Если вѣчностью скорби я могъ бы купить хоть одинъ мигъ свиданья съ Вероникою, я ринулся бы въ эту вѣчность, и нѣсколькими мгновеньями страданій не хотѣлъ я жертвовать для вѣчной радости съ нею!....

О, прости мнѣ, Вероника! прости мнѣ!....

Какъ просвѣтлѣли глаза мои! Отъ чего мнѣ не тяжко теперь? Отъ чего этотъ путь терновый до гроба кажется мнѣ стезей радости, а гробъ свѣтлою дверью въ безсмертіе? О! будь же, будь ангеломъ-хранителемъ моимъ, Вероника! Я остаюсь жить для неба, для свиданія съ тобою *тамъ*, передъ престоломъ Любви Безконечной, гдѣ нѣтъ страстей, гдѣ нѣтъ людей, нѣтъ золота и крови — одна радость, одна любовь, и вѣчность любви и радости....

Есть жизнь за гробомъ — на щитѣ моемъ напишу я эти слова, и накрою ихъ свѣтлою звѣздою!

ЯВЛЕНІЕ 6.

КЛЕМЕНЦІО И ХРАМОВОЙ РЫЦАРЬ.

ИННО (*бросается къ Клеменціо*).

Отецъ! въ мои объятья! Прости меня!

КЛЕМЕНЦІО.

О, какъ мнѣ сладостно обнять тебя
И вновь благословить! Я зналъ, предвидѣлъ,
Что сердце Инно, умъ....

ИННО.

Не сердце и не умъ —
Она, разторгнувши могильные заклепы,
Она мнѣ свѣтлымъ ангеломъ явилась,
Она на жизнь за гробомъ указала —
И я спасенъ, и я возсталъ, и съ новой силой
Мой тяжкій крестъ готовъ нести....
Что вижу я? Зачѣмъ ты здѣсь,
Воитель Храмовой?

РЫЦАРЬ.

Къ вамъ, графъ Галлури,
Я съ братіей притекъ, искать у васъ спасенья,
Просить о помощи несчастной Палестинѣ.
Мы гибнемъ отъ руки невѣрныхъ музульма-
новъ.
Французы славные, народъ великодушный,
Сокровищъ много мнѣ даютъ, и много ихъ
Уже рыцарскій пріяли плащъ съ крестомъ.

ИНО.

Самъ Богъ тебя послалъ, о вѣстникъ благо-
датный!
Иду сражаться, умереть за Гробъ Христовъ!
Молить Его на высотахъ Сіонскихъ,
Да ниспошлетъ Онъ скоро мнѣ кончины часъ,
Покоенья часъ! Всевѣдущій — Онъ знаетъ,
Какъ тяжко сиротѣть мнѣ на землѣ....

РЫЦАРЬ.

Что слышу?

ИНО.

Да, примите мой обѣтъ!

Но прежде миръ врагамъ....
Въ безумствѣ мщенья
Я утвердилъ ужасный приговоръ —
Погибель братьевъ, ангеловъ невинныхъ:
Я заживо зарылъ въ могилу ихъ;
Былъ палачемъ роднаго дяди, ихъ отца,
И человѣческимъ судомъ предупредилъ
Судъ Божій преступленью.... Горе мнѣ!
Кто на крестѣ молился за убійцъ,
Тотъ намъ велитъ прощать своимъ врагамъ,
А я губилъ себя, и передъ смертью
Что дѣлалъ я, грѣхами ослѣпленный!....
Я ихъ спасу! А если поздно?
Никогда не поздно
Прощать врагу, спасать врага!
Умолкни гордость. Я предъ народъ пред-
стану,
Я буду каяться, въ грѣхѣ сознаюсь, умолю,
Я размягчу слезами ихъ сердца —
Или спасу, или погибну самъ....
Минуты дороги. Прости, отецъ мой!
Намъ больше не видаться здѣсь — прости,
И если о моей потомъ услышишь смерти,
Порадуйся и — помолись о мнѣ....

Товарищъ-рыцарь! слѣдуйте за мною.
Мы многихъ соберемъ здѣсь подъ хоругвь кре-
ста.

ЯВЛЕНІЕ 7.

КЛЕМЕНЦІО (*одинъ*).

Благослови, благослови его, Господь!
О, успокой его, тамъ, гдѣ святыня, Гробъ
твой,
Залогомъ намъ безсмертья за могилой
На берегахъ сіяетъ Іордана!
Спасенъ онъ, не погибнетъ онъ добычей ада!
О, усладите пѣснями его кончину
Святые ангелы!....
(*слышна тревога*)
А жизнь опять бушуетъ,
Опять она тревогой зашумѣла!
Старикъ! иди въ свою забвенную обитель....
Исполненъ долгъ твой — Нино твой спасенъ.
Житейскія тамъ недоступны волны,
Гдѣ ладія у прага Вѣчности стоитъ....
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

Смятеніе. Вбѣгаютъ воины.

1-й.

Что такое? Тревога?

2-й.

Гдѣ Руджіеро? Гдѣ Иппо?

3-й.

Трубили сборъ! Непріятель!

ЯВЛЕНІЕ 9.

РУДЖІЕРО, *множество воиновъ,* НАЧАЛЬНИКИ, СЕНАТОРЫ, *и потомъ* ИППО И ХРАМОВОЙ РЫЦАРЬ.

РУДЖІЕРО.

Что это значитъ? Кто встревожилъ станъ?
Гдѣ Иппо?
(слышны клики и шумъ)
Эти клики.... Намъ измѣна

Грозитъ, друзья!.... Гдѣ Нино?
Вотъ мечъ его, но гдѣ жь онъ самъ?

НИНО.

Я здѣсь.

РУДЖІЕРО.

Но кто же, кто встревожилъ станъ?

НИНО.

Я подалъ знакъ. Намъ должно объясниться.
Минуты дороги.

РУДЖІЕРО.

Я васъ предупрежду.
Порадуйтесь, графъ Нино! Вотъ бумаги:
Сенатъ привѣтствуетъ насъ именемъ отчизны.
Мнѣ онъ подеста предлагаетъ санъ,
А вамъ тріумфъ готовится почетный.
Весь городъ выйдетъ въ срѣтеніе намъ,
Цвѣтами путь устелятъ, съ восклицаньемъ
И съ звономъ колокольнымъ встрѣтятъ насъ!
Вдругъ столько радостей — съ Генуей миръ,
Съ Тосканой миръ — побѣда наша
Мгновенно миромъ подарила насъ.

Ты былъ спасителемъ отчизны, ты побѣду
Намъ даровалъ!

ИППО.

Быть можетъ, я — но, графъ, напрасно
Меня къ тріумфамъ звать — обѣтъ мой данъ:
Я здѣсь не побѣдитель, я не воинъ суеты,
Ты видишь воина смиреннаго Христова.
Когда отчизна спасена моей рукой —
Мой долгъ исполненъ — я на вѣкъ хочу оставить міръ,
И посвятить отнынѣ мечъ и щитъ
На бой съ невѣрными, доколѣ смерть
Меня не встрѣтитъ въ полѣ брани.
И вотъ товарищъ мой, смиренный рыцарь Храма!

РУДЖІЕРО (*радостно*).

Какъ, Иппо? Вы, вы удаляетесь отъ насъ,
Вы оставляете богатство, почесть, славу?

ИППО.

На вѣкъ забудьте Иппо. Братья и друзья!
Кто въ слѣдъ меня?

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Я! Я!

ПИНО.

Моя дружина,
Христовы воины! не медля въ путь —
Заутра по волнамъ помчится нашъ корабль....
Но прежде чемъ оставлю я отчизну,
Очистить совѣсть должно мнѣ, и дѣло
Есть между мной и вами, Руджіеро:
Освободите Уголино.

РУДЖІЕРО.

Что такое?
Уголино? Что вы, что вы.... Въ умѣ ли вы!
Освободить злодѣя.... Нѣтъ!

ПИНО.

Такъ я его освобожу.
Друзья! за мной!

РУДЖІЕРО.

Ну, извините, графъ,
Вотъ этого я вамъ исполнить не позволю.

НИНО.

Ты?

РУДЖІЕРО.

Я.

НИНО.

Друзья! за мной!

РУДЖІЕРО.

Да, и къ чему? Напрасный трудъ!
Онъ вѣрно ужь не съ нами, а съ отцами....

НИНО.

Такъ христіанскому должны мы погребенью
Предать останки братій.

РУДЖІЕРО.

Ну! не все ль равно,
Въ могилу съ громомъ ли и съ почестью кто легъ,
Или истлѣлъ добычей врана на распутьи?
И словомъ: я недозволяю ни свободы,
Ни погребенья Уголину. И не сами ли вы, Нино,

Такъ мудро, справедливо разсудили:
Его, убійцу, хищника, злодѣя,
Голодной смертію въ башнѣ уморить?

НИНО.

А дѣти Уголино?

РУДЖІЕРО.

Что же? Будущихъ злодѣевъ
Не лучше ли въ пеленкахъ задавить?
Вы сами, Нино, сами вы рѣшили!
Что за смѣшной порывъ великодушья,
И время ли объ Уголино помышлять?
И что въ дѣла мірскія вамъ мѣшаться?
Прошедшее невозвратимо....

НИНО.

Страшенъ,
Ужасенъ былъ бы жребій человѣка,
Когда бы онъ прошедшаго не могъ
Покрыть раскаяньемъ и смыть слезами!
Друзья! за мною!

РУДЖІЕРО.

Извините — нѣтъ!
Я, властію, мнѣ данной, воспрещаю

Освобождать отечества врага,
И кто осмѣлится идти за графомъ Пино —
Мой гнѣвъ и судъ тому!

ПИНО.

И мнѣ?

РУДЖІЕРО.

И вамъ, когда преслушать вы дерзнете!

ПИНО.

Отдай ключи отъ башни!

РУДЖІЕРО.

Какъ? Ключи?
Я бросилъ ихъ въ рѣку! Да, и на что ключи?
Дверь замурована, и въ подземельи,
Во мракѣ переходовъ, ихъ тюрьмы не отыскать
До Страшнаго Суда!

ПИНО.

До Страшнаго Суда!
Но, знаетель вы, графъ, когда настанетъ
Сей Страшный Судъ?

РУДЖІЕРО (*усмѣхаясь*).

Когда? Не скоро!....

НИНО.

Нѣтъ! громомъ онъ падетъ на голову твою
Въ сіе мгновенье — грѣшникъ! трепещи!
Сенаторы, друзья! къ вамъ обращаюсь я.
Кому вы отдали въ отчизнѣ вашей власть?
Довольно пролили мы крови, много слезъ
Впиталось въ эту землю, и проклятій
На небо много вознеслось. Уже ли
Вы не страшитесь, что они сольются грозной
тучей,
Тамъ, предъ престоломъ судіи, и грозно
Не упадутъ на насъ, на нашихъ чадъ?
Грѣхи отцовъ
Караетъ Божій гнѣвъ въ седьмомъ колѣнѣ....
Трепещите! Первый грѣшникъ, каюсь я:
Въ крамолахъ, во грѣхахъ, въ междоусобьи
Протекъ мой вѣкъ преступный. Покаянье,
Святой даръ неба, никогда не поздно....
Уже ли каръ небесныхъ мы не видимъ?
Гдѣ флотъ нашъ? Гдѣ богатство, войско,
Обиліе полей и храмовъ украшенье?

Все сжегъ раздора огнь и пожрала измѣна!
На брата братъ возсталъ, отецъ на сына;
Другъ поднялъ мечъ убійства на друзей;
Кинжалами играютъ дѣти; кровью
Обрызганы власы сѣдые стариковъ....
Кому вы власть вручили? Ужаснитесь!
Мой дядя — онъ убилъ мою супругу;
Мы осудили уморить его голодной смертью,
Его съ дѣтьми, а дѣти — братья мнѣ!
Въ безуміи я далъ мое согласье,
И первый отрекаюсь.... Братья, братья!
Есть Богъ, и — рано ль, поздно ль, мы дадимъ
Ему отвѣтъ!

ВСѢ.

Веди насъ, Нино!

РУДЖІЕРО.

Властію мнѣ данной —
Отдай твой мечъ!

НИНО.

Нѣтъ у меня меча —
Глаголомъ Бога я вооружаюсь,
И грѣшныхъ призываю къ покаянью!

Свобода Уголину! Если вы страшитесь
Его свободы — заключите въ монастырь,
Изгнаніе ему опредѣлите —
Казните Уголино — онъ преступникъ былъ....
Но уморить его дѣтей голодной смертью —
Самъ дьяволъ поблѣднѣетъ передъ тѣмъ,
Кто выдумалъ такую казнь собрату!
Отцы ли вы, вы братья ли? Уже ли
И волосы на головѣ у васъ не станутъ дыбомъ,
И кровь не холодѣетъ, сердце бьется,
Вы смѣете глядѣть на Божій свѣтъ?
Прочь отъ него — онъ заразитъ васъ,
Тлетворнымъ ядомъ заразитъ онъ васъ!

(всѣ отступаютъ съ ужасомъ отъ Руджіеро).

ВСѢ.

Проклятье Руджіеро!

НИНО.

Видите ли, графъ?
Есть сила выше бѣдной вашей силы,
И мудрость ваша что предъ волей Бога?

Одно мое лишь слово; и народъ ожесточенный
На части разтерзаетъ васъ!....

ВСѢ.

Схватить его!

НИНО.

Презрѣніе людей и Божій судъ
Пусть будутъ карою его здѣсь на землѣ.
Къ нему не прикасайтесь — волоса его
Не троньте.... А за гробомъ, Руджіеро,
Есть Судія.... Тамъ разочтутся всѣ,
И царь, и рабъ его, богатый и убогій —
И равный будетъ судъ царю съ простолюди-
номъ!

(спѣшитъ вонъ, и за нимъ всѣ стремятся толпою, восклицая).

ВСѢ.

Веди насъ, Нино!

РУДЖІЕРО *(одинъ).*

Да, оно, конечно, такъ,
Но люди легкомысленны, и то, чего сегодня
Ты получить не могъ — получишь завтра.

Увидимъ, подождемъ.... Пусть онъ уѣдетъ въ Палестину....
Тамъ кстати быть ему благочестивымъ,
А намъ, куда ужь, грѣшнымъ, измѣнять свой нравъ....
(*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Мрачное подземелье въ Башнѣ Голода. Въ сторонѣ едва горящая лампадка. Сзади два маленькія круглыя окна, съ рѣшетками, высоко отъ полу. Уголино и дѣти его. Онъ сидитъ, безмолвный и неподвижный. Дѣти лежатъ на полу и на каменной скамьѣ.

ГАДДО (*тихонько подымаясь*).

Онъ, кажется, уснулъ?.... Анзельмо, братецъ —
Послушай, милый братъ....

АНЗЕЛЬМО (*подымаясь*).

Что? Кто тутъ говоритъ?

ГАДДО.

Я, Гаддо....

АНЗЕЛЬМО.

Ты? Ахъ! право, я не знаю....
Мнѣ что-то голосъ твой такъ страшенъ....

ГАДДО.

Можетъ быть, намъ будетъ веселѣй,
Когда мы станемъ говорить.... Здѣсь сыро,
Здѣсь холодно.... Я весь дрожу....

АНЗЕЛЬМО.

А мнѣ,
Ахъ! Гаддо — какъ же пить мнѣ захотѣлось....
И еслибъ капельку мнѣ дать воды....

ГАДДО.

Молиться станемъ....

АНЗЕЛЬМО.

Какъ? Я не умѣю....
Ахъ! пить....

ГАДДО (*складывая руки*).

Помилуй, Господи, бѣдняжку Гаддо!

АНЗЕЛЬМО.

Полно — ты отца разбудишь — онъ уснулъ!

УГОЛИНО (*тихо*).

Нѣтъ! я не сплю, несчастные!

АНЗЕЛЬМО.

Ты видѣлъ,
Какъ онъ сердился, цѣпи грызъ и рвалъ,
Когда нашъ Лотто плакалъ и кричалъ,
И у отца просилъ кусочикъ хлѣба....

ГАДДО.

Анзельмо! я боюсь — нашъ Лотто что-то
Давно замолкъ. Куда дѣвалъ его отецъ?
Ты ничего не отвѣчаешь мнѣ....

АНЗЕЛЬМО.

Ахъ! какъ мнѣ захотѣлось пить.... О Боже!

(*падаетъ въ безсиліи. Лампадка потухаетъ*).

УГОЛИНО.

Умолкли! Умерли?.... Лампада тухнетъ....
Тѣмъ лучше.... Не увижу больше я

Ихъ лицъ, истерзанныхъ мученьемъ смерти!...
Да, гдѣ же медлишь ты, уродливый скелетъ?
Ты, можетъ быть, терзаешь чье нибудь дитя;
Отца ты у сиротъ несчастныхъ похищаешь,
Или отъ алтаря невѣсту въ гробъ влечешь....
А здѣсь, здѣсь.... Двухъ я схоронилъ —
Темница мрачная могилой имъ была....
Остались двое — умирайте! — Легче
Смерть томленій смерти....

(слышны отдаленные голоса).

Уголино!

УГОЛИНО.

Что это? Мечта!

А, слава Богу! я безумѣть начинаю:
Мнѣ голоса послышались, когда и солнца лучъ
Сюда не достигаетъ....

ГОЛОСА *(ближе).*

Уголино!

УГОЛИНО.

Не мечта!

То голосъ человѣка!
Нѣтъ! все тихо....

ГОЛОСА (*ближе*).

Уголино!

УГОЛИНО.

То голосъ человѣка!

АНЗЕЛЬМО (*съ воплемъ*).

Дай мнѣ пить, отецъ!
Я умираю....

ГАДДО (*дико подымаясь*).

Мнѣ кусочикъ хлѣба!

ГОЛОСА (*близко*).

Уголино!

(*слышенъ стукъ шаговъ*).

УГОЛИНО (*встаетъ и кричитъ*).

Здѣсь я!
Постойте, дѣти, на мгновенье —
Насъ кличутъ!

ГОЛОСА (*близко*).

Уголино!

(*окна освѣщаются факелами проходящихъ*).

ГАДДО.

Хлѣба!

УГОЛИНО.

Замолчи!....

Я здѣсь!

(свѣтъ факеловъ удаляется)

Они проходятъ мимо!
Здѣсь я, здѣсь....
(падаетъ на скамью).

АНЗЕЛЬМО *(въ бреду).*

А, какой роскошный садъ.... плоды, цвѣты....
Всѣ пляшутъ, всѣ поютъ, и сколько птичекъ,
И какъ здѣсь весело играть и бѣгать....

ГОЛОСА *(опять близко).*

Уголино!

ГАДДО *(съ дикимъ воплемъ).*

Ахъ!

УГОЛИНО *(яростно).*

Замолчи, несчастный!....
Здѣсь мы, здѣсь!

Сюда, сюда! Но, мой охриплый голосъ
Подъ сводами темницы умираетъ....
Когда бъ я могъ туда, къ окну, взобраться!....

ГАДДО.

Господи!

(какъ безумный бѣжитъ онъ и скрывается во мракѣ на лѣво).

УГОЛИНО.

Сюда, мы здѣсь, сюда!

(собравъ остатокъ силы, онъ бросился къ окнамъ, и въ отчаяніи бѣжитъ назадъ).

АНЗЕЛЬМО *(испугавшись).*

Отецъ, отецъ! прости,
Мнѣ пить хотѣлось — я не буду....

(Уголино кусаетъ руки въ бѣшенствѣ. Анзельмо обнимаетъ его колѣни).

Ты родилъ насъ —

Когда ты голоденъ, зачѣмъ ты гложешь руки?
Ѣшь насъ!.... Боюсь....

(Онъ убѣгаетъ туда, гдѣ скрылся Гаддо).

УГОЛИНО *(смотря въ ту сторону, гдѣ скрылись дѣти).*

И этотъ?

ГОЛОСА *(подлѣ оконъ).*

Уголино!

УГОЛИНО.

Поспѣшите!
Послѣдній умираетъ.... Люди, люди....

(Онъ падаетъ въ безсиліи и отчаяніи).

ПИНО *(смотритъ въ окно. Яркое освѣщеніе факеловъ).*

Вотъ они! Я вижу ихъ! Ломайте стѣну,
Ломайте! Здѣсь они! Скорѣе....

(слышны удары, шумъ; камни валятся; ставятъ лѣстницы и кричатъ):

Уголино! Уголино!

нино (*прыгаетъ внизъ и бросается къ Уголину*).

Дядя мой! проснись, опомнись... Боже! благодарю тебя!

(*Другіе бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ скрылись дѣти, и возвращаясь съ ужасомъ, изъявляютъ движеніями, что дѣти Уголина найдены почти мертвыми. — Группы. Нѣкоторые садятся на разломанной стѣнѣ. Факелы. Толпа народа видна сквозь проломъ. Храмовой рыцарь въ глубинѣ сцены*).

уголино (*приходя въ себя*).

Что? Живъ ли кто изъ нихъ?

(*Дѣтей выносятъ къ отцу. Онъ ихъ обнимаетъ. Группа*).

нино.

Сбери остатокъ силъ — пойдемъ!

уголино.

Куда?

ИППО.

Покаяться, простить враговъ, и примириться
Съ людьми и съ Богомъ....

УГОЛИНО (*приподымаясь*).

Силъ моихъ достанетъ
Произнести... благословенье... слово мира...
(падаетъ, хочетъ стать на колѣна и сложить руки)
Боже!
(умираетъ).

ИППО (*на колѣняхъ*).

Судьбы твои свершились, Судія Всевышній!
Невинные страдальцы спасены!
Я примиренъ съ тобою, совѣсть....
Подайте мнѣ одежду рыцаря Христова!
(на него надѣваютъ бѣлый плащъ Тампліерскій съ краснымъ крестомъ. Онъ медленно подымается).

Уразумѣйте, властелины міра,
И научитесь, судіи земли!

Молитесь, братья! Кто посмѣетъ стать,
Когда Господь къ отвѣту призываетъ?
А кто повѣдаетъ, *когда* Онъ воззоветъ?
Кто, праха сынъ, намъ будущее скажетъ?

(многіе склоняются на колѣни въ благоговѣйномъ безмолвіи.)

Конецъ III-й части.

